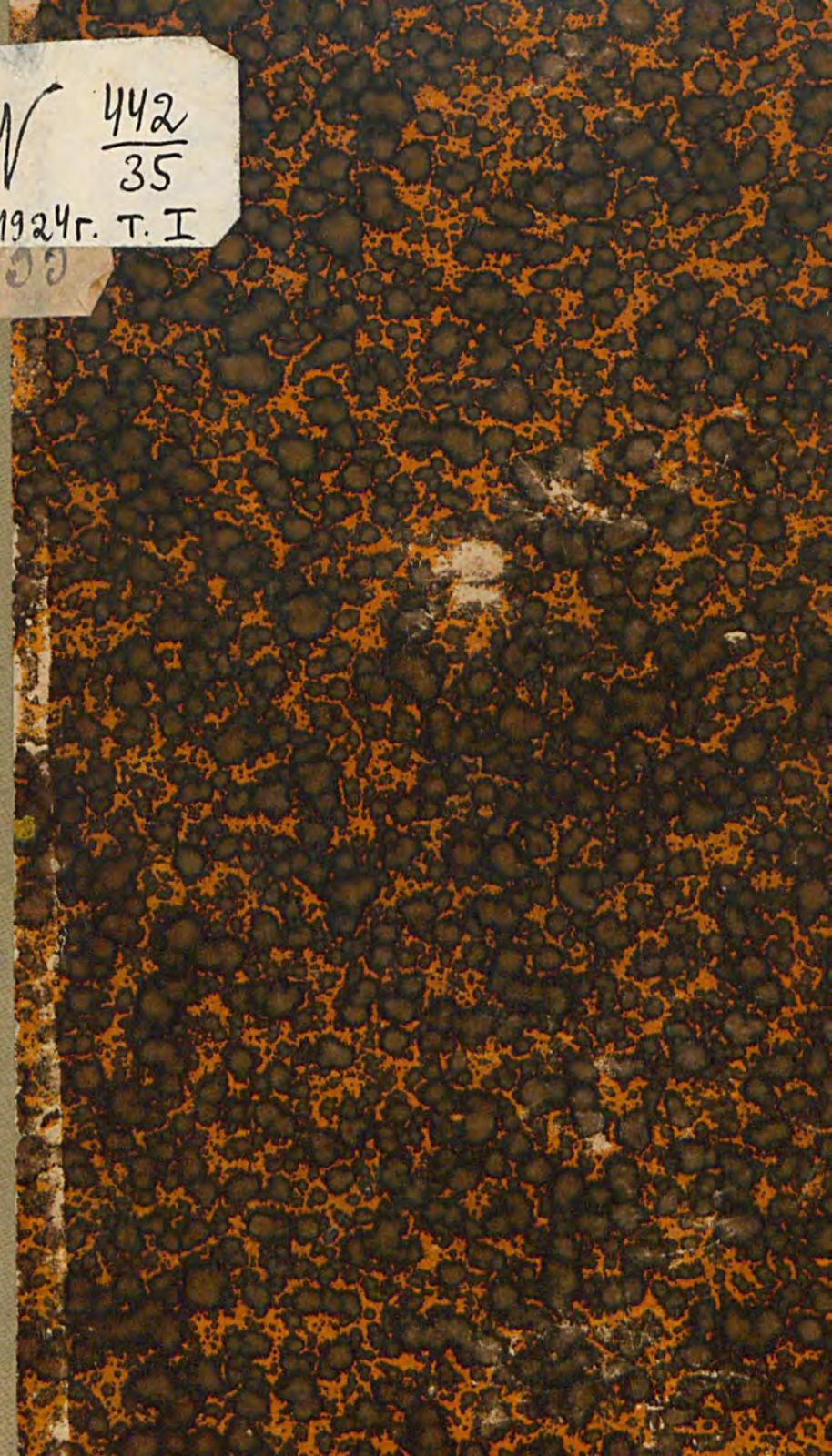

W 442

35

1924г. Т. I

W 449
35

~~14163~~

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ
Под редакцией проф. Н. Г. ТАРАСОВА

66/163 W 442
W 35

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

Том I

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТА
В ПЕРВИЧНЫХ ФОРМАХ И СЛОЖ-
НЫХ ОБРАЗОВАНИЯХ В ЕГИПТЕ,
МЕССОПОТАМИИ, ГРЕЦИИ И РИМЕ

ДОПУЩЕНО ГОСУДАРСТВ. УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

2-ОЕ ИЗДАНИЕ

ПЕЧАТАЮТСЯ:

Математика.

- А. Н. ЖИТОМИРСКИЙ.—Пособие к практическим занятиям по высшей математике.
Г. И. ПОПОВ.—История элементарной математики.

Физика.

- Б. Л. РОЗИНГ, проф.—Беседы по физике.—Вып. II. Вещество.—
Вып. IV. Электричество и его применения.

Из серии «Физика в экскурсиях».

- Д. Д. БИЗЮНИН, инж.—Экскурсия на железнодорожную станцию.

Из серии «Современная техника»

под ред. проф. А. Петровского.

- Выпуск I.—Силы природы.

- II.—Техника пара и газа.
III.—Электротехника.

- ФЕРСТЕР, проф.—От лучины до ртутной лампы и света Тесла. Перевод под редакц. Я. И. Френкеля.

Естествознание.

- А. В. НЕМИЛОВ, проф.—Биологическая трагедия женщины.
Ш. М. НАММЕРЕН.—Смерть и бессмертие.—Биологич. очерк.

География.

- Р. ЛОТЦЕ.—Древность земли.

- Ф. ЛУШАН.—Народы, расы и языки.

История.

- И. И. КАРЕЕВ—Французские крестьяне и рабочие в эпоху революции.

- И. В. БОЛДЫРЕВ, проф.—Современная Европа,

- А. Н. ШЕБУНИН—Европейская контр-революция в I-ю пол. XIX века.

- А. ОЛАР.—Культ Разума и Верховного Существа во время Французской революции.

- С. Г. ЛОЗИНСКИЙ, проф.—Средневековый город.

- КЛЮС. Август Бебель.

Библиотека обществоведения.

Под. ред. проф. Н. Г. Тарасова.

- Т. III. Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма.

- Т. V. Капитализм и социализм. Экономические и государственно-правовые основы общества.

- Ш. М. РУБИНШТЕЙН, проф.—Трудовая школа в свете истории и современности.

Литература.

- Письма В. Г. КОРОЛЕНКО и А. Г. ГОРНФЕЛЬДУ.

- С. ГРОССМАН—Партия. Роман, перевод с немецкого.

- А. А. ГИЗЕТТИ—Творчество Леонида Андреева.

- А. М. РЕДЬКО—Литературно-художеств. искания за последние 25 лет.

- ЭМИЛЬ ЭНГЕЛЬГАРДТ.—Рабинранат Тагор, как человек, поэт и мыслитель.

- ГЕЙСЛЕР.—Искусство речи.

- Е. Ф. НАРСКИЙ, акад.—Диалектология.

- ВОЛЬТЕР—Памфлеты и романы.

- ТАРО.—Злоключения Самба Диуфа.

Иностранные языки.

- С. А. МАНШТЕЙН—Краткий учебник живого английского языка.

- Э. А. ФЕХНЕР—Методика преподавания немецкого языка.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ

Под редакцией проф. Н. Г. ТАРАСОВА

66163

W 442
35

W 442
35

ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЕ

СБОРНИК СТАТЕЙ

СОСТАВЛЕН

при участии: Г. О. ГОРДОНА, Н. П. ГРАЦИАНСКОГО,
А. А. ДЕКОНСКОГО, К. В. КОТРОХОВА, Е. А. МОРО-
ХОВЦА, В. С. СЕРГЕЕВА и Н. Г. ТАРАСОВА

ПОД РЕДАКЦИЕЙ

Н. Г. ТАРАСОВА

Том I

допущено ГОСУДАРСТВ. УЧЕНЫМ СОВЕТОМ

2-ое издание

2015147781

Ленинградский гублит № 2649.

Тираж 50.0.

Типография «Сеятель», Ленинград, Пр. Майорова, 53.

Том I

ЖИЗНЬ ОБЩЕСТВА
В ПЕРВИЧНЫХ ФОРМАХ И СЛОЖНЫХ
ОБРАЗОВАНИЯХ В ЕГИПТЕ, МЕССО-
ПОТАМИИ, ГРЕЦИИ И РИМЕ

СОСТАВИЛ

Н. Г. ТАРАСОВ

37-2660

РЕГАСТЕРНО

БІБЛІОТЕКА ДІЧЕНЬ
ДІДОВОГО СІМЕЙНОГО ДОКУМЕНТА
ДОДОМ ІМІЯ СІМЕЙНОГО ДОКУМЕНТА
ДІДОВОГО СІМЕЙНОГО ДОКУМЕНТА

ОГЛАВЛЕНИЕ.

Стр.

Предисловие.

I. Первичная организация труда и общества.

Введение.

3

1. Техника, усовершенствование орудий и повышение производительности труда, как основы жизни и развития общества. По Ерманскому, Научная организация труда, и по Максерон - Эйтту, Зачатки техники	5
2. Зависимость производительности труда от общественных отношений производства. По Богданову, Краткий курс экономической науки	12
3. Присваивающее хозяйство. По Бюхеру, Возникновение народного хозяйства, по Шурцу, История первобытной культуры и по Богданову, Краткий курс экономической науки	15
4. Простейшие формы производящего хозяйства. По Покровскому, Очерки истории русской культуры, т. I	16
5. Производственные отношения и строение первобытно-родовой группы. По Богданову, Краткий курс экономической науки	19
6. Развитие производственных отношений и изменение в строении родовой группы. По Богданову, Краткий курс экономической науки	21
7. Появление частной собственности. По Богданову, Краткий курс экономической науки	25
8. Организация труда и общества и язык. По Ерманскому, Научная организация труда, и по Шурцу, История первобытной культуры	26
9. Организация трудовой деятельности и искусство. По Ерманскому, Научная организация труда	30
10. Природно-хозяйственные и общественные условия и идеология первобытного общества. По Никольскому, Русская история Покровского и Никольского, т. I	33
11. Обломки первобытной жизни в переживаниях нашей современности. По Шурцу, История первобытной культуры, по Шрадеру, Индоевропейцы, и по Тейлору, Первобытная культура	50

II. Организация труда и общественные образования в речных равнинах Африки и Азии.

Введение.	54
-------------------	----

Египет.

1. В Нильской долине в наше время. По Елисееву, Путешествие в Африку, и по Клингену, Среди патриархов земледелия	59
2. Многовековая работа населения над системой каналов и плотин. По Реклю, Человек и земля, т. II	61
3. Оросительные работы и раннее хозяйственное объединение населения. По Тураеву, История древнего Востока, т. I, по Виллеру, Древний Восток и Эгейская культура, по Хвостову, История Древнего Востока, и по Брестеду, История Египта	64
4. Хозяйственный уклад земледельческой общины, расслоение населения на классы и их взаимные отношения. По Богданову, Краткий курс экономической науки, по Виллеру, Древний Восток	67
5. Хозяйственный уклад и политический строй. По Тураеву, История древнего Востока, по Виллеру, Древний Восток, по Хвостову, История древнего Востока	72
6. Эволюция экономической, социальной и политической жизни. По Хвостову, История древнего Востока	75
7. Положение крестьян и рабочих. По Клингену, Среди патриархов земледелия, по Масперо, Древняя история Востока	79
8. Тяжелое положение трудящихся и отражение его в жизни и социально-политической мысли Египта. По Викентьеву, Революция в древнем Египте, Новый Восток, т. I, 1922 г.	84
9. Причины консерватизма в жизни египетского общества. По Хвостову, История древнего Востока, по Реклю, Человек и земля, т. II	87
10. Древний Египет и современность. По Тураеву, Древний Египет, по Верману, История искусства, т. I	89

Вавилония.

11. Условия хозяйственной жизни в Месопотамии. По Реклю, Человек и земля, т. I	13
12. Система оросительных каналов и усовершенствование земледелия. По Виллеру, Западная Азия в древние времена в Истории человечества Гельмольда, т. III, по Тураеву, История древнего Востока, по Никольскому, Древний Вавилон	96
13. Расширение сферы хозяйства и торгового обмена, социальное расслоение и политическое объединение. По Никольскому, Древний Вавилон	102

14. Деспотический характер государства и бюрократизм. По Никольскому, Древний Вавилон и по Випперу, История древнего Востока.	Стр. 111
15. Вавилон, как торговый и промышленный центр. По Никольскому, Древний Вавилон.	114
16. Культурное наследство древнего Вавилона и современность. По Випперу, С востока свет, Древний Восток, по Тураеву, История древнего Востока.	120

III. Жизнь общества в Греции и Риме.

Введение.	129
-------------------	-----

Греция.

1. Географические условия хозяйственной жизни Греции. Тэн, Чтения об искусстве.	132
2. Хозяйство, социальный и политический строй гомеровского общества. По Тюменеву, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I.	135
3. Отражение строя жизни общества гомеровского времени в Илиаде и Одиссее. По Когану, Очерки по истории древних литератур т. I.	140
4. Рост значения землевладельческой знати и положение низших классов в VIII и VII вв. По Тюменеву, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I.	146
5. Экономический переворот, выступление торговой знати и революция VII века. По Белоху, История Греции, т. I, по Пельману, История экономической и социальной истории древней Греции, т. I.	151
6. Отражение жизни общества в VII и VI вв. в литературе. По Когану, Очерки по истории древних литератур, т. I.	165
7. Развитие денежного хозяйства и рабской промышленности. По Белоху, История Греции, т. I, по Пельману, История античного коммунизма и социализма, по Тюменеву, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I.	168
8. Влияние новых экономических отношений на социальный строй и выступление промышленного класса и пролетариата. По Тюменеву, Очерки экономической и социальной истории древней Греции, т. I. и II, по Бузесиулу, Античность и современность, по Пельману, История античного коммунизма и социализма.	174
9. Изменения в литературе V и IV веков, как отражение социально-экономической и политической жизни общества. По Когану, Очерки по истории древних литератур, т. I, и по Бузесиулу, Античность и современность.	182
10. Эллинистическое общество, его экономический, социальный и политический строй и духовная производительность. По Жебелеву, Эллинизм.	187

Рим.

11. Борьба классов в эпоху натурального хозяйства и перехода к денежному хозяйству. По Сергееву, История древнего Рима	194
12. Жизнь римского общества в эпоху развития денежного хозяйства. По Сергееву, История древнего Рима	198
13. Аграрный вопрос в II и I вв. По Сергееву, История древнего Рима	202
14. Торговля и промышленность I—IV вв. и влияние новых экономических отношений на социальный и политический строй. По Сергееву, История древнего Рима, по Пельману, История античного коммунизма и социализма	206
15. Сокращение торговли и промышленности, поворот к натуральному хозяйству и последствия этого. По Сергееву, История древнего Рима, по Перцеву, История Рима	218
16. Идеология римского общества, как отражение социально-экономической и политической жизни I—V вв. По Сергееву, История древнего Рима	224
17. Античный мир и современность. По Никольскому, Древний Вавилон, по Когану, Очерки по истории древних литератур, по Бузескулу, Античность и современность, по Полланду и Вагнеру, История эллинистического - римской культуры, по Верману. История искусства т. I. и Cauer, Das Alterthum im Leben der Gegenwart	241
18. Причины и ход упадка рабовладельческого общества в равнинах Нила и Месопотамии, в Греции и Риме. По Богданову, Краткий курс экономической науки	245

ПРЕДИСЛОВИЕ.

Не излишня ли эта книга, вернее ряд книг, посвященных проблеме обществоведения, при существовании значительного количества книг для чтения и хрестоматий по истории?

Ответить на вопрос, насколько появление этой книги в данный момент обусловливается нуждою, а также вскрыть основное ее задание, план и способ исполнения и имеет целью это предисловие.

Задача нашего времени, вытекающая из всего строя жизни современного общества,—слить общественную науку с современною жизнью, чтобы осознать окружающее и сознательно на твердой базе строить жизнь. Эта задача обусловливает пересмотр содержания того, что изучалось раньше при другом задании. Пока не было стремления слить общественную науку с жизнью, единственная отрасль общественного знания, бывшая в широком распространении—история ценила факт ради факта и хронологические даты, как нечто самодовлеющее. Поэтому эпизодизм царил и составлял основу разного рода рассказов и очерков. Со второй половины XIX-го века в связи с ростом потребностей, выставляемых усложненностью жизни общества, появляются на ряду с эпизодическо-хронологическим направлением стремление изучать не отдельные факты или явления, а процесс изменения, эволюцию, генезиси

закономерность жизни общества. На это требование жизни уже могла дать удовлетворение общественная наука в виде целого ряда ее дисциплин, подошедших после почти полувековой работы к выявлению закономерности жизни и приступивших к выводам и обобщениям, даже к опытам предвидения. Все это позволяло думать о перестройке популярного изучения истории, о пересмотре того материала, который так ценило повествовательное направление, и вместо простого описания событий обратить усилия на постижение закономерности процесса общественного развития. Одна из первых попыток в этом направлении принадлежала Московской Комиссии домашнего чтения, работавшей в последней четверти XIX-го и в начале XX века для расширения самообразования. В плане общеобразовательной программы систематического чтения по историко-общественному отделу, расчетанной на широкий круг ищущих знания путем самообразования, она ставила целью указать лишь главные проблемы и подчеркнуть обобщающие идеи в той сложной группе наук, которые занимаются изучением явлений общественной жизни. «Быть может, говорил план, ни в какой другой области современного знания подобные указания не являются столь необходимыми и вместе с тем столь трудными, как в этой: Обобщающие идеи и объединяющие построения далеко еще не могут считаться в этой области законченными и твердо установленными. Однако, и теперь изучение общественных явлений имеет уже достаточно научный характер, чтобы и в этой области можно было говорить о некоторых научных обобщениях, способных внести порядок и объединение в разрозненный фактический материал. Если нет еще единой социальной науки, рассматривающей в стройном синтезе все общественные явления и дающей их законченное построение на основах общего всем им закона, то, во всяком случае,

все отдельные общественные науки совершенно отказались от обособленного существования, и одна из самых важных задач предлагаемой программы состоит в том, чтобы внушить читателю мысль о связи и взаимодействии различных общественных наук и изучаемых ими явлений. Ставя в своих указаниях представить читателю весь материал по известным рубрикам соответственно с основными группами общественных явлений, Комиссия всюду подчеркивает связь этих явлений друг с другом, без которой они и не могут быть правильно понимаемы". (План общей программы, стр. 1—13).

Таковы были начинания. Однако, целая область важнейших общественных явлений и процессов, целый ряд обобщений все еще оставались за пределами популярной науки об обществе, и именно тех вопросов и обобщений которые имеют первостепенную важность для осознания и которые составляют гордость современного научного знания. Вопросы об основах экономического, социального и политического строя, об идеологии обычно обходились и о них хранилось молчание; иногда делались неясные намеки или, что еще хуже, вопросы эти искались в желательном преломлении.

1917 год снял запрет с этих тем и, наоборот, решительно поставил их на очередь. Теперь встал вопрос огромной важности, что из достижений общественной науки и в каком количестве и сочетании нужно и можно ввести в широкое общественное пользование. Идя на встречу требованиям времени, взамен истории стали выдвигать историю культуры и подле нее политическую экономию и учение о праве, историю социализма и учение о государстве, социологию, историю труда и исторический материализм.

Новые книги и сборники, однако, давали по общественным наукам материал, разделенный и разбитый по

тем многочисленным искусственным рубрикам, на которые распределила его в интересах разработки наука: отдельно—политич. экономию, отдельно—историю культуры, отдельно—историю социализма, отдельно—историю труда, отдельно—исторический материализм, отдельно—право, или в пределах той же дисциплины изучали отдельно общий мировой процесс и процесс русский, отделяя русскую историю от всеобщей. Но еще во второй половине XIX века определилось стремление выйти из этих условных перегородок, нужных лишь ученым специалистам, для их частичной работы, явилось сознание необходимости синтезировать для целостного знания широких масс научный материал отдельных дисциплин. В реальной форме это стремление воплотилось в опытах создания культурно-исторических картин, целостно охватывающих различные стороны жизни, без мертвой систематики, где элементы экономической, социальной и политической жизни и идеологии сливаются в единое целое. Синтез пошел и дальше в начале XX века, и начались опыты построения не эпизодического типа, а тематического и фазеологического. С тех пор стремление объединить, концентрировать весь разнородный материал популярного обществоведения вокруг какого-либо одного объединяющего принципа, который бы придал курсу стройность и целостность единства, сделалось одним из очередных вопросов научной работы в области методики популяризации общественных наук. Но работавшие в этом направлении не могли столкнуться, что поставить в основу такого объединения, и чаще всего продолжали давать читателю материал, в порядке привычной системы отдельных дисциплин.

Крупные сдвиги в этом отношении произошли, когда в 1920 г., в качестве начала, дающего целостную стройность изучению в русской популяризационной работе, был твердо

установлен в области изучения жизни общества метод Маркса и когда в 1921 г. самодовлеющие отрасли общественного знания — экономика, право и история — впервые были объединены в единую цельную дисциплину обществоведения, дающую их синтез, и была дана первая синтезированная программа обществоведения для курса в семилетней школе. Объяснительная записка к этой программе мотивировала необходимость синтеза и тем, что при этом не только сокращается время, но и увеличивается производительность труда при изучении, так как более органически выступает тесная связь отдельных элементов в жизни общества. Благодаря этому синтезу является возможность яснее выдвинуть силу техники, показывающей степень достигнутых человеческим обществом приспособлений к жизненным условиям, ее влияние на хозяйственную деятельность и экономический строй, отражающие состояние производительных сил общества. Далее этот синтез облегчает раскрытие того, как хозяйственный строй обусловливает группировку общества, образование и жизнь классов и как создаются в зависимости от этого политические формы и представления человека о себе и мире, отражающиеся в духовной культуре. Введение в соответствующих частях эволюционного процесса жизни общества теоретического освещения явлений и основ экономики, права и идеологии социализма способствует более органическому пониманию происхождения тех или других процессов и явлений и укрепляет на более прочном основании идею закономерности общественной жизни.

Так, объяснительная записка 1921 г. установила основу, а программа впервые создала схему, распределила материал по новой системе и дала разработанный конспект для отдельных частей цельного комплекса обществоведения, построенного на экономической базе.

Но для того, чтобы это все вошло в действительность, этого было мало. Этим был сделан очень важный, но только первый шаг, за ним должны были следовать другие. Дело в том, что громадному большинству интересующихся обществоведением самим не по силам ввести систематически это построение в самостоятельное чтение. Опыт показал, что указание материала для работы в виде списка литературы, приложенного к программе 1921 г., было недостаточно. Для читателя часто этот материал был недоступен, недоступен потому, что он был рассеян и его трудно было извлечь из больших книг и сборников. Чтобы выбрать несколько необходимых страниц, приходилось пересматривать целые главы или томы и оттуда извлекать необходимое. Чтобы притти на помощь в деле ускорения работы отыскания материала, в 1921 году был сделан подбор материала по обществоведению с указанием не только книг, но и статей и глав в них и даже страниц, какие нужно использовать, и этот список напечатан был в № 16—17 Информационного Бюллетеня Отдела Народного Образования Московского Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов (стр. 33—43). Но и это не могло вполне обеспечить читателя, занимающегося самообразованием по обществоведению. Материал, указанный даже по страницам, не всегда был доступен потому, что подобрать указанные сборники, статьи и книги было трудно даже в центре, не говоря уже о далеких уголках. Наконец, даже при наличии материала был мало доступен иногда и потому, что требовал большой и сложной работы со стороны читателя еще над выделением существенного и даже известной переработки его соответственно новым заданиям.

Так стала на очередь третья работа—сделать материал действительно доступным, а для этого необходимо было произвести отбор, сложить его в цельную, по воз-

можности, систему, и в таком виде дать его прямо в руки читателя даже в глухом уголке. Задача была довольно сложная. Для этого, во-первых, нужно было брать не все, а только то, что проработано методом Маркса. Во-вторых, нужно было брать не материал для синтеза, которого было достаточно в научной литературе, а уже синтезированный материал, какого было гораздо меньше. В третьих, нужно было из него выделять то, что наиболее пригодно по форме и изложению. В четвертых, строго учитывать количество, чтобы не выходить из твердых рамок соотношения частей. В пятых, чтобы не превысить отведенного числа печатных страниц, и в шестых, в случае отсутствия подходящего материала, создать новое, необходимое для соответствующей части.

Эту поставленную на очередь задачу и взяла на себя группа в составе Г. О. Гордона, Н. П. Грацианского А. А. Деконского, К. В. Котрохова, Е. А. Мороховца и В. С. Сергеева, при участии и под редакцией Н. Г. Тарасова.

Группе предстояло из ряда новейших и старых крупных работ, из сборников и иногда мало доступных научных журналов выбрать материал так, чтобы объединить синтетически различные элементы общественных наук, и этот тематически подобранный материал сложить в такую новую комбинацию, чтобы ясно выступали основные линии и материал не загромождал структуры, чтобы на фоне мирового процесса отчетливо выделялся и процесс русский и, наконец, чтобы идея закономерности в тех пределах, в каких она выработалась в науке, нашла бы себе ясное выражение и чтобы на основе всего этого читатель в конечном итоге сумел бы подойти к осознанию современности. В тех случаях, где готового такого материала не оказывалось, нужно было комбинировать новое.

При работе приходилось одинаково испытывать большое затруднение как от обилия материала, так и от его недостатка. Найти среди массы книг и статей подходящие отрывки, достаточно выпуклые, не черезчур длинные, приемлемые с поставленной точки зрения—было делом кропотливым. Как раз наоборот, впрочем, обстояло дело с русским процессом, где составители могли пользоваться только трудами М. Н. Покровского, которые дают единственно выдержанное построение хода развития жизни русского общества: его мастерское умение применять метод исторического материализма к сырому, в сущности, материалу делает его статьи незаменимыми.

Работа разбита на 5 томов: I-й том обнимает первичные формы организации труда и обществ в речных равнинах Африки и Азии и хозяйственную, социальную, политическую и духовную жизнь общества Греции и Рима. II-й том заключает жизнь общества в Европе в эпоху натурального хозяйства, феодализма и средиземноморской торговли. III-й том посвящен жизни общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма. IV-й том дает жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистической промышленности и развития социализма. V-й том завершает все это рассмотрением основ капитализма и социализма и выясняет экономические и государственно-правовые основы жизни общества.

Результатом этой работы и является настоящий первый опыт синтетического построения цикла обществоведения для ищущего самодеятельного знания читателя. Нельзя было откладывать с опытом, так как дело жизни не ждет, и нужно спешить на помощь. Создать компактный, на новых основах построенный подбор материала было трудно, так как время было ограничено. Поэтому работа велась напряженно и потому в ней должны быть

недочеты, как естественно в каждом спешном и первом опыте. Но нельзя сказать, чтобы эта работа была предпринята неосмотрительно. Исполнение ее в порядке спешности могло быть осуществлено в короткое время только благодаря тому, что многолетняя предшествовавшая работа в этом направлении давала запасы подобранного материала, что и позволило произвести подбор быстрым темпом. При этой быстроте темпа, однако, не были забыты и меры к возможному улучшению работы, особенно в направлении наибольшего соответствия ее нуждам читателя. Поэтому по мере изготовления частей весь материал прорабатывался самими составителями, между прочим в семинариях Центрального Дома работников просвещения, с учительством, а также и с учащимися в разных группах трудовой школы и на рабфаках, давался в руки студентов институтов народного образования, педагогических техникумов и университета. Все эти рецензии на ряду с рецензиями Центрального Гуманитарного Педагогического Института, Народного Комиссариата по Просвещению, полученные еще до сдачи этого труда в печать, дали возможность группе учесть многое для лучшего достижения поставленной цели. Всему этому множеству предварительных рецензентов группа приносит свою благодарность за их ценное сотрудничество в общем деле, — притти по мере сил на помочь самообразованию, этой могучей форме просветительной активной работы, поставленной на очередь нашему времени.

I. Первичная организация труда и общества.

В В Е Д Е Н И Е.

Первичные стадии жизни человеческого общества, сделавшиеся около полустолетия тому назад предметом оживленного научного изучения, быстро вызвали громадный интерес и приобрели себе сочувствие. Это повело к тому, что эта отрасль науки, известная под названием «первобытной культуры», прочно вошла в обиход обычного знания. В этой дисциплине очень ценили, с одной стороны, прекрасный материал для показания контраста примитивности прошлого и нашей современной сложности, с другой стороны, она казалась привлекательной и по своему содержанию,ному драматической борьбы человека с природой и с зверем, по яркости и реальности картин, не уступавшей Робинзону Крузе. В школе эпизодического типа изучение этой стороны «мира приключений» вызвало особенное сочувствие и интерес. Наконец, этот отдел ценился и потому, что он показывал триумф человеческой мысли, «гения человека» в ряде начальных открытий и изобретений, и процесс всех этих изобретений выражался в постоянно употребляемой формуле «человек придумал». Порядок этого придумывания укладывался удобно в легко запоминаемую схему каменного, бронзового и железного веков. Так установилось традиционное изучение первобытной культуры, иногда с привкусом романтической идеализации, иногда с преувеличением грубости.

В предлагаемом подборе материала все, кроме действительно существующего контраста, не находит себе отражения. Наоборот, все ставится под другим углом зрения, и даже самый контраст используется в другом направлении. Подчеркивая резким сопоставлением противоположность средств сообщения в далеком прошлом с их современной гигантской мощностью, первая статья выводит внимание читателя из области простого эпизодизма в область понимания источника этого коренного изменения и ставит во главу угла зрения вопрос об орудии и технике, как творящей силе, обусловли-

вающей возможность интенсивной даже работы человеческой мысли. Поэтому первая статья, отведя место вопросу об орудии и технике, дает указание на то, зачем нужна эта техника и усовершенствование орудий, как то и другое является основой производительности труда. Таким образом труд, его условия являются уже в самом начале центром, который приковывает внимание, и краткий обзор изменения техники и усовершенствования орудий в связи с изменением организации труда, его производительности и социальной и политической структурой общества служит как бы введением, указывающим направление дальнейшего рассмотрения первичных форм жизни. Это рассмотрение начинается с наблюдения состояния человека в борьбе с природой без орудия, отсутствие которого обуславливает присваивающий тип хозяйства. Далее даются изменения этого хозяйства — хозяйство производящее и его простейшие формы, когда появляется и усовершенствуется орудие, что обуславливается и материалом, из которого оно изготавливается. И таким образом затрагивается вопрос об отражении роли материала на орудии и разделении жизни общества на века — каменный, бронзовый и железный. В связи с усовершенствованием орудий рассматривается и вопрос об основе хозяйства, о труде, об организации труда в обществе и об организующей и формующей общество силе труда. Это вскрывается в статье «Строение первобытно-родовой группы». Но труд обуславливает не только строение общества и организацию власти, распределение имущества: труд обуславливает и создает и весь духовный мир общества. Следующие статьи выявляют трудовое происхождение языка, искусства, науки и религии. Так, вместо традиционного эпизодизма и занимательного драматизма, мысль усиленно направляется на достижение в первичных формах, неосложненных последующими наростами, основных элементов жизни общества, на обусловленность одних другими, на органичность и закономерность того процесса, который отвел нас на такое далекое расстояние от древнейших наших предков, у которых напряженным трудом тысячелетиями складывались первые основы общественной жизни. Последние три статьи, однако, напоминают нам, что несмотря на то, что по времени мы отошли на громадное расстояние, тем не менее то, что вековыми усилиями добывалось в глубокой древности, сохраняется в нас и вокруг нас, как пережитки в нашей современности, и цепко держится, стесняя нашу жизнь, ослабляя, иногда даже парализуя нашу трудовую производительность.

I. Техника, усовершенствование орудий и повышение производительности труда.

Повышение производительности труда — основная движущая сила исторического прогресса. История человечества — это история роста производительных сил трудящихся масс. Это относится ко всей истории общественной жизни людей с самого ее зарождения. У самой колыбели человеческого рода мы видим совместный, всякими способами облегчаемый и совершенствуемый труд, как движущую силу, толкающую человечество вперед.

Но труд, даже совместный и планомерный труд, сам по себе был присущ и другим животным, по крайней мере, некоторым их видам, — напр. пчелам, муравьям. То, что окончательно вывело человека из мира остальных животных, это — изготовление орудий труда и пользование ими для большей успешности работы, для большей производительности труда.

Все трудящиеся, даже общественные животные, как муравьи, пчелы, в своей работе пользуются только своими органами или частями своего собственного тела: лапами, щупальцами и т. п. Им недоступно пользование какими-либо вне их собственного тела лежащими инструментами или орудиями труда. Даже такие первобытные орудия, как палка, которою можно сбить плоды с дерева, или примитивный каменный топор, — свойственны только человеку. Во всяком случае только он способен изготавливать себе такие орудия труда.

В этой особенности и кроется самое выделение человека из мира его предков — животных. Если человек перестал ходить, как животное, на четверенках, если он выпрямился вверх и стал двигаться только на двух ногах, то это произошло потому, что ему понадобилось освободить другую пару конечностей, нынешние наши руки, чтоб ими схватывать, в них держать орудие труда, — палку, копье, лук, молот, топор и т. п.

Животные трудятся лишь над созданием таких предметов, которые им необходимы непосредственно для существования, — над изготовлением для себя пищи, берлоги, гнезда. А человек уже на заре своей истории трудится над изготовлением таких предметов, как топор, лук, стрела: их непосредственно потреблять не станет, не будет ими насыщать свой голод, не будет ими покрывать свое гено от непогоды; но посредством этих предметов, этих орудий он лучше, экономнее организует свой труд и изготовит себе во много раз большее количество предметов потребления, т. е. сделает свой труд гораздо более производительным.

Орудие труда, стало быть, является средством рациональной, экономной его организации. Тут проявляется общий закон всякой организации, который гласит: организованное целое больше, чем сумма составляющих его частей. Это обозначает в данном случае: сумма продуктов, изготовленных в известное время помошью определенного орудия, больше, чем то их количество, которое можно было бы без орудия произвести за все то время, которое фактически было затрачено и на работу, и на изготовление орудия. И такой способ организации труда помошью орудий встречается только у человека. Понятно, почему американский ученый Франклин так и называл человека «животным, изготавлиющим орудия труда».

Появляется такой способ организации труда с помощью орудия у человека с глубочайшей древности, на самых начальных стадиях его жизни, отстоящих за сотни тысяч, может быть, миллион лет от настоящего времени.

Тогда человек не был властелином природы, каким он стал в настоящее время: для борьбы с природою и окружающими его зверями он не владел теми средствами, какими он обладает теперь, но тем не менее он боролся за свое существование и вышел из этой борьбы с победой.

Для того, чтобы объяснить себе возможность успешной борьбы первобытного человека за существование при всех неблагоприятных условиях первичной жизни, охотно прибегают к предположению, что человек тогда был существом, наделенным необычайною силою, близким к зверю, если не совершенно тождественным с ним, что таким образом именно его физические особенности обеспечивали ему господство над окружающим его миром. Но история не сохранила для нас ни единого малейшего следа такого звероподобного существа. И это в то время, когда древнейший животный мир по до-

шедшим до нас остаткам может быть нами восстановлен систематически и с поразительной полнотою. Напротив того, находки из времен этой первобытнейшей эпохи свидетельствуют о столь разительном сходстве его с современным человеком, что можно было бы отодвинуть родословную человека еще за сотни тысяч лет и все же не найти и на отдаленнейшем конце данных, которые подтверждали бы высказанную гипотезу.

С другой стороны, еще задолго до того, как мы могли открыть следы самого доисторического человека, мы находим, в качестве первых несомненных признаков его существования, доказательства деятельности, которая могла принадлежать только ему; мы говорим об орудиях, следов которых до наших дней еще никогда не оставляло ни одно животное. И в этом и кроется тайна этой темной эпохи, разрешение загадки, каким образом человек на первых ступенях своего бытия мог избежать гибели и стать тем, чем он есть теперь.

Что такое орудие? Возьмем простейший пример: первобытный неуклюжий каменный топор без рукоятки. Это предмет, форма которого приспособлена к тому, чтобы придать наносимому рукою человека удару крепость и силу, недостающие его кулаку. Человек создал себе искусственный кулак, чтобы иметь возможность размозжить череп медведю, который иначе умертвил бы его. Тот же человек изготавливает себе каменный нож, каменную пилу грубейшей формы и разрывает ими шкуру и мясо оленя, с которыми бессильны справиться его собственные слабые челюсти. Оба эти орудия дали ему возможность преодолеть трудности, которые без такой помощи, быть может, были бы причиной его гибели. Простейшее орудие удвоило, утроило его природные способности и указало ему путь, на котором он должен был стать властелином земли.

Без орудий, голыми руками человек может создать очень мало: чем совершеннее орудие, тем труд успешнее, производительнее.

С каменным топором нашего отдаленного предка срубить и небольшое деревце стоило, наверно, не менее часа труда. Бронзовые орудия, которые в Европе явились на смену каменным, уже гораздо удобнее: бронзовым топором можно было работать раза в два-три быстрее, чем каменным. Но и бронзовое орудие недостаточно твердо, легко тупится и ломается. Поэтому работа нынешним стальным топором опять-таки производительнее, требует меньше времени для одинаковых результатов.

Наиболее совершенная форма орудия—это машина. Машина в десятки, сотни раз увеличивает производительность человеческого труда.

Орудия в первобытную эпоху, машины в нашей современной жизни определяют положение человека—и притом не в одном только материальном мире. Это настолько неоспоримо, что в настоящее время при взаимном столкновении народов и рас мы уже по одним этим, повидимому, наружным признакам можем заранее предсказать, на чьей стороне будет победа. Духовная и нравственная жизнь равным образом находится в зависимости от сплошь и рядом через чур низко оцениваемых орудий, которые, являясь продуктом человеческого духа, служат в своем необозримо богатом разнообразии гому же духу и позволяют ему проявлять свою плодотворную деятельность на нашей планете. В этом и заключается задача и дело техники.

Возрастающая власть общества над природою непосредственно выражается в усовершенствовании средств борьбы с природою и умения ими пользоваться—в развитии техники.

Развитие общественной техники делается особенно быстрым за последние столетия, когда человеческий ум сознательно направляется в эту сторону, когда двигателем прогресса в производстве становится наука. Технические знания, основанные на ближайшем знакомстве с силами природы, дают человеку неизвестную прежде власть над природою. Роль технических знаний выступает наиболее ярко там, где они, независимо от средств производства, могут сильно увеличивать производительность труда. Так, земледелец, который знает, когда, где и какие растения лучше сеять, работает всегда успешнее; он извлекает из земли больше и истощает ее меньше, чем незнающий всего этого.

Область техники охватывает всю совокупность заимствованных из материального мира средств, которыми человек стремится достичнуть и утвердить господство над окружающей его природой, будет ли то с целью оградить себя от ее вредных влияний, или же с целью подчинить ее в интересах своей пользы, своего наслаждения. Эти средства являются в тройкой форме: в виде орудий или утвари, в виде машин и в виде технических способов. Все три формы часто переходят друг в друга или же могут применяться одновременно для одной и той же цели. Существенным элементом всех их, однако, служит целесообразность, которая и отводит дан-

ному предмету или данному способу место в области техники, занимающейся его изготовлением и применением.

Орудия—топор или кирка, как и утварь—чашка или стул, выполняя назначение, данное им человеком, отличаются друг от друга тем, что орудие для того, чтобы служить человеку, должно приводиться в движение его волею или силою, утварь же в состоянии неподвижности уже оказывает требующиеся от нее услуги.

Машина получает свой импульс, будет ли последний заключаться в действии тяжести, ветра, воды, пара, электричества, животной силы и т. п., извне и работает тогда, в зависимости от своих особенностей, самостоительно: молотилка, швейная машина отличаются от соответственных орудий—молотильного цепа, иглы—более или менее полною самостоятельностью своих составных частей, хотя, правда, они по большей части все еще нуждаются в содействии человека и в умелом обращении. Наиболее совершенными машинами являются те, при которых человеку приходится только пустить их в ход или прекратить их деятельность, но которые в остальном выполняют свою задачу вполне автоматически. Машина, естественно, представляет собою далеко более сложную форму технического орудия и достигает известного совершенства лишь после того, как человечество в течение тысячелетий обходилось более простыми орудиями.

Наконец, техническим способом мы называем подчиненную определенным правилам обработку различных веществ, имеющую целью вызвать в их свойствах такие изменения, которые сделали бы возможным утилитарное их применение. Способы, имеющие склонную с утварью и машинами историю развития, восходят, как и он, к первобытной эпохе человечества. Достойно внимания, что при этом уже в самое раннее время приложены были законы природы, открытие коих мы в наши дни причисляем к триумфам науки. Человек каменного периода, который, подобно современному вымирающему дикарию, трет два кусочка дерева друг о друга, чтобы получить огонь, применяет чисто технический способ и следует при этом великому закону природы, дошедшему до нашего сознания лишь многие тысячелетия спустя, именно, превращению силы в теплоту.

По мере того, как человек овладевает силами природы (ветром, падением воды и т. д.) и приручает себе животных, изготовление орудий труда, инструментов, машин приобретает все большее значение в жизни человека. Обеспечиваемый ими быстрый рост

производительности труда создает весь прогресс, всю человеческую культуру.

Замечательно, что самое слово это (латинское «cultura») буквально значит обработка земли орудиями труда. Происхождение этого слова, таким образом, есть блестящее доказательство только что сказанного: основой человеческой культуры является рост производительности работы, совершающей с помощью особых орудий, в частности в области земледелия, этой первой формы усовершенствованного труда человека, перешедшего от кочевого быта к оседлому.

Осевший на земле человек, благодаря дальнейшему усовершенствованию орудий труда, все более быстро и в неимоверной степени повышает его производительность. Это повышение, которому нет конца, непрерывно и коренным образом изменяет формы и условия всей жизни людей.

Для примера этих коренных изменений достаточно сравнить способы и условия общения между людьми в седую старину и в наше время.

В отдаленном прошлом, когда какое-либо первобытное племя хотело сообщить что-либо другому, не очень отдаленному от него племени,—каких громадных усилий это стоило! С трудом вырезывали тогда люди свои письменные знаки на древесной коре или камне; снаряжали целые караваны и полчища, чтобы доставить написанное другому племени; долгие месяцы, а то и годы двигались посланцы, преодолевая невероятные трудности, непереходимые реки, наполненные дикими зверями леса, пока не удавалось выполнить свое поручение.

А теперь? Вот на просторе океана мчится огромный, богато оборудованный пароход. Гордо рассекает он могучие волны, направляясь к другой части света. Уж он на тысячи верст отъехал от берега, кругом безбрежная стихия океана, а пароход, точно издаваясь над нею и над громадными пространствами, находится в непрерывном общении с крупными городами всего земного шара, сносясь с ними по радио-телефону, моментально получая новейшие сведения за тысячи верст. Тут же на пароходе издается газета с новейшими телеграммами. На наборных машинах делается типографский набор; на ротационных машинах печатается газета. И немедленно пускаются в оборот сотни тысяч слов, море фактов и мыслей.

Так коренным образом меняются условия жизни человека, благодаря усовершенствованию орудий труда и повышению его произ-

водительности. Это изменение совершается постепенно. К росту производительных сил неизбежно приспособляются все формы жизни, весь общественный строй людей. Этот же рост вызывает и величайшие революции, величайшие перевороты,—переходы из одной исторической эпохи в другую.

Если от людоедства,—того строя, при котором победитель по-просту съедал своего побежденного врага,—он со временем перешел к рабовладельческому строю, то произошло это потому, что сильно поднялась производительность труда: стало просто невыгодным поддатать своего побежденного противника, сделалось более целесообразным, оставив его в живых, превратить в своего раба, заставить его многие годы работать на победителя, как на рабовладельца. Пожизненный рабский труд, при повышенной производительности, не только покрывал все расходы на содержание и охрану раба, но давал рабовладельцу еще излишек, гораздо более значительный, чем та выгода, которую он получил бы, если бы просто съел своего раба.

Если спустя много тысячелетий рабовладельческий строй, в свою очередь, был сменен строем крепостного права, то причиной этой новой смены опять-таки было дальнейшее крупное увеличение производительности, большее усовершенствование орудий труда. При этих новых условиях стало нецелесообразным, невыгодным для владельца снабжать всех рабов орудиями труда, сделавшимися более дорогими.

Эти орудия требовали большой точности и целесообразности движений, а к этому нельзя было принудить раба никакими бичами. Ненавидя свой труд, видя в орудиях труда орудия пытки, раб не бережет их, а скорее рад, если можно испортить. Поэтому более усовершенствованные орудия нельзя ему давать в руки, а несовершенные, более грубые и прочные нецелесообразны, делают труд менее производительным, стало быть невыгодным и для рабовладельца.

К тому же приходилось тратить на охрану одной части рабов дорогое время других рабов же, которые могли бы за это время произвести своим полезным трудом много ценных предметов. Наконец, невольный труд раба не мог при новых условиях подняться в своей производительности или напряженности так сильно, как труд человека, свободного от рабской зависимости.

Гораздо целесообразнее оказалось тогда, уничтожив рабство, превратить бывшего раба в крепостного крестьянина, предоставив

ему клочок земли, принудить его не только самому кормить себя и свою семью, но и возложить на него большой оброк. При повышенной производительности труда крепостной был в состоянии приносить своему барину такой оброк. Или же можно было заставить крепостного часть недели усиленно работать в виде барщины на земле крепостника-помещика без всякого вознаграждения. Это также облегчалось тем, что повышенная производительность труда давала возможность крестьянину кое-как прокормиться, работая 3—4 дня в неделю на себя.

И вот, при таких изменившихся условиях, многие даже рабовладельцы, раньше утверждавшие, что рабство самим богом установлено на веки вечные, все больше приходили к новому взгляду, что рабство недопустимо, что «грешно» владеть человеком, как скотиной, и т. д. И строй рабовладельческий пал.

Подобным же образом дальнейший рост производительности труда привел со временем к падению и крепостной формы рабства, к ее замене наемным трудом «свободного» рабочего в капиталистическом строем.

То же относится к переходу от капитализма к социализму. И не праздные мечты горячих голов, а живая действительная жизнь — необычайно сильное развитие и усовершенствование современных орудий производства, безмерное увеличение производительности труда, вооруженного современными машинами человека с железной необходимостью приближает передовые страны нашего времени к тому, что неизбежной становится замена капиталистического строя социалистическим.

2. Зависимость производительности труда от общественных отношений производства.

Степень производительности труда находится в сильной зависимости от способа организации производства, от общественных отношений производства. Производительность труда увеличивается, во-первых, его соединением, и во-вторых, его разделением.

Соединение труда, или простое сотрудничество (кооперация) заключается в том, что несколько человек вместе и одновременно делают одну и ту же работу. Его влияние на производительность труда заключается в следующем:

Во-первых, сотрудничество даже в виде простой внешней совместности труда влияет на производительность труда через посредство психического состояния трудящихся. Работая вместе с другими, каждый работник испытывает особое нервное возбуждение, бодрое, энергичное настроение, которое отражается, главным образом, не только на интенсивности труда, но и повышает и его производительность. Десять человек, работая каждый свою отдельную работу, но вместе и в одной мастерской сделают в один день больше, чем в 10 дней один человек, который выполняет ту же работу в своей каморке.

Во-вторых, при совместном труде сокращается затрата трудовой энергии на средства производства: меньше идет на постройку, освещение, отопление мастерской, легче применить в дело остатки материала, так как их накапливается больше. Например, на постройку одной мастерской для 20 рабочих требуется гораздо меньше материала и труда, чем на постройку 10 мастерских, каждая для двух работников.

В-третьих, сотрудничество нередко полезно, а иногда и необходимо потому, что оно дает возможность окончить работу в короткий срок; надо, положим, скать и убрать хлеб с поля; если эта работа затягивается, то много зерна осыпается и часть труда окажется непроизводительно потерянной, а сотрудничество позволяет избежать этого.

В-четвертых, что особенно важно, сотрудничество создает механическую силу масс. Есть много работ, которых отдельный человек вовсе не может выполнить, как бы долго он ни трудился. Если, напр., надо поднять большой колокол на колокольню, то один человек ровно ничего не сделает, и сто человек, работая один после другого, также ничего; а сто человек вместе могут поднять колокол.

Общественное разделение труда заключается в том, что производство разделено и в обществе между отдельными хозяйствами, предприятиями; одно хозяйство занимается земледелием, другое—изготовлением одежды, третье—добычанием металла, четвертое—выделкой орудий.

Когда такого разделения труда не было, то каждое отдельное хозяйство принуждено было производить для себя все; понятно, что размеры такого производства оказывались очень ничтожными и его развитие шло очень медленно.

При общественном разделении труда, каждое предприятие имеет свою более или менее узкую сферу производительного труда;

это дает работникам возможность приобрести больше искусства и ловкости в своем деле и изготавливать своего продукта во много раз больше, чем надо для данного хозяйства. Ремесленнику, напр., сапожного дела самому потребуется взять не более двух пар сапог, а сошьет он сто пар; гробовщику во всю жизнь не понадобится для себя ни одного гроба, а он сделает их несколько сот. Весь излишек произведен для других, для остального общества. Тем или иным способом все продукты разделенных предприятий распределяются в обществе, и у каждого хозяйства в среднем оказывается гораздо больше предметов потребления, чем если бы оно само все производило для себя.

Техническое разделение есть разделение труда в пределах отдельного хозяйства, отдельного предприятия. Примером могут послужить мануфактуры, в которых материал труда прежде, чем выйти из мастерской в окончательной форме продукта, проходит через руки нескольких работников. Так, один выковывает клинок ножа, другой шлифует, третий точит, четвертый вытачивает черенок, пятый прилагивает его к клинку.

Техническое разделение труда повышает его производительность совершенно так же, как и общественное, и дает даже наиболее яркие примеры подобного повышения. На булевочной мануфактуре 10 работников при техническом разделении труда легко приготовляют в день 48.000 булочек, по 4.800 на человека, тогда как отдельный работник, выполняя всю работу один, вряд ли сделал бы несколько штук.

Влияние различных видов разделения труда на его успешность объясняется следующим образом. Во-первых, прямо сберегается много времени; если человек выполняет много мелких работ, одну за другой, то не мало времени уходит у него на переход от одного дела к другому, на приоравливание рук к различным инструментам. Во-вторых, разделение труда помогает развитию ловкости работника: кто делает постепенно много различных и сложных работ, тот не может выполнять их так быстро, искусно, отчетливо, как работник, который всю свою жизнь занимается немногими простыми работами. Наконец, при разделном труде легче делать изобретения и улучшения в орудиях: работая многие годы с одним инструментом, человек скорее придумает, как удобнее приспособить его к работе, какие изменения ввести в его устройство; благодаря этому не мало усовершенствований было сделано рабочими.

3. Присваивающее хозяйство.

Современная наука, устанавливая происхождение человека от животного, ведет к гипотезе о таком начальном первобытном состоянии, в котором человек вынужден был вступать в борьбу за существование, не обладая никакими иными средствами, кроме тех, какие находятся у зверей. Эта гипотеза является необходимой предпосылкой, из которой должна исходить всякая наука о человеческом обществе, желающая изобразить ход исторического развития жизни этого общества. Такое состояние, длившееся много тысячелетий, нельзя доказать на основании прямых свидетельств: из всех народов нам известных ни один уже не находится в этой стадии жизни. Но несомненно, что на этой первичной стадии человек мог пользоваться исключительно дарами природы, только присваивая их, причем хозяйственная деятельность его сводилась к добыванию плодов с деревьев, собиранию растений, ловле зверя и рыбы. Такую первоначальную форму производства обозначают, как хозяйство присваивающее. В древнейшую эпоху оно являлось единственным способом для получения необходимых средств к жизни: оно не исчезло и на высшей ступени, но там оно отступило на задний план.

Мы должны отказаться иллюстрировать это первобытное присваивающее хозяйство на примере из жизни того или другого племени, так как такой первичной стадии теперь нельзя наблюдать ни в одном народе. Единственно, что возможно—это соединить вместе черты, общие всем народам, стоящим на низкой ступени культуры, и таким образом воссоздать картину первобытного присваивающего хозяйства. Если мы из жизни бушменов и ведды отнимем употребление огня, то она сводится к поискам пищи: голые и безоружные рыщут они по ограниченному району, подобно водящимся в определенном районе зверям, пользуясь при хватании предметов также ловко ногами, как и руками. Питаются они, главным образом, плодами и кореньями, но едят также всякую живность, какая попадает им в руки, до моллюсков и червей. Каждый и каждая уничтожает в сыром виде все, что можно поймать руками и вырыть ногтями из земли. Африканские карликовые народы в поисках пищи блуждают с одного места на другое. В благоприятных местах они устраиваются на неделю, иногда на месяцы, но бросают их, как только оскудевает местность. Некоторые стоящие на низкой сту-

пени племена Южной Бразилии выходят после отлива на обсохший песчаный берег и собирают принесенные приливом раковины и успокаиваются до следующего отлива. Целые горы пустых раковин нагромождены вдоль морских берегов.

При таком производстве все силы человека уходили на добывание необходимых средств к жизни. Его дневной труд едва был достаточен для того, чтобы прокормить его. Все рабочее время человека поглощалось борьбою за жизнь, не оставалось сверх него прибавочного рабочего времени, которое он мог бы употребить на работу для другого или на улучшение условий своей жизни. Труд не создавал прибавочного, т. е. лишнего продукта, сверх необходимого для жизни. При таких условиях, очевидно, невозможна эксплоатация, т. е. невозможно присвоение плодов чужого прибавочного труда, так как самого прибавочного труда нет. Здесь возможен только самый грубый, первобытный способ извлечь выгоду из другого человека—это съесть его.

Главная черта такой промышленности заключается в том, что она никогда не обеспечивает человеческой жизни вполне. Собирание плодов и ловля—все это такие занятия, в которых слишком большую роль играет случайность. Если сегодня человек и добыл больше, чему ему нужно на сегодняшний день, то завтра он, может быть, ничего не добудет, а то и погибнет в неравной борьбе с какимнибудь сильным зверем.

Первобытный человек не умел и благодаря своей бродячей жизни не мог делать запасов, а до тех отраслей производства, которые дают человеку уверенность в завтрашнем дне, до земледелия и скотоводства, он тогда еще не дошел. Это произошло в эпоху хозяйства производящего.

4. Простейшие формы производящего хозяйства.

В недавнее еще, сравнительно, время запас фактов, известных историку хозяйства, был очень невелик. Непосредственно знали хозяйство современных европейских народов. Имелись кое-какие отрывочные сведения об экономическом строе народов прошлого и уже совсем неясные известия о способах, какими добывают себе пищу дикари. Собственно об этих дикарях можно было знать довольно много: путешественники уже XVIII века собрали довольно обиль-

ный фактический материал относительно полинезийцев, американских краснокожих и т. д., но этот материал не был использован как следует, а просто придумали схему исторического развития и всунули в надлежащие клетки этой таблицы те факты, которые казались хорошо знакомыми. Ясно, что человек старается заработать себе на жизнь возможно легче—прокормиться с наименьшей затратой труда. А какое занятие легче и интереснее всего? Конечно, охота: для современного европейца, с ружьем и дрессированной собакой, это даже и не труд, а просто забава. Еще проще рыбная ловля: сиди себе с удочкою на берегу. Есть ли народы, живущие исключительно охотой? Говорят, есть такие. Ну вот, это и есть древнейшая ступень экономической культуры: сначала люди были охотниками. Какое после охоты самое легкое занятие? Разумеется, скотоводство: глядите, шести—семилетний мальчишка может гусей пасти; одна девушка может ходить за несколькими коровами. Правда, это скучнее охоты и требует больше аккуратности и настойчивости: рано нужно вставать, стеречь скот и т. п. Поэтому, пока было много даровой дичины в лесу, люди не интересовались разведением животных. Но вот дичь повысилась, пришлось, изведав на опыте раз-другой голодовку, устраивать запасы живности. Человек вместо того, чтобы убивать зверей в лесу и там бросать их полуусыпанными, стал загонять их к себе домой и утилизировать всесторонне: есть не только их мясо, но и молоко, яйца, нашел применение для их шерсти, кожи, рога, костей. Но для скотоводства нужно очень много земли: по мере размножения, скотоводам стало тесно, а в тесноте опять и голодно. Пришлось перейти к еще более трудному способу добывания пищи—к земледелию: это уже третья стадия хозяйственного развития. Но земледелие потребовало орудий, вся жизненная обстановка усложнилась—стали прочнее дома строить, потребовались плотничье инструменты, появились ремесла: начался новый, четвертый период—промышленный. Наконец, так как не всюду можно найти одно и то же, люди стали обмениваться между собой благами: наступил последний период, промышленно-торговый, в котором мы и живем.

Такой смены периодов в действительности никогда не было. Наблюдения над бытом тех же «дикарей» показали, что прежние наши представления об охотниках, скотоводах, земледельцах объясняются исключительно нашим малым знакомством со всеми видами хозяйства. На самом деле, для первобытного человека, воору-

женного каменным топором и дубиной, охота на крупного зверя была вовсе не легким, а очень трудным и опасным занятием. Рыбная ловля в море на первобытном челноке тоже весьма далека была от знакомого нам тихого и комфортабельного спорта. Что касается скотоводства, то когда этим вопросом, о развитии скотоводства, занялись специалисты зоологии, они сразу наткнулись на ряд фактов, опровергивающих привычную гипотезу. Во первых, дикие животные, как правило, в неволе не размножаются: население наших зоологических садов постоянно пополняется подвозом свежего материала; рождение львенка или тигренка—событие, о котором пишут в газетах, и число смертей среди обитателей зверинца всегда гораздо выше числа рождений. Уже из этого видно, какое сложное дело приручение диких животных, какого труда стоило, например, из дикого зубра выработать теперешний крупный рогатый скот. Но этого мало: в диком состоянии корова или коза дают лишь ровно столько молока, сколько нужно для прокормления детеныша; дикая овца не дает шерсти, на что-нибудь пригодной. Как раз то, из-за чего теперь разводят скот, свойственно ему только уже в приученном виде. Но из-за чего и как начали его приручать? Быка, по всей вероятности, приучили из-за его силы как рабочее животное: с помощью быка можно было пахать землю глубже и быстрее, нежели с помощью только рук человеческих. Но это значит, что скотоводство сложнее земледелия, что первое предполагает последнее, а не наоборот. И действительно, есть все основания думать, что земледелие было самым ранним видом правильного, систематического хозяйства. Труд люди впервые приложили именно к земле, ибо это была самая легкая и простая форма приложения труда, особенно в тропическом климате и на девственной почве. И до сих пор нет ничего проще, например, возделывания маниока в Анголе (в южной Африке): раз в 3—4 года женщины острой палкой слегка вскапывают землю и сажают туда стебли маниока; через год они дают уже урожай, через два-три года еще более обильный; на четвертый год корни засыхают и «посев» приходится повторять. Что может быть легче и проще? А маниок одно из самых питательных хлебных растений. Несомненно, что придумать лук и стрелы или бumerанг—охотничье ружье дикарей—требовало куда более умственного напряжения, чем подобное земледелие. Если прежним историкам—экономистам земледелие казалось самым сложным видом хозяйства, то это потому, что они не имели

понятия ни о каком способе обработки земли, кроме современного европейского, с пашней при помощи плуга на лошади или быке, с бороньбой, удобрением и т. д. Наблюдения над жизнью «дикарей» познакомили с гораздо более примитивной формой обработки—ручной, при помощи мотыки (отсюда термин «мотыжное земледелие») или даже просто виловатого суха. Непосредственным потомком этой первичной формы земледелия является наше садоводство, которое и до сих пор ведется вручную, с очень примитивными инструментами, и до сих пор представляет собою нечто среднее между забавой и серьезным делом. Серьезным делом «ручное земледелие» могло стать только, повторяем, при очень благоприятных климатических условиях: прокармливает людей оно только под тропиками или очень близко к ним (например, в южном Китае). Но что начинали с него люди везде, любопытным свидетельством этого являются славянские языки и знакомый нам всем инструмент—соха. Слово это пра-славянское, но в одних славянских наречиях оно обозначает то же, что и в русском—орудие для обработки земли, а в других просто палку или жердь, причем последнее значение филологами признается за основное. Предком нашего земледельческого орудия был виловатый сук, которым некогда славянские женщины вскапывали землю, чтобы сажать в нее не маниок, разумеется, а по всей вероятности просо.

5. Производственные отношения и строение первобытно-родовой группы.

Ни в прошлом, ни в настоящем современная наука не знает таких людей, которые бы жили не в обществе. В первобытную эпоху уже существовали связи между людьми, хотя гораздо менее широкие, чем теперь. Обходиться без помощи других людей в борьбе за существование человеку тех времен было так же невозможно, как нынешнему. Лицом к лицу с враждебной природой, отдельная личность была бы обречена на скорую, неминуемую гибель.

Соединиться для совместной борьбы за жизнь в те времена было возможно только для людей, которых уже сама природа связала единством происхождения, родственными отношениями. Люди, чуждые друг другу по крови, не вступали в свободные союзы для производственной деятельности: первобытному человеку не выдумать

такой сложной вещи, как договор; а главное — страшная суровость борьбы за существование научила его враждебно относиться ко вся кому человеку, с которым не связали его родство и совместная жизнь. Потому общественная организация первобытного периода имела форму родового союза или рода. Пределами этой формы и ограничивались экономические отношения. Основное производственное отношение родовой группы есть простое сотрудничество. В известных случаях на сцену выступает коллективное выполнение дел, непосильных для отдельного человека, но осуществимых с помощью той механической силы, которая создается в сплоченной деятельности целой группы, напр., совместная защита от какого-нибудь сильного зверя, охота за ним.

Далее, внутри родовой группы уже весьма рано появилось некоторое разделение труда. Первоначально оно основывается на физиологических различиях пола и возраста. Охота представляет занятие взрослых мужчин, собирание плодов — дело женщин и детей.

Распределение труда между особями не могло быть, делом их личного произвола: тяжелая борьба с природой не допускала этого; действия работников необходимо было строго согласовать, чтобы не было бесплодной растраты сил. Труд был организован общею волею родовой группы сообразно с ее общими интересами.

Ход развития первобытного родового союза в настоящее время может быть восстановлен только приблизительно и в самых общих чертах. В своем первоначальном виде родовая группа состояла, вероятно, из женщины-матери и ее детей, которым в раннем возрасте необходима ее помощь. С течением времени выгоды сотрудничества делали связь такой семьи все более прочной: дети не уходили от матери и по достижении возмужалости. Привычка к совместной жизни развивалась, люди все более стремились держаться вместе. Родовые группы возрастали, конечно, только до тех пределов, которые ставило развитие техники. Переходя в своих размерах за эти пределы, род неминуемо распадался.

Если распределение труда в производстве зависело не от личной, а от коллективной воли, то и распределение продукта этого труда должно было являться делом всей группы. Группа давала каждому по его потребности. Давать кому-нибудь из членов меньше необходимого было для нее невозможно, потому что такой образ действий приводил бы к гибели членов рода и к ослаблению самой

группы, а уделять кому-нибудь больше необходимого было возможно только разве в очень редких случаях; вообще же этого не допускало ничтожное развитие производства и отсутствие прибавочного труда, производящего излишки сверх необходимых средств к жизни.

Следовательно, первобытное распределение имело организованный коммунистический характер. Не было и следов частной личной собственности. Что сообща производилось, то сообща распределялось, и затем немедленно потреблялось, не было и накопления.

Земледелие и скотоводство дало людям известную обеспеченность существования, освободив некоторую долю человеческих сил, облегчив тем дальнейшее развитие.

С течением времени рост населения заставлял людей перейти к соединению земледелия со скотоводством и к оседлой жизни. Это давало возможность усовершенствовать земледельческие орудия и применять к земледелию силу животных. Существование человека с тех пор является сравнительно обеспеченным. Ему уже не приходится подобно первобытному человеку затрачивать все свое рабочее время на добывание средств, необходимых для непосредственного поддержания жизни. Труд земледельца и скотовода становится более производительным: в определенный промежуток времени он начнет давать все большее и большее количество продуктов. У людей тогда появляется свободное время, которое они могут затрачивать на улучшение средств производства и техники вообще. Вместе с тем создаются такие условия, когда часть членов общины освобождается от физического труда. Средства существования доставляются им другими членами общины.

Так сверх необходимого труда, который служит для восстановления и поддержания рабочих сил общества, на сцену выступает прибавочный труд, который производит излишки, прибавочный продукт. Прибавочный труд и продукт прежде мог встречаться лишь как случай, как временное явление, а с этой эпохи становится явлением постоянным.

6. Развитие производственных отношений и изменение в строении родовой группы.

Повышение производительности общественного труда делало возможным значительное возрастание размеров родовой группы, а скотоводство, в частности, создавая более совершенные способы

передвижения (езды на оленях, лошадях, верблюдах), допуская, следовательно, поддержание общественных связей на более значительных, чем прежде, пространствах, еще более содействовало расширению границ рода. Таким образом, размеры общества стали нередко измеряться уже не десятками, а сотнями человек, и, напр., патриарх Авраам мог насчитывать в своей кочевой группе 417 человек, способных носить оружие.

Возрастающая во много раз обширность и сложность производства породила новые формы разделения труда. Одна из них имеет наибольшее значение для дальнейшего развития: это—выделение труда, организующего производство.

Когда групповое производство было ничтожно по размерам, крайне несложно и расчитано только на непосредственные потребности самого близкого будущего, тогда организаторский труд еще мог быть общим делом, мог совмещаться с трудом исполнительным, так как не превышал меры среднего понимания членов группы. Но когда дело идет о том, чтобы сотни различных работ распределить целесообразно между отдельными работниками, чтобы рассчитать потребности групп на целые месяцы вперед, тщательно соразмерить с ними затраты общественно-трудовой энергии и внимательно контролировать эти затраты, когда организаторская деятельность необходимо отделяется от исполнительского труда,—совмещение того и другого в каждой отдельной личности становится невозможным—оно далеко превосходит среднюю меру умственной силы тогдашних людей: организаторская деятельность становится специальностью наиболее опытных, наиболее знающих лиц. В каждой отдельной группе оно, наконец, сосредоточивается в руках одного человека, обыкновенно старшего в роде—патриарха.

На первых ступенях развития организаторского труда роль исполняющего этот труд руководителя еще слабо выделяется над деятельностью остальных членов рода. Организатор еще продолжает заниматься теми же работами, что и они. Как более опытному, ему скорее подражают, чем подчиняются. Но по мере развития разделения труда и усложнения родового хозяйства организаторский труд совершенно обособляется от труда исполнительского: патриарху, оторванному от непосредственного процесса производства, начинают беспрекословно повиноваться. Таким образом, в сфере производства зарождаются личная власть и подчинение—особая форма разделе-

ния труда, имеющая громадное значение в дальнейшем развитии общества.

Очень вероятно, что именно в сфере войны и охоты возникла первоначально организаторская власть, которая затем постепенно распространялась на другие отрасли производства, по мере возрастания его сложности. Такому расширению сферы организаторской власти особенно должен был содействовать тот факт, что от организатора войны и охоты зависело распределение добычи того и другого рода предприятий, а это само по себе давало ему значительную экономическую силу и авторитет среди группы.

Организаторский труд, повидимому, представляет из себя исторически самую раннюю форму сложного (квалифицированного) труда вообще. В первобытно-коммунистической группе, где каждый умел делать все, что другие, труд каждого можно рассматривать, как простой труд: таким же является исполнительский труд большинства в патриархально-родовой группе. Только роль организатора не может выполняться безразлично тем или другим лицом. Она требует особенной опытности, отчасти, быть может, и не вполне обычных способностей. Это труд сложный, «квалифицированный»: он представляет повышенную затрату энергии, равносителен умноженному простому труду.

Организатор в своих действиях всецело руководствовался, вначале по крайней мере, общими интересами рода. Основываясь, с одной стороны, на общей сумме потребностей группы, с другой стороны — на общей сумме труда, которой группа располагает, он распределял работы, устанавливая формы сотрудничества и разделения труда. Само собой разумеется, что всю эту сложную деятельность он выполнял в наибольшей части вполне стихийно, следуя установившимся обычаю, примеру предков; лишь в сравнительно мелких частностях производства, в которых обычай не дает прямых указаний, организатор принужден был действовать самостоятельно, по собственному соображению.

Возраставшая сложность организаторской деятельности вызвала с течением времени новые изменения в строении родовой группы. Расширение группы и ее производства делало невозможным для одного человека выполнение всей организаторской работы в целом: часть ее, по необходимости, переходила мало-по-малу к другим членам группы, людям обыкновенно пожилым и опытным. Каждый из них являлся организатором, хотя второстепенным и

подчиненным, для некоторой части родовой группы и, в силу понятных причин, именно для той части, с которой его связывали наиболее тесные родственные отношения. Таким образом, в пределах рода начали понемногу обособляться семьи, группировавшиеся вокруг частных организаторов, во главе которых стоял патриарх. Однако это обособление в патриархальную эпоху никогда не достигало значительной степени: единство группы преобладало над отдельностью ее частей.

Наряду с подобным организованным сотрудничеством понемногу выступает на сцену иная форма производственной связи между группами—неорганизованное общественное разделение труда. Так как прибавочный труд становится довольно обычным, а при соединении земледелия со скотоводством—даже постоянным явлением, то возникают излишки производства, запасы. Благодаря различным природным условиям, в которых живут отдельные группы, или благодаря случайным обстоятельствам, запасы эти оказываются у различных групп различными. Быть может из обычая взаимно родственных групп уступать друг другу подобные излишки возникает первоначальный обмен.

Эта форма общественного разделения труда в эпоху патриархально-родовых отношений не играет большой роли в жизни отдельных общин: наибольшую часть необходимых продуктов каждое родовое хозяйство производит для удовлетворения потребностей данной общины. О товарном производстве, при котором весь трудовой процесс сводится к производству для продажи, здесь, конечно, говорить не приходится. Патриархальный или авторитарный род относится поэтому к периоду натурального хозяйства.

Таким образом, основные черты производственных отношений, отличающие род патриархальный от первобытно-коммунистического, сводятся к следующему: обособление труда организаторского от исполнительского, расширение сотрудничества и разделение труда как внутри групп, так—в меньшей мере—и между ними, причем, благодаря наличности прибавочного труда, впервые начинает играть сколько-нибудь заметную роль неорганизованная форма разделения труда, которая выражается в обмене.

7. Появление частной собственности.

Выделение среди родовой группы организатора ее производства постепенно изменяет отношение личности к группе и ее психологию.

Если власть природы над людьми уменьшилась, то возникла зато новая власть—одного человека над другими. В сущности, то была прежняя власть группы над отдельным ее членом, только перенесенная на отдельную личность—патриарха.

Равенство в распределении утратило: весь продукт прибавочного труда оказывается в распоряжении организатора. Но и неравенство не имеет еще резкого характера: организатор продолжает, как прежде делала группа, уделять каждому необходимые средства для поддержания его жизни и выполнения его роли в производстве. Сам организатор в развитии своих потребностей недалеко ушел от прочих членов группы.

Связь взаимной помощи, сплоченность группы в борьбе с внешним миром еще возрастают по сравнению с предыдущим периодом. Во-первых, более совершенные формы сотрудничества и разделения труда внутри группы более тесно сближают ее членов, чем прежде, когда наибольшую часть обыденных работ каждый мог выполнять независимо от других, когда преобладала простая совместность труда; во-вторых, единство рода выигрывает отчасти и благодаря тому, что находит себе конкретное, живое воплощение в личности патриарха.

В то же время и в силу тех же условий возникают в родовой группе зародыши индивидуализма, сущность которого заключается в том, что себя и свое человек отеляет в своем сознании от группы, что появляются личные интересы, тогда как раньше существовали только общинные.

Роль организатора в производстве была особенной ролью и принадлежала только ему одному: такова основная причина, порождавшая в его психике индивидуалистические чувства и представления. Из этой основной причины вытекали иные, которые действовали в том же направлении.

Организатор распоряжался всеми общественными запасами, всей суммой прибавочного продукта, что давало ему возможность

расширять свои потребности и тем еще более выделяться среди группы. При обмене он неизменно выступал как действительный владелец всего имущества своей общины, и, имея при этом дело с другим подобным организатором, он привыкал смотреть на этого последнего, а затем и на себя самого, как на собственников тех товаров, которые идут в обмен. Так постепенно развивалась частная собственность: вначале обмен между группами, в котором они выступают, как владельцы своих товаров, должен был создать понятие о родовой частной собственности, а потом особенная роль организаторов в обмене, преобразуя психику людей далее, порождает идею личной собственности.

8. Организация труда и общества и язык.

На заре истории развития человека самый первобытный дикарь должен был производить хотя бы и самую примитивную, несложную работу для своего пропитания. В этой работе первобытный человек неизбежно напрягал органы своего тела, прежде всего органы дыхания—легкие, и из его груди естественно вырывались звуки, вызываемые напряжением сил. Таким образом каждый трудовой акт сопровождался соответствующими звуками, которые вместе с ним, постоянно повторяясь, превращались по привычке в одно целое.

Со временем постепенно происходило выделение трудовых звуков, их обособление от всего целостного трудового акта. Случалось, напр., что первобытный человек, желая повторить весь трудовой акт, не имел возможности его выполнить—оттого ли, что как раз не было под рукою необходимых материалов, или оттого, что сил его на этот раз не хватало. Человек весь поглощен был в таком случае стремлением воспроизвести полностью всю привычную двигательную реакцию, весь акт труда вместе с сопровождающими его звуками. Но, по необходимости, дело ограничивалось теми частями всего акта, для которых в данном случае не встречалось препятствий. Вместо полного трудового акта получалась работа одних только мускулов лица, гортани.

Таким образом вся работа переживалась лишь мысленно, а на деле все ограничивалось привычными, связанными с нею мимикой лица и звуком «га», постоянно сопровождавшими сильный удар при этой работе. И другой первобытный человек, услыхавший такой звук,

понимал, что хочет выразить тот, кто его издал. Звуковая реакция, отделившись от трудового акта как целого, становилась его способом обозначения, его словесным знаком. Это было уже началом речи, как средства общения человека с человеком. Трудовые звуки, ставшие впоследствии символами, словами, выросли естественно, по законам психофизиологии, из трудовых актов, из деятельности первобытного человека. Современное сравнительное языкознание установило, что первые слова человеческой речи имели своими корнями отглагольные междометия. Если с языка грамматики сделать перевод на язык реальной жизни, то получится точная формула доказываемой здесь истины: слова человеческой речи родились из трудовых криков. Глагол выражает деятельность, труд, междометие выражает восклицание, крик. И совершенно справедливо такой глубокий исследователь происхождения языка, как немецкий ученый Людвиг Нуаре, определяет человеческую речь, как продукт коллективной деятельности людей в процессе труда.

Само собою разумеется, что со временем, по мере усложнения трудовых процессов, все более сложными и разнообразными становятся и трудовые звуки, все богаче делается совокупность тех словесных звуков, которыми пользуются в общении друг с другом люди.

В коллективном, общественном процессе труда первобытного человека трудовые звуки—слова—являются средством, помощью которого человек призывает и собирает своих сотрудников, ободряет их в работе. Еще важнее то, что это средство делает работу более успешной, более экономной, устанавливая в ней определенный ритм,—правильное чередование повторяющихся отдельных усилий, соответствующее правильному чередованию или ритму трудовых звуков. Иными словами тут перед нами средство, организующее процесс труда. Организующее не только в смысле согласования и установления одновременности усилий, производимых всеми участниками процесса трудового, но и в смысле большей внутренней организованности, т. е. согласованности работы различных мускульных и нервных групп у каждого отдельного работника.

Такого рода внутренняя организация или согласование имеет огромное значение с точки зрения сбережения энергии, экономии сил. Она достигается тем, что каждый нерв, каждый мускул делает усилие или работу лишь в надлежащее время, в надлежащем направлении, с надлежащей степенью напряжения. Этим достигается

скорейшее получение желательного результата с наименьшей затра-
той энергии.

Относительно нынешних негритянских племен Африки историк культуры Майнерс говорит: «Что они ни делают—ходят ли, танцуют, поют, играют или работают,—все делается ими в такт, который даже самые глупые негры, все без различия, соблюдают с большею точностью, чем наши солдаты и музыканты после долгого обучения и упражнения».

Этот играющий такую огромную роль в процессе труда перво-
бытного человека ритм рабочих движений выражался внешним обра-
зом и фиксировался помошью трудовых звуков—слов, вроде «га»,
«ух», «гей» «гоп» и т. д. Еще и до наших дней сохранилась связь
некоторых слов с теми трудовыми звуками, из которых они родились.
Напр., немецкое слово «hauen» (рубить) или французское «hache»
(топор) еще ясно обнаруживают связь со звуком «ha», который не-
вольно вырывается, когда рубят топором. Благодаря этому, первые
слова человеческой речи приобретали чрезвычайное значение срод-
ства, организующего всю трудовую жизнь первобытных людей. В свою
очередь, сама человеческая речь, родившаяся из процессов труда,
из необходимости сделать их более экономными, более успешными,
производительными,—и в своем дальнейшем развитии была целиком
связана с развитием производительности труда. Чем совершеннее
становились орудия человеческого труда, чем разнообразнее его
материалы, виды и приемы, чем сложнее организация трудовых про-
цессов,—тем разнообразнее и сложнее становились и слова челове-
ческой речи, как средства дальнейшей организации и экономизации
процессов коллективного труда. С их усложнением и дифференциа-
цией (обосланием) усложнялась и дифференцировалась человече-
ская речь.

Так, дар речи не свалился нам с неба, но развился из перво-
начальных, весьма слабых зачатков. Язык—наследство неисчисли-
мого ряда поколений. Язык является результатом жизни обществом.
Его родило трудовое общение людей. Если бы человек не был суще-
ством общественным, он бы не имел и дара речи, или только нич-
тожные зачатки ее. Так, постепенно развиваясь и усложняясь на
протяжении многих тысячелетий, и выросло из процессов труда бо-
гатейшее орудие человеческого прогресса, движения человечества
вперед—бесконечно разнообразная и сложная речь нынешних людей.

Высказывалось раньше мнение, что членораздельная человеческая речь составляет единственное средство для общения и выражения мыслей. В настоящее время не может подлежать сомнению, что язык выявляется не только в звуках, производимых гортанью и ртом, можно передавать сообщения при помощи звуков музыкальных инструментов: у африканских народов существуют попытки переговариваться при помощи трубных сигналов. Можно пользоваться и другими средствами для передачи мысли и переговоров: знаками могут служить телодвижения, мимика и жесты. Между звуковым языком и языком наглядных осязательных символов, возникшим из жестов, велась долгая борьба. Язык жестов очень удобен в тех случаях, когда нужно переговориться между собою, не возбуждая чьего-либо внимания, и поэтому он имел особое значение для охотничих племен. Но у звуковой речи было и здесь большое преимущество: ею можно пользоваться на расстоянии, в темноте и в тех случаях, когда разговаривающие разделены между собою непроницаемою преградою и когда глаза и руки заняты трудом. Поэтому речь очень рано стала господствующим способом передачи и сохранения в группе непрерывно накапляющегося трудового опыта. В дальнейшем те же слова применяются и к действиям не человеческим, стихийным движениям животных и неодушевленных предметов. Отсюда возникает описание явлений внешней природы. Наконец, когда является мышление, язык служит для того, чтобы сообщать другим мысли. Если я говорю, то желаю добиться этим чего-нибудь от другого, просить его о чем-нибудь, сообщить ему свои взгляды и намерения, вообще я употребляю язык для известной цели. Стало быть, если я не имею ничего сообщить, ни спросить, то мне остается только молчать. Кузнец бьет молотом, обрабатывая кусок железа. Покончив с работой, он не станет без толку, по целым часам стучать молотом по наковальне. Ткач не станет хлопать ткацким станком, когда ткать нечего. Сигналы и знаки языка жестов употребляются только в определенное время и для определенной цели. А с языком мы поступаем как будто не так. Если подвести итог тому, что говорится в течение дня, то окажется, что сумма пустых разговоров получает перевес над тем, что целесообразно. Примеры такой болтовни—знаменитые разговоры о погоде, где один сообщает другому, что сегодня идет дождь, и к своему удовольствию узнает интересную новость о том, что и вчера шел дождик. Даже и «умные» повидимому разговоры об искусстве, литературе и тому подобном имеют одну только цель—проводести

время, причем ни у говорящих, ни у слушающих нет ни малейшей охоты сообщить что-нибудь или узнать. Все это еще яснее видно на первобытных народах: до поздней ночи в деревнях южно-американских индейцев или негров идет оживленная болтовня, все результаты которой можно выразить в двух фразах. Должно быть, однако же, в этих разговорах есть нечто, что с лихвой вознаграждает собеседников за труд беспрерывной продолжительной болтовни. Вероятно этим говорением достигается нечто очень ценное, дающее чувство внутреннего самоудовлетворения. Так оно и бывает на самом деле: эти беседы создают общее настроение, которое служит весьма важным средством сохранения и развития общественной связи и гармонии. Благодаря речи сглаживается постепенно и непрерывно различие в мнениях и взглядах людей. Речь создает общее настроение, благодаря которому общество получает возможность думать и действовать, как один человек. Всякое крупное событие вызывает у людей потребность высказываться, и они не успокаются до тех пор, пока этим путем не создастся вновь общее настроение и не установится общий взгляд на данное явление. Возбужденное оживление беседующих групп—доказательство этой потребности меняться мыслями, присущей человеку как существу общественному.

9. Организация трудовой деятельности и искусство.

Из процессов труда выросла не только речь, но и песня, музыка, поэзия—все современное искусство. Исходным пунктом тут служит «технический ритм» труда.

В самом деле, те ритмические трудовые звуки, которые мы рассматривали до сих пор, являются образцами только непосредственного рабочего ритма. Но, кроме него, работу нередко сопровождают и другие звуки, выделяющиеся не только правильным чередованием, но и различием в высоте и силе тона. Это так называемый технический ритм.

Бочар при набивании обручей на бочку ударами молота меняющейся силы производит род мелодии, а мясник может воспроизвести посредством своего большого ножа целый барабанный марш. «Технический ритм не есть что-либо самостоятельное, а обусловливается рабочим ритмом», говорит Бюхер. Технический ритм не только

поддерживает и облегчает равномерность и экономность движений,— он «оказывает возбуждающее действие присущим ему музыкальным элементом и подчиняет работу контролю всех, могущих слышать ее звук». Это проявляется особенно тогда, когда работа одного лица дает простой звук, притом повторяющийся через недостаточно короткие промежутки времени. Тогда комбинируется совместная работа двух-трех человек, чем достигается более короткий тakt. Лучшим примером служит молотьба цепами: тут правильный ритм работы (особенно характерны эти звуки для погруженной в зимний покой немецкой деревни) достигается только общей работой трех или четырех молотильщиков.

Другой пример—забивание камней в мостовую железной трамбовкой: после некоторой нерешительности в начале работы мостовщиков, оказывается скоро найденной настоящая мера движения, и колотушки громко и весело отбивают правильный такт. И этот простейший способ сочетания труда ведет к повышению производительности, ибо технический ритм и дисциплинирует, организует движения работающих, и устанавливает равномерный расход их сил, и периоды их отдыха в промежутках между отдельными усилиями.

Иногда технический ритм производит такое впечатление, будто совершается при работе даже лишняя трата энергии. Когда парикмахер стрижет волосы, то «играет» ножницами, производя ими звуки и тогда, когда они не должны резать волос. На самом же деле, вставляя «лишние» движения ножниц, мастер лишь устанавливает ритм своей работы, ритмизирует ее, и его привычный слух ясно отличает звуки при «ненужных» движениях ножниц от звука, производимого ими в момент усилия, делаемого руками при захвате и срезке волос. И этот ритм настолько организует и экономизирует рабочие движения мастера, что ему не приходится отказываться от «игры» ножницами.

Еще важнее другое обстоятельство: там, где сама работа не дает звукового такта, его часто вводят искусственно. И средствами для этого служат первоначальные тоны человеческого голоса—вроде тех же трудовых звуков,— а затем и музыкальные инструменты.

Негры и малайцы, по сообщению путешественников, всякую вообще физическую деятельность, всякую работу свою сопровождают пением, конечно, весьма примитивным, несложным и однообразным. О восточно-африканских племенах Бертон и Спик пишут: «Они находят себе отраду в гармонии (созвучии песни)», «рыбак поет, ра-

ботая веслами; носильщик, перетаскивая свой груз; женщина, размалывая зерна».

О жителях Таити (острова Тихого океана) миссионер Эллис рассказывает, что у них имеется особая песня для рыбака, другая— для строителя лодок, ссобая—для рубки дерева, иная—при спуске лодок на воду. У древних греков также были особые песни при срезывании колосьев, при толчении ячменного зерна, при размалывании хлеба на ручных мельницах, при выжимании винограда в давильнях, при прядении шерсти, ткацкой работы и т. д.

Во всех тех случаях песня почти всегда содержит и определяет слова. И то, и другое, отличаясь вначале несложностью, постепенно развивается. При этом ритм песни зависит от ритма работы. В связи с этим и слова песни не могут следовать ни в каком другом порядке слогов (с ударением и без ударения, длинных и коротких), как только в том, который соответствует смене рабочей энергии в отдельных движениях тела.

В свою очередь песня, развившись из процессов труда, может оказывать и оказывает на них существенное влияние,—не только устанавливая и отмечая ритм работы, но и влияя на ее темп или скорость. Ритм есть только правильное чередование действий, одинаковость промежутков времени между ними. Но размер этих промежутков—следовательно, и скорость рабочих действий и сопровождающих их звуков — это уже другое дело. Вот эта скорость или темп работы также устанавливается темпом песни, оказывающей значительное влияние на психику и физические проявления человека.

И не только человека: как темп песни или музыки сообщается марширующему отряду солдат, так и лошади (кавалерийские, или цирковые) неизбежно сообразуют свой ход или «аллюр» с темпом музыки; у арабов есть даже особый род песни для хода верблюдов и особый для лошадей. Смотря по тому, поет ли всадник (или погонщик верблюда) в замедленном или ускоренном темпе,—животное идет тем или другим ходом.

Связь песни с трудовыми процессами продолжается и в дальнейшие исторические периоды человеческого развития, вплоть до нашего времени. Связь эта сохраняется тем легче, чем меньше условия и приемы труда отклоняются от тех, которые существовали на заре человеческой истории,—сохраняется преимущественно в тех процессах работы, которые требуют значительного мускульного напряжения и не связаны с применением машин или сложных инстру-

ментов. Вот почему и в настоящее время, в век машин, когда мы не встречаем больше песен, сопровождающих работу, на фабриках или заводах,— мы нередко наталкиваемся на песню при полевых работах, у гребцов, у рабочих, тянувших судно бичевой, у грузчиков, наконец, у ремесленников (сапожников, портных и т. п.).

При посеве до сих пор еще поют, во многих местах Италии. Песнями сопровождаются нередко работы грузинских крестьян на поле и в виноградниках. Песни гребцов представляли, да и теперь представляют, общераспространенное явление. Это вполне понятно, ибо работа гребцов требует точного согласования ритма движений каждого из них: требуется одновременно и размеренно, в равные промежутки времени погружать в воду и поднимать весла, чтобы судно сохраняло одно и то же направление и чтобы движения одного гребца не мешали движениям другого, а усиливали их.

Вот почему чрезвычайно часто встречается сопровождение работы гребцов либо командными криками старшего, либо размеренной песней всех гребцов, либо же игрой особого музыканта, а то и целой группы музыкантов. Последнее наблюдается, например, у жителей южного Серами, в Индийском архипелаге (группа островов). О них Иост сообщает, что «они просто не в состоянии грести без музыки»: поэтому в их «ерембаях (большие плоскодонные лодки) над бамбуковым шалашем для перевозимых путешественников восседают двое—трое специальных музыкантов, которые с потрясающей энергией работают на барабане и гонге (медная тарелка), аккомпанируя своей музыкой пению гребцов».

Что касается России, то и в настоящее время работа лодочных гребцов у нас связывается с народной песней «Вниз по матушке по Волге».

Относительно текста всех песен этого рода надо отметить, что его содержание обыкновенно сводится к насмешке и порицанию по адресу тех гребцов, которые работают недостаточно аккуратно и усердно, а также к подбадриванию гребцов указанием на похвалу, которую они могут заслужить от тех, кто со стороны смотрит на их работу.

Довольно распространенным представляется сопровождение песней и работы бурлаков во всех тех местах, где суда поднимались вверх по реке бичевой; пароходы давно уже почти совершенно вытеснили работу бурлаков. Позже, чем в других странах Европы, сохранились остатки бурлакских песен в России, где еще продол-

жалась, в виду дешевизны рабочих рук, работа людей, впряженных в бичеву. Эта тяжелая работа сопровождалась теми трудовыми звуками -стонами, о которых писал Некрасов:

Этот стон у нас песней зовется,
То бурлаки идут бичевой,

С этой работой связана песня «Эй, ухнем», сохранившая еще остатки того первоначального трудового звука «ух», который вырывается из груди человека, когда ему, вместе с другими, приходится делать большое усилие, натягивая канат.

Гораздо полней и дольше сохранились у нас трудовые песни при некоторых других совместных работах. Крючники (грузчики) на Волге еще и теперь почти всегда сопровождают свою тяжелую работу песнями. Существует особая песня (Раз—два, суй, дава-ай), почти непрерывно повторяющаяся тогда, когда надо общими силами сдвинуть тяжелый груз: например, большой тюк шерсти. При этом звук «суй», на котором лежит ударение, фиксирует момент общего напряжения усилий и устанавливает ритм трудового процесса: промежуток между звуками «суй» есть время отдыха от одного трудового усилия до другого.

Другая особая песня поется волжскими грузчиками, когда приходится перекатывать с одного места на другое тяжелый груз цилиндрической формы. Тут усилия—сравнительно гораздо более слабые—приходится делать без перерыва, все время перекатывая груз, соответственно этому и песня поется более быстрым темпом: в ней нет также особого выделяемого по ударению звука, к моменту которого были бы приоровлены согласованные усилия грузчиков и который устанавливал бы периоды для отдыха работающих. Повторяющийся текст песни гласит: «идет, сама пойдет».

К этому типу явлений относится также знакомое всем «Раз—два сильно, раз—два дружно», нараспев произносимое старшим в группе рабочих в целом ряде работ—особенно на железнодорожной укладке пути, при «рихтовке» рельсовой колеи. Тут к словам «сильно» и «дружно» приоравливается совместное напряжение работающих, а остальные слова фиксируют промежуток отдыха от напряжения.

Наконец, всем известна наша «Дубинушка», распеваемая при забивке свай. Эта песня с тем же «ухнем» имеет более длинный текст—в соответствии с более продолжительным временем отдыха,

необходимого после каждого значительного усилия (или группы усилий) при поднятии многопудовой «бабы» (у немцев «медведь»). Содержание этого текста обыкновенно пропитано вольной,—зачастую даже слишком вольной шуткой и имеет своим назначением подбадривание работающих, поддержание в них веселого настроения при тяжелой однообразной работе.

Подобные песни при забивке свай в ходу не только в России: они распространены по всей Германии от Дуная до Немецкого и Балтийского морей, а также в Голландии, где дома часто строятся на сваях. Любопытно, что баварским уставом, изданным в 1729 г., для поденных рабочих определялась при водяных сооружениях заработка плата простому рабочему 13 крейцеров в день, а запевале 14 крейцеров.

Что касается, наконец, трудовых песен ремесленников, то в Западной Европе сохранилась немецкая песня подмастерьев-кузнецов, в тексте которой каждый слог с ударением соответствует тяжелому удару по раскаленному железу, а слог без ударения—более легкому подпрыгиванию молотка на наковальне. В наши же дни специально трудовых песен у ремесленных рабочих сохранилось мало. Осталась только общая склонность ремесленников к пению во время работы и привычка петь или мурлыкать в такт с движением рук (у портных, сапожников и т. п.).

Вместо песни человека нередко работу сопровождает мотив, выполняемый помощью музыкальных инструментов. Мы это видели уже у гребцов островитян Индийского Архипелага. Из периода древней истории остались многочисленные памятники, свидетельствующие о том же. Тут изображается нередко такая картина постройки египетских пирамид: тысячи рабов, построившись в два ряда, передвигают к пирамиде огромную гранитную глыбу, держась за два каната; по бокам их и сзади идут надсмотрщики, вооруженные кнутами, спереди музыканты, играющие на флейте, чтобы обозначить ритм движения и объединить в известные моменты общие усилия всех рабов.

Трудовая песня (как трудовые звуки—слова) с течением времени развивается, становясь все более сложной, разнообразной и богатой. «Исходя из бессмысленных естественных звуков и возгласов, затем переходя к постоянно повторяющимся словам и предложениям, выражющим чувства работающих, эти песни вскоре достигают более богатого и связного содержания—или сопровождая

ход работы лирическими (выражающими личные настроения) отступлениями, или изображая какие-либо события»...

Так развивается постепенно первичная народная поэзия, коллективное или общественное народное творчество. Уже при таких работах, как забивка свай и т. п., слова запевалы подхватываются и остальными участниками работы (а то и посторонними лицами), заражая и их творчеством, вызывая у них создание новых стихов, связанных с работой или отражающих текущие события жизни, окружающей работников.

Стихотворная форма поэзии, стихосложение, первоначально представляет собою перенесение ритма рабочих движений на ритм слов в стихе, причем слог или слово с ударением соответствует моменту усиленного мускульного напряжения. Та или иная мера — «метр» стиха отражает меру той или иной работы: напр., так называемые в стихосложении «дактиль» и «анапест» не что иное, как «меры ударов молота, который еще и теперь можно услышать в деревенской кузнице, где рабочий перед или вслед за ударом по раскаленному железу делает два коротких удара по наковальному». Со временем искусство стихосложения отделяется от песни и музыки и становится самостоятельной отраслью народной поэзии.

Такую же служебную, организующую роль играла и первоначальная живопись. Если вспомнить, что у первобытных племен рисунками покрыта и посуда, и рукоятки мечей, и орудия труда и стены жилища, то становится ясным: на этих рисунках, изображавших сцены той же трудовой деятельности (напр., охоты), молодежь, воспринимая эти образы, училась целесообразным, более экономным приемам трудовых действий.

Таким же образом развиваются и танцы — другая ветвь народного искусства. Многие танцы первобытных народов, в сущности, представляют собою движения, вытекающие из технических условий наиболее организованного, т. е. экономного исполнения той или иной работы. Иные танцы даже прямо являются сознательным подражанием определенным актам труда: охоте, жатве, постройке лодок и т. п. Охотничье племя, перед выступлением на свой опасный и трудный промысел, устраивало общие танцы, воспроизводившие разные процессы и сцены охоты: это была своего рода генеральная репетиция предстоящей трудовой деятельности.

Танцы со временем также обособляются от своей исходной точки — процессов труда. В начале же этого развития и танцы и

музыка и песня, и поэзия слова, и религиозные священное-действия составляют одно слитное целое с всеобщим их источником—производительной работой. Отчасти следы этой органической связи сохранились и в более позднее время. «Праздники, соединяющиеся с различными земледельческими работами, — правильно замечает К. Бюхер,—представляют общее достояние всех народов: торжественные шествия, мимические пляски одинаково свойственны им, и песни дают повод к символическому (в образах) воспроизведению этих работ и соответственных им песен, которые сами собою обращаются в песни религиозного культа».

Наиболее ярким образчиком такого рода народных празднеств, вновь воссоединяющих единые когда-то области труда, музыки и поэзии, являются те, которые и теперь периодически устраиваются во Французской Швейцарии—в стране винодельческого промысла. Это так называемые празднества виноградарей. В этих празднествах участвуют сотни, а то и тысячи «артистов», представляющих различные виды работы (посев, жатву, уборку хлеба, уход за скотом, работу над виноградными лозами, собираение винограда, его обработку и т. д.). И все это вперемежку с соответствующими песнями, музыкой, произнесением соответственных стихов, религиозными церемониями.

Но такие следы былого органического единства этих различных отраслей между собою и их неразрывной связи с их общим источником—производительным трудом—в настоящее время являются уже редкими, даже исключительными праздниками, а не историческими буднями.

Вообще же все эти элементы дифференцировались, обособились в отдельные отрасли. Это облегчалось тем обстоятельством, что постепенно вырабатывались особые профессии исполнителей и для плясок и для песен, для игры на инструментах, для декламирования стихов. Свойственный ходу всего хозяйственного развития закон разделения труда приводит в конце длинного пути этой дифференциации—к восстановлению самостоятельных областей, каковы лишенные музыкальной мелодии «чистое» стихотворение, столь же «чистая», освободившаяся от словесного содержания и телодвижений музыка (инструментальная), танцы. Они достигли такой степени самостоятельности, при которой не сразу можно разглядеть следы их былого органического единства.

Наконец, приходится отметить и ход развития музыкальных инструментов. Многие работы (кузнецов, молотильщиков и т. п.) сами по себе дают звуки, производящие музыкальное впечатление— помимо того, что устанавливают ритм работы. Первоначальные музыкальные инструменты сохраняют полное сходство с рабочими инструментами, но понемногу совершенствуются в отношении силы тона и качества звука. Этим происхождением музыкальных инструментов объясняется тот факт, что раньше развились в музыке ударные инструменты, как способные наиболее отчетливо фиксировать рабочий ритм. Прежде всех появляются барабан и бубен, гонг и тамтам, разного рода хлопушки и трещетки. При этом барабан (а также бубен) носит на себе явные следы своего происхождения: «он не что иное, как обтянутая шкурой деревянная ступка для толчения зерна». Из духовых инструментов самое видное место занимает флейта и дудка. У египтян и древних греков флейта, как мы уже видели, была средством, устанавливающим тakt в тяжелых совместных работах. Впоследствии виды и конструкции музыкальных инструментов становились с каждым столетием все более сложными, разнообразными и богатыми.

Так из человеческого труда и его ритмических звуков и движений, постепенно развиваясь и усложняясь вместе с процессами самого же труда на протяжении тысячелетий, выросли богатейшие двигатели человеческого прогресса—и бесконечно разнообразная речь нынешних людей, и утонченные формы современного искусства, как музыка, танцы, поэзия слова и т. п.

Все они были первоначально ничем иным, как орудием более экономной, более рациональной организации трудовой деятельности людей.

10. Природно-хозяйственные и общественные условия и идеология первобытного общества.

Современному историку крайне трудно восстановить более или менее точную картину верований наших предков: скучные данные грешат недостаточностью и случайностью.

Если мы не хотим отказаться окончательно от реконструкции, мы должны обратиться к обширному этнографическому и сказочному материалу, собранному в изобилии за последние десятилетия:

переживания старых верований и обрядов, сохраняющихся в современных обычаях и поверьях, и мифология сказок—вот главный, хотя и не всегда надежный материал, при помощи которого возможно реконструировать картину верований.

Эти верования выростали на почве той природно-хозяйственной обстановки, среди которой наши предки жили. С этой стороны они мало чем отличались от современных дикарей тропических стран: одинаковые условия борьбы за существование породили одинаковое мировоззрение и одинаковые верования. Верования вертелись не вокруг неба или солнца, или молнии, а вокруг тех мелких явлений природы, которые ежедневно, так сказать, окутывали собою дикаря, в борьбе с которыми он добывал себе стол и дом. Жизнь дикаря зависела от удачи на охоте, от счастливого исхода борьбы с крупным зверем, от умения переплыть реку или переправиться через болото. Каждое мелкое явление природы было как бы кольцом той сети, которая опутывала собою дикаря и опутывала настолько, что он уже не мог различить, где кончается человек и где начинается природа. Отсюда наиболее характерной чертой древнейшего мировоззрения, как оно еще теперь дает о себе знать в песнях и в особенности в сказках, является анимизм, вера в одушевление всей природы, одушевленной и неодушевленной, причем одушевление приписывается не всей природе целиком, а каждому отдельному, хотя мелкому, ее проявлению.

Чтобы характеризовать это мировоззрение, мы должны обратиться к продуктам народного творчества, к песням и сказкам. Современная крестьянка забавляет своего ребенка песенкой: «Сова ль моя совушка, вдова ль моя вдовушка, залесная барыня, Ульяна Степановна, где же ты живала, где же ты бывала? Живала я, совушка, бывала я, вдовушка, во темных лесицах, во серых дуплищах; знают меня, совушку, знают меня, вдовушку, два луна белых, два друга милых. Стали сову сватать, сватов засыпать, сову убирати, в лапти обувати, в лапти в осметки, в онучи отрепки, в платье рогожное, в ожерелье гороховое; ворон был поваром, сорока—стряпухой, по дворам летали, кур собирали, на свадьбу сзывали»... и т. д. Но ее далекая прародительница и ее ближние вовсе не вкладывали в образы этой песни иносказательного содержания: нет, птицы, животные, деревья, всякое иное явление природы для них имело свою личную индивидуальность, имело те же нужды и обычай, как и человек, вело такое же хозяйство.

Между человеком и представителями всех трех царств природы происходит постоянный и взаимный обмен сношений: быть может ярче всего представление о таких сношениях характеризуется известной сказкой о том, как мужик посыпал козу за орехами, как она не возвращалась и как пропадали все пославшиеся за ней звери и даже стихии (огонь), или аналогичной сказкой о том, как курица искала водички для умиравшего петушка, курочка послала ее к липке, липка к девке, девка к корове, корова к сенокосам и т. д. Еще до сих пор олонецкий крестьянин, переезжая через озеро, гро-зит кулаком волнам, когда те вздымаются слишком высоко и гро-зят поглотить его лодку; еще до сих пор можно встретить поверье, что лучшее средство от вихря—бросить в него ножом, и тогда он улетит, оставив по себе следы крови.

Если нет разницы по существу между человеком и представителями других царств природы, то не должно быть и границы, не должно быть преград к замещению представителя одного рода представителем другого рода, или, говоря проще, к оборотничеству и к необыкновенным рожданиям, в которых, впрочем, с анимистической точки зрения нет ничего чудесного. Оборотничество—любимый мотив сказок: корова, кабан, собака, даже бык (!) могут родить человека; из яиц могут вылупиться мальчики, медведь женится на девушке. Так в детской песенке: «Курочка бычка родила, поросеночек яичко снес, домовой его на печку унес». Сказка заботливо прибавляет теперь, что родившиеся таким образом люди были богатыри, знавшие от рождения науку оборотничества, и что самое рождение их происходило при не совсем обычных условиях.

Славянский дикарь ближе всего и чаще всего сталкивался с лесными животными и птицами и с немногими прирученными им к началу рассматриваемой эпохи домашними животными. И славянский анимистический миф, естественно, с особою любовью останавливается именно на жизни этих животных. Бесчисленные сказки о куме-лисе, куме-волке, тетереве Терентии, медведе, вороне, воробье, собаке, кошке являются одновременно и религиозным мифом и естественной историей днепровского дикаря. Звери и люди стоят на одной доске, взаимно помогают друг другу или хотят друг друга обмануть или ведут друг с другом борьбу; не всегда при этом преимущество силы и благородства оказывается на стороне человека, даже с точки зрения известного мерила для определения сте-

пени нравственности поступков, какое просвечивает в сказках. Достаточно вспомнить сказку о том, как мужик два раза надул медведя, не располагавшего большими познаниями по сельско-хозяйственной части: и обманутый лесной великан все-таки строго соблюдал уговор, хотя мог бы одним ударом лапы совершенно безнаказанно укокошить продувного товарища по предприятию.

Анимизм еще не есть религия: это—только определенное мировоззрение, определяющее отношения дикаря к природе, на почве которых и возникают примитивные религиозные верования. Источник последних—в невозможности для дикаря вполне выяснить для себя существо окружающих его явлений, в борьбе с которыми он завоевывает себе существование. Он думает, что эти явления имеют личную индивидуальность, аналогичную человеческой: но такое убеждение не только не уничтожает его страха перед ним, но, напротив, вселяет еще больший страх. Жизнь дикаря есть борьба всех против всех, и как сам дикарь считает, что для этой борьбы все средства хороши, и что, в сущности, она сводится к истреблению и пожиранию; так же, по его мнению, думает и каждое животное, зверь, птица, рыба, каждое дерево, каждый камень, река, ручей. В борьбе за существование для дикаря человек, подобный ему, кажется не столь страшным, как всякое иное явление природы. Человека он понимает, может расчитывать, чего надо бояться от соседа; в конце концов силы противников не так уже неравны, и замыслы не так уже неизвестны и коварны. Но попробуйте разгадать, о чем говорят друг с другом звери, о чем они думают, какие известны им тайны природы, неведомые человеку. Может статься, что определенный зверь, с которым в данный момент ведет борьбу человек, даже не настоящий зверь, а оборотень; такой противник вдвойне и втройне опасен. От беды только одно средство: как люди соединяются в группы, для совместной борьбы за существование, так можно заключить союз и с животными. Избранный вид животных будет покровителем индивидуума или группы, и за это надо благодарить поклонением и дарами и прежде всего заботиться о его пропитании и безопасности. За это животное-покровитель употребит свои неведомые человеку способности и свойства на помощь своему поклоннику в его борьбе за существование, будет его тотемом. Так зарождается тотемизм, первобытная форма религии.

Ясные переживания тотемизма до сих пор сохранились у ветхозаветных народов, считающих священною птицею лебедя, у эстов и других.

Яснее всего выступают пережитки тотемизма у современных белоруссов (Борисовский уезд Минской губ.), ежегодно, около Троицына дня, справляющих поминки по Ставрам-Гаурам. Об этих Ставрах-Гаурах крестьяне рассказывают такой миф. Название носили два пса, принадлежащие какому-то князю Бею; псы часто спасали своего хозяина от смерти, и за это Бей после смерти псов назначил особые дни для поминования их. Очевидно, что перед нами тотемистический миф этиологического характера: когда-то тотемом предков борисовских белоруссов была собака, и впоследствии поклонение и жертвы ей стали объясняться приведенным мифом. Другие указания на тотемизм, менее ясные, можно уловить в сказках. По всей вероятности, эпитет «царь-медведь» указывает, что медведь когда-то и где-то считался тотемом; в той же роли фигурировала, вероятно, щука, обладающая в сказках чудесной силой и чередующаяся с золотой рыбкой (которая в одном варианте, в свою очередь, замещается деревом). Можно указать также на то, что во многих местностях до сих пор крестьяне считают ужа священным животным. Не к тому же ли разряду пережитков тотемистических верований относится примета, что черный таракан приносит богатство?

Если тотемизм уже, повидимому, не существовал в чистом виде в ту эпоху, когда слагалась анимистическая мифология сказок, то чрезвычайно ясные признаки указывают на существование в эту эпоху смешанных тотемистико-фетишистских и чисто фетишистских культов. Как известно, фетишизм отличается от тотемизма тем, что в фетишизме поклонение направлено по адресу отдельного определенного предмета или отдельной особи, в то время как в тотемизме поклонение направлено по адресу целого вида или ряда предметов или животных. В роли таких тотемов-фетишей мы встречаем всего чаще коня. Определенный конь, наделенный чудесными свойствами, является гением-покровителем определенного героя, помогает ему, спасает от опасностей и требует за это немногого: ухода и корма. Таково же положение коровы в некоторых сказках: за уход и корм определенная корова благодетельствует героине сказки. И как раз корова замещается в некоторых вариантах сказки куклой, которую героиня делает сама, иногда по указанию вещей старухи; куклу надо кормить, тогда она будет говорить и давать советы, которые обычно спасают поклонницу куклы от всяких бед и напастей. Этот вариант типичен для фетишизма: так же поступают еще теперь негры, которые делают и уничтожают своих богов ежедневно, судя

по тому, помогает ли им вновь испеченный бог в задуманном предприятии или нет. Наконец, днепровским славянам не был чужд и фетишизм растительный, поклонение деревьям. В одной сказке роль золотой рыбки играет дерево: старик случайно открыл этот фетиш. Он хотел рубить его, но оно взмолилось о пощаде и обещало сделать все, что старику нужно, и действительно исполняло все капризы старухи, кроме последнего желания, чтобы дерево превратило старика и старуху в богов; вместо этого оно превратило их в медведей. Кроме этого совершенно ясного примера, мы находим не мало пережитков древопоклонства в форме почитания рябины в некоторых местностях, почитания дубов, пораженных молнией (в Пощеконье еще в 1612 году перед дубом пели молитвы), наконец, в форме повсеместного почти почитания березки. В некоторых местностях (напр. в Саратовской губ.) в Семик девушки совершают даже жертвоприношение березке: несут яичницу и пироги, которые и съедают под зеленою березкой с песнями в честь дерева:

Радуйтесь, березы,
Радуйтесь, зеленые.
К вам девушки идут,
К вам красные.
К вам пироги несут,
Лепешки, яичницы.

Все указанные верования относятся к совершенно конкретным видимым и осозаемым явлениям природы. Но, несмотря на всю первобытность мироизречения днепровского дикаря, условия и факты повседневной жизни давали некоторый толчок для обобщающей и, если можно так выразиться, для одухотворяющей работы мысли. Лес состоит из целого ряда отдельных, индивидуальных явлений, но он все-таки есть нечто целое; этому целому должен соответствовать такой бог, который не привязывался бы к одному определенному признаку леса, не соответствовал бы лесу, как целому. Отсюда явилось представление о лешем, грубом, корявом, деревообразном существе, которое по ночам дико кричит, выглядывая из-за старого дуба или сосны, и пугает запоздавшего охотника. Это еще не лесной дух, это вполне материальное, «деревянное» существо, столь же неотделимое от древесной корявой коры, как и от леса. Таким же путем и в таком же роде создалось представление о водяном и водяницах и, в частности, о Днепре-Словутиче, божестве главной реки славянских лесов. Далее, обобщающая работа мысли выразилась в пред-

ставлении о царе-огне. Дикарь скоро отличил могущественную силу огня и рано выделил огонь из ряда других анимистических явлений. Огонь—царь славян, аналогичен небесному огню греческого Прометея. Огонь греет и светит, огонь создает множество полезных предметов, и в то же время, разбушевавшись, огненная стихия не знает удержану и производит губительные опустошения.

Другого рода работу мысли задавали днепровскому дикарю такие факты, которые имели свойство закономерно повторяться, но не имели видимой причины. Виновниками всех этих фактов днепровский дикарь считал также индивидуальные существа, но отличавшиеся от прочих тем, что обычно они невидимы и могут быть видимы лишь при исключительных условиях. Такова, прежде всего, Смерть, которая имеет вид страшной старухи: таково Горе-Зло-счастье, невидимко вскакивающее на плечи человеку, такова его Доля или Счастье. Таковы же все болезни, от которых особенно нет житья по весне, когда они, изголодавшись за зиму, разбегаются по белу свету и накидываются на неосторожных. Таковы—Обида, Желя, Сон, Дрема, Угомон, Говорок, Ходунок и бесчисленное множество других мелких существ, попадающихся человеку на каждом шагу. Из стихийных божеств таков Гром, гремящее, но невидимое существо, скрывающееся где-то в тучах, и Ветер, могучий гонитель туч.

Окруженный со всех сторон божественными, полубожественными и естественными, но страшными существами, дикарь должен был позаботиться о том, чтобы жить с ними в ладу. Для этого нужно было создать особый способ обращения с богами, другими словами, нужен был культ. Простейшая форма культа—жертва, кормление бога, затем молитва, т. е. обращение к божеству с ласковой просьбой. Очень многие теперешние детские песенки первоначально были ничем иным, как такими молитвами. Таковы: «Спи, мой Митенька, усни, угомон тебя возьми»; «Потягнушки, поперек толстунюшки, а в ножки ходунюшки, а в ручки хватунюшки, а в ротик говорок, а в головку разумою», или известные песенки, обращенные к дождю и солнцу. Но таких простых способов не всегда бывает достаточно. Чтобы вполне привлечь на свою сторону божество, надо знать его тайные силы и свойства и уметь ими очень пользоваться. Не всякий человек знает эту тайную науку: но кто ее знает, тот может быть очень полезным или очень опасным человеком. Первые условия для того, чтобы стать таким ведуном и волх-

вом, это—прожить долгие годы на земле. Только с годами накопляется опыт и знание, и только старик или старуха могут стать ведуном или ведьмой. Молодые люди в этой роли—исключение: они всегда получают свои познания случайным путем. Как первый ведун приобрел свои познания, никто сказать не может; но последующие могут учиться тайной науке у старых ведунов. Ведун и ведьма знают заговоры, т. е. знают такие формулы, которыми можно действовать на бога: они знают гадания, т. е. способ открыть намерения божества, чтобы согласовать с ними людскую деятельность. Они могут употребить свою силу и во вред человеку. Ведун может выгнать из человека болезнь, заставив ее переселиться в какое-нибудь животное или предмет, но он же может и нагнать на человека болезнь: иногда такой ведун пристально посмотрит на человека, «сглазит» его и прошепчет про себя необходимую формулу, и дело готово, слаженный погибает. Это свойство колдунов тем более опасно, что не все колдуны известны: иной получит каким-нибудь путем тайные познания и скрывает их, чтобы при случае воспользоваться ими, как орудием для сведения личных счетов. Но такие люди считались все-таки благодетелями: без них неопытный человек погиб бы в затруднительном случае.

Таковы были религиозные результаты первоначальных наблюдений дикаря над природой.

Кроме наблюдений над окружавшей природой дикарь наблюдал еще над самим собою, и результатом этих наблюдений явились представления о душе и о загробной жизни.

Эти представления отличались чисто материалистическим характером и не выходили из сферы обычного анимистического мировоззрения. Душа или двойник человека такое же материалистическое существо, как и всякое другое. Душа — или пчела, или мышь, или мотылек, или птичка, живущая у человека в горле, в том самом месте, где между шеей и грудью образуется ямочка. Когда человек умирает или спит, душа вылетает у него изо рта, и если быть внимательным, то можно заприметить это явление. Душа есть не только у человека, но есть и у всякого животного, растения и даже у всякого предмета. Эти чисто анимистические представления уживались рядом с более развитыми представлениями, что душа — ветер, легкий дым, огненная змея или звезда. Но ясно, что по существу и последние верования стояли на той же анимистической почве. Они остались на ней и тогда, когда более грубые предста-

вления о душе, как о животном, несколько видоизменились в том смысле, что стали представлять себе душу в виде нематериальной субстанции, переселяющейся в то или другое животное. Отголоски этого верования сохранились до сих пор в сказке о мертвеце-колдуна, душа которого, так сказать, разлилась в несметное количество змей, червей, других гадов, галок, сорок, ворон, вылезавших из утробы мертвеца. Но и на этой стадии развития душа все-таки считается подлежащей тем же законам смерти и уничтожения, как и те животные, в которых она переходит. Об этом говорит та же сказка: если всех гадов, повылезших из утробы колдуна, сжечь, то и душа его уничтожится.

Как только человек умирает, отделившаяся от него душа становится неуловимым, неизвестным, невидимым, а потому и опасным существом. Она на взгляд дикаря такое же полутаинственное существо, как и его тотемы и фетиши: но она может быть вдвойне—втройне опасна, так как в ней соединяются хитрость и ум человека с зверскими инстинктами животного и знанием тайн, неведомых живому человеку. Отсюда страх перед мертвецом, составляющий еще до сих пор, и не только среди крестьян, главный составной элемент, которым проникнуто чувство живого по отношению к мертвецу. Правда, современный человек объясняет этот страх благоговением, почтением к памяти умершего, наконец вообще страхом перед смертью, как всесокрушающей силой; но первоначальная чисто анимистическая основа этого страха чрезвычайно ясно проглядывает во всех традиционных обрядах погребения. Белорусские похоронные обычаи в этом отношении стоят почти на той же ступени, на какой находятся обычай наших предков. Белоруссия — это уголок, где до сих пор живьем можно наблюдать анимистическую старину.

Заботы, вызываемые страхом перед душой мертвеца, начинаются еще до смерти умирающего. Важно не упустить душу из виду: для этого белоруссы еще до сих пор дают в руки умирающему свечу, и, как только он умрет, свечу тушат и смотрят, куда направляется дым; вместе с дымом летит и душа. Но душа может не сразу вылетать из тела. Если покойник остался с открытыми глазами, то это верный знак, что он высматривает себе новую жертву: одному ведь скучно. Поэтому, чтобы вскоре не умер никто из окружающих, покойнику спешат закрыть глаза. Теперь приступают к приготовлению покойника к погребению. Тело нужно для души: пока оно не уничтожилось, душа не отойдет от него и разделит его участь. Поэтому,

чтобы избавиться от покойника и от страха перед ним, самое лучшее уничтожить тело: сжечь его, бросить в воду или спрятать (похоронить) под землю, навалив на могилу камень потяжелее. Такая первоначальная основа всех способов погребения уже вышла до некоторой степени из сознания днепровских дикарей в IX веке, насколько можно судить по сохранившимся описаниям погребальных обычаем; но все обряды, связанные одною и тою же целью погребения в первоначальном смысле, остались в силе. Покойника обмывают и наряжают не свои, а чужие; гроб (домовье у белоруссов) делают также чужие; хотя и со всяким почетом, но все-таки ведь хотят отделаться, а потому надо сделать все так, чтобы гнев его не обрушился на своих: к чужим, не знакомым, он не пойдет. Свои, наоборот, берут на себя такую обязанность, которая скорее расположит покойника в их пользу: они поднимают причитанья или говошенья над трупом, и покойник, слушая их отчаянные вопли, видя, как его любили, быть может, вспомнит об этих причитаньях в минуту гнева. Приготовив мертвцу «дом», «домовье», который представлял из себя, судя по раскопкам, просто выдолбленную дубовую колоду, покойника кладут туда, снабжая всем необходимым для беспечальной жизни: пищей, питьем, вещами, инструментами. Убрав и снабдив покойника всем необходимым, его кладут в красный угол и проделывают отверстие в двери или стене, чтобы душа могла свободно улетать и возвращаться к своему телу. Затем, по истечении известного времени (от трех до пяти дней) умершего выносят из дома и совершают последний погребальный обряд. Тут прежде всего обращается внимание на то, чтобы вынести покойника не через двери, иначе душа может вернуться и мучить живых. Для выноса умершего вынимают из стены несколько бревен и вытаскивают покойника через образовавшееся отверстие (так, по словам летописи, было вынесено и тело Владимира), погребальная процесия направляется к костру или к месту погребения; в это время за душой трудно углядеть, и она может наделать бед, напасть на спящего или на ребенка и утащить их с собой. Поэтому в Белоруссии еще до сих пор, когда мимо несут покойника, всех спящих будят, а ребенку кладут в изголовье щетку и в ноги нож: душа испугается этих страшных предметов и не посмеет напасть на ребенка. С соблюдением всех этих предосторожностей, тело покойника предают погребению, или сжигают, или бросают в воду, или закапывают в землю. В последнем случае могилу «запечатывают» (этот

термин до сих пор сохраняется в Белоруссии) большим камнем, чтобы покойники ни днем, ни ночью не выходили оттуда. Но опять таки при этом родные не бросают в яму земли, а предоставляют это делать чужим, «чтобы покойник не сердился» на них. Погребение князей и бояр по существу не отличалось от описанного способа. Разница заключалась только в том, что покойника сжигали в ладье, и кроме пищи, питья и утвари, сжигали с ним коня, жену и рабов; костер поджигали родственники, но так, чтобы покойник не знал, кто именно: поджигавший шел к костру задом. Изредка и знатных людей хоронили в земле, жена при этом зарывалась живою. Модификация представлений о душе выражалась при сожжении в том, что душа, как ветер или дым, легче и скорее всего достигнет того света в облаке дыма от костра; вместе с нею в этом дыме поднимутся и души всех сжигаемых живых существ и предметов.

Мертвый похоронен, что же будет с его душою далее? Она продолжает жить после смерти здесь же на земле и так же, как жил человек до смерти. Она принимает иногда вид животного, но может сохранить и вид человека. Белоруссы еще теперь расскажут, как покойница-мать приходила ночью в избу и кормила своего ребенка грудью, или как умерший ростовщик, не получив долга с одного мужика, пришел к нему в виде борова и утащил в возмещение долга шубу. В дни, когда поминают умерших, их можно видеть ночью: придут, съедят хлеб, а то прямо опару из кадки. Можно встретить мертвца на горе, если там хоронили мертвых, или в реке во время купанья: мертвец схватит за ногу и утащит на дно. Мертвцов надо кормить: если родственники этого не делают, то мертвцы наделяют кучу неприятностей. Во время своих блужданий мертвец может устать, поэтому на перекрестках дорог обязательно надо поставить камень, чтобы покойники могли отдохнуть. Подобно живым, они не прочь помыться в бане: для этого вечером накануне поминок для них надо истопить баню и приготовить воду, и горе живому смельчаку, который пойдет туда мыться в это время — покойники утащат его с собою. Покойники женятся и выходят замуж; поэтому на всякий случай умершую девушку или холостого парня одевают, как под венец. Нет никакого различия между мертвыми и живыми, кроме того, что мертвые гораздо сильнее живых. Для живого окружающая природа — загадка; мертвый постигает ее тайны. Он знает, как воскресить мертвого, знает чары, ко-

торыми можно нагнать или снять болезнь. И если какой злой мертвец повадится вредить живым, есть одно только средство: отыскать его могилу, вырыть его труп и вбить ему прямо в сердце осиновый кол. В сказках встречаются, впрочем, и слабые намеки на представления о том свете: мертвых хоронят в земле — следовательно, тот свет под землею, но ничем не отличается от этого, и живой может попасть туда, провалившись сквозь землю.

Эти поминальные обряды являлись и являются главнейшою составной частью культа мертвых. Предполагалось, что всякого рода утвари и одежды умершему хватит чуть ли не навсегда, но пищей его нужно было снабжать постоянно. В особенности важно, чтобы душа умершего не голодала и не скучала первое время после смерти, пока она еще не привыкла к своему новому положению. Отсюда обычай первой жертвы умершему тотчас же после погребения (поминки или тризна). Это первое кормление происходит так же, как и все последующие: присутствующие отливают из каждой чарки на стол или под стол для умершего и бросают туда же часть кушаньев, приглашая покойника по имени. При этом стараются обходиться без ножей, чтобы не ранить нечаянно душу, находящуюся между живыми. Затем, первое время после погребения для умершего на ночь ежедневно оставляется в хате вода: умерший приходит по ночам и пьет ее. Первая жертва не ограничивается только кормлением умершего. Чтобы вполне угодить ему, надо развеселить его. Первое средство для этого — хмельной напиток, напр. мед, который заготовлялся в большом количестве для тризны, живые напивались этим медом до-пьяна, и покойник напивался вместе с ними.

В основе всех этих поминовений лежит мысль, что если не накормить в поминовенные дни умершего, то он наслет всякие напасти на живых: пойдут семейные распри, будет неурожай, пожар, на живых обрушатся горы и холмы. Но если умершего аккуратно кормить и веселить, то он может обратить свою чудодейственную силу на пользу оставшимся в живых. Отсюда рядом с культом умерших вообще развивается частный культ предков, ибо предки естественно обратят свои благодеяния по адресу потомков. Зачатки этого культа мы находим у днепровских славян. Отчасти от него дошли до нас только названия. Родовой быт находился в периоде разложения, и от богов-предков рода остались только клички Род, Рожаница, Щур; напоминает также о культе богов, предков рода,

термин Радуница. Культ родовых богов сохранился отчасти в Белоруссии. Там из поминальных дней выделяются так называемые дзяды (деды), дни поминальных «святых дзядов» или святых родителей. Эти дзяды бывают весенние и осенние и происходят без всякого участия духовенства, без посещения могил и без панихид. Накануне их вся семья приготовляется к пиру: избу чистят, живущие в ней моются в бане и, не жалея денег и запасов, готовят угощение, для которого заблаговременно выбирается какая-нибудь скотина, обрекаемая на убой в день дедов; чистота в доме и обилие угощений приманивает души дедов. Самый обряд совершается вечером, при свете восковой свечи. Отец приглашает дедов такими словами: «Святые дзяды, зовем вас, святые дзяды, идите до нас. Есть тут все, чем только хата богата: святые дзяды, просим вас, ходите, летите до нас». Затем начинается пиршество, причем каждый отливает на стол для дедов. Хозяйка иногда приговаривает: «Нехай со святыми почивают, а нам хлеба-соли засыпают». После ужина с загробными гостями прощаются в таких характерных выражениях: «Святые дзяды, вы сюда прилетели, пили и ели, летите же теперь до себе. Скажите, чего вам еще треба, летите же, летите до неба». Можно узнать, действительно ли посетили деды живых: надо только наблюдать, не прилетит ли какая запоздавшая муха или другое насекомое или не спать ночь после поминок, — тогда наверное увидишь дедов. Беда, если угощение окажется недостаточным, или обреченная на убой скотина не будет употреблена для этой цели: тогда деды накажут непременно непочтительных потомков.

II. Обломки первобытной жизни в переживаниях нашей современности.

«Люди сами делают свою историю, говорит Маркс, но они делают непроизвольно, не при свободно избранных, а при непосредственно данных, унаследованных условиях».

От глубокой древности через ряд веков, тысячелетий наследуется человечеством громадный запас навыков, опытов, мыслей, понятий, представлений, привычек и обычаяев, и наша современность полна этого наследия первобытных времен.

Первобытное общество, подавленное страхом перед бесчисленными, неведомыми опасностями, пробиралось вперед ощупью, шаг

за шагом, с тревогой присматриваясь к разным знамениям, предвещающим удачу или неудачу. Каждый действительный или кажущийся опыт врезывался в его память, бесконечное количество обычаев, предписаний, запрещений составляло своего рода философию, преддверие науки, которая исследует причины явлений и из их познания стремится извлечь законы.

Наиболее обильно обросли особыми формами и обычаями крупные поворотные пункты бытия, такие, как рождение, брак и смерть. Около этих пунктов организовались празднства, из которых каждое распадалось на многочисленные точно регулированные моменты. Обычаи, сопровождающие погребение, приобрели особенно устойчивый характер и сохраняются даже тогда, когда утратился смысл их первоначального назначения. От той эпохи, когда покойник внушил боязнь, когда поэтому, стараясь задобрить, приносили ему пищу, сохраняется до настоящего времени обычай тризны, поминок над могилой. Эти поминки источник свой имеют в той мысли, что умерший оставляет нетронутую приносимую пищу, очевидно, довольствуется духовной стороной пищи, видимое же может быть безнаказанно употреблено живыми. От той же эпохи страха перед покойниками, когда, стремясь затруднить ему выход, клали на могиле камень, идет обычай могильных плит, и Лермонтов, говоря, что на могиле Наполеона «лежит камень тяжелый, чтоб встать он из гроба не мог», в поэтическом образе дает атавистическое переживание первобытного мышления. На основе этого страха в глубочайшей древности рождалась мысль ввести покойника в заблуждение, изменяя вид родственников. Отсюда надевание масок, распускание волос, рванье одежд, расцарапывание лица, траурная разрисовка тела и траурная одежда. Тот траур, который обычай заставляет надевать особенно despoticично родственников умершего, в корне имеет неосознанную цель изменить вид, даже скрыть лицо, для чего служит густой, черный вуаль современного траурного костюма. Боязнь же покойника заставляла его родственников поститься, ничего не есть, чтобы вместе с пищей дух покойника не попал в рот. Так неосознанная идея лежит в основе обычая у современных евреев в Виленской губернии, которые, после смерти близких родственников, опрокидывают бочку с водой вверх дном. В виде воспоминания о старом погребальном обычай приречных и приморских народов класть умершего на ладью или плот и пускать в воду, живет еще обычай хоронить в лодкообразных колодах.

Остатки древней формы брака—похищение, продолжают жить в широко распространенном обыкновении окутывать голову невесты покрывалом. Фата на голове современной невесты объясняется приемами воровского брака, в котором, как и при всяком похищении, набрасывание на голову платка или плаща облегчает работу похитителей. Дружки окружающие—те остатки охраны, необходимой для отбития нападения, которого можно ждать при похищении. Брак—купля-продажа имитируется еще и до настоящего времени в словах родственников жениха, являющихся в дом невесты: «у нас купец, у вас—товар, не продадите ли». За торгом следует рукобитие и выпивка, откуда и выражение «пропили невесту». До сих пор еще живет выражение «сыграли свадьбу», связанное с умыканием невест во время игр.

Но не только крупные моменты жизни сохраняют обломки изжитого бытия. Самые обычные, обыденные тысячи мелочей—остатки этого далекого прошлого окружают нас. Для примера остановимся на наших приветствиях. Древние разнообразные и бесконечные церемонии с сложными переговорами при встречах выродились в современное приветствие «добрый день, как поживаете». Эти приветствия не одинакового содержания и происхождения. Выражение «как поживаете?» возникло из чувства опасения и недоверия к незнакомому или другу, с которым давно не видались. В продолжительном опросе, как живет пришедший, в определенных действиях, в запрещении не ходить близко или в ударах, которые ему наносят, напр. эскимосы, обнаруживается страх перед привидениями: злой дух мог принять вид друга, или друг мог погибнуть и явиться как привидение. На ряду с приветствиями из страха существует группа приветствий, которые выражают расположение и дружественное единение. Щелканье пальцами, рукопожатие, потрясение рук—наиболее частые формы первобытного типа, от которых идет и наше рукопожатие. Поцелуй, излюбленный преимущественно в сфере европейской культуры, выражает почти физическое расположение и имеет своей параллелью трение носов у океанийцев, которое обозначает едва ли что либо иное, как обнюхивание, в то время как поцелуй является облагороженной формой облизывания. На большом расстоянии несколько приветствий заменяют дружеские кивки и поклоны. Там, где общество расслоилось, чисто дружеские приветствия оказываются уже недостаточными: чувство, которое стремится выразить в своем приветствии низший высшему, уже не дружба и благорасполо-

жение, а смижение, преданность и уважение. Простейшая и наиболее распространенная форма—сокращение своей фигуры согнутием спины, коленопреклонением, приседанием и падением в ноги. Человечество в долгой жизни выработало символические действия, которые должны указывать на безоружность, бедность, слабость и унижение. Восточный человек изображает себя безоружным, скрещивая руки на груди, или поднимая их раскрытыми вверх. Кафр выражает свое унижение и беспомощность тем, что посыпает себе голову пылью, еврей—пеплом. Так как богатая и хорошая одежда указывает на знатность, а частичная нагота—на бедность, на низшее социальное положение, то и многие формы приветствия вытекают из частичного обнажения тела. Западно-африканский негр обнажает плечи и верхнюю часть тела; азиат снимает обувь; европеец снимает шляпу, и при этом младший ранее, чем старший.

Обычаи, представления, понятия в современной жизни в громадном количестве пережиток далекого прошлого, порождение совершенно иного уклада хозяйственной, социальной и политической жизни и иного склада сознания. Когда-то они были продуктом реальной жизни, результатом большой мудрости, высшего достижения. Теперь они—обломки, уцелевшие от прошлого, глубокая древность первобытного общества передала это наследие и оно хранится вокруг нас и в нас. Некоторые из пережитков еще имеют следы прежней жизненности, а некоторые находятся совершенно не в соответствии с тем, среди чего они живут. Эти остатки живут и в хижине бедняка, и во дворце богача. Они встречаются не только в малообразованных, но и в тех слоях общества, которые пользовались преимуществом высшего образования; они теряют свое значение только у тех, кто осознали их. Эти пережитки, та традиция умерших поколений, о которой Маркс говорит, что она, как кошмар, тяготеет над мозгом живущих, с этими изжитыми остатками, окостеневшими и бесмысленными правилами, представлениями, понятиями, обычаями ведет борьбу современная личность, выступающая против стесняющих ее уз, и современное общество, строящее наиболее продуктивную жизнь при помощи современной науки, помогающей объяснить и осознать современную жизнь в связи с корнями ее в прошлом.

II. Организация труда и общественные образования в речных равнинах Африки и Азии.

В В Е Д Е Н И Е.

Долго Египет был в широком обыденном представлении, а пожалуй иногда не перестал еще быть и теперь, страной необычного плодородия, которое создавал Нил своими разливами без особых усилий населения, страной фараонов и пирамид. Мумии, фараоны и иероглифы, обелиски, сфинксы, пирамиды, бык Апис и фраза Геродота «Египет — дар Нила» — вот что преимущественно оседало в сознании и нередко в бессвязном виде. Египтяне представлялись народом по преимуществу религиозным, преданным исключительной заботе о заупокойном культе, а Египет являл вид сплошного кладбища. Хозяйственный уклад, эволюция социально-политической жизни общества тускнели в блеске фараонов эпохи построения пирамид и побед Рамзеса.

Задача нашего подбора материала в этой части, в противоположность прежнему — сосредоточить мысль на жизни общества, и в этой жизни выяснить роль созидающего труда и положения трудящегося. Поэтому изучение начинается с картины пышного плодородия Нильской долины нашего времени, среди безжизненной пустыни. Но от этой кипучей, полной обилия жизни современного Египта внимание сейчас же направляется в глубь тысячелетий, чтобы развернуть там совершенно иную картину, картину ужасов разлития древнего Нила, несшего тогда смерть, а не жизнь. Из этого становится ясным, что только многовековая работа длинного ряда поколений над системой каналов и плотин, только систематическая, последовательная регуляция вод Нила создала Египет.

Таким образом Египет сделался таковым не благодаря, а можно сказать, вопреки Нилу. Труд человека был творцом плодородия Египта, а не Нила. Это превращение долины смерти в долину жизни потребовало колоссальных усилий, громадного упорного труда и путь достижения был усеян трупами, по которым дошли до цели позднейшие победители. Но дошли почему? Потому что действовали непрерывно и коллективно. Здесь вскрывается значение силы общества и общественного организованного труда. Эта многовековая совместная работа создала большие культурные на-выки, подвела население к металлической технике, которая, усовер-шенствовавшись, сообщила организованному труду могучую силу. Эта же многовековая работа сплотила население и содействовала раннему образованию государственных объединений. Благодаря новым материалам, доставленным археологией, мы имеем возмож-ность именно в Египте видеть возникновение крупного обществен-ного и государственного объединения. Это выясняет статья «Влия-ние оросительной работы на раннее хозяйственное объединение». Следующая статья показывает, как и почему эта работа, объеди-нившая людей в крупные группы, рано расслоила эти группы на классы, как и почему организаторы труда, обладавшие военной и экономической силой, и организаторы труда, державшие в своих руках знания времени разлития Нила и его регулирования, стали в командующее положение и сделались распорядителями судеб больших масс трудящихся, как и почему главный организатор фараон превратился в настоящее божество. Дальнейшая статья ри-сует эволюцию экономической, социальной и политической жизни египетского общества, и вслед за нею идущая статья вскрывает, в каком тяжелом положении были крестьяне и рабочие в египет-ском обществе, и как это отразилось в жизни и в работе со-циально-политической мысли Египта. Так все ставится в зависи-мость от сельско-хозяйственного уклада: он обусловил формы со-циальной и политической жизни. Из потребности работ по урегу-лированию Нила возникает математика, астрономия и инженерное искусство. Раннее происхождение письменности, земледельческая религия и культ Нила находятся в тесной связи с нуждами хо-зяйственной жизни. Подводит итог всему девятая статья, где осо-бенность всего процесса жизни египетского общества, характери-зуемая консерватизмом, обусловливается малою подвижностью земледельческого уклада древнего Египта. Заключающая статья

«Египет и современность» показывает, что часть того, что создано громадным трудом Египта, является и нашим достоянием, что мы через века сохраняем еще много наследий Египта в нашей современной жизни.

Египет и Вавилония объединены общим заданием: «организация труда и общественное образование в речных долинах Африки и Азии». На первый взгляд может показаться, что включение общества, сложившегося в свое время на долинах Евфрата и Тигра, является излишним. Ведь, в грубых чертах, основные линии развития Вавилонии и Египта совпадают. Передняя Азия имела свой Нил, «приходящий в мире, чтобы дать жизнь стране». Периодические речные разливы повели в Вавилонии к тем же последствиям, что и в Египте: к сильному государству с резко выраженной сельско-хозяйственной основой, влияющей на все стороны общественного и государственно-хозяйственного уклада. Но это как будто говорит против того, чтобы, ознакомившись с Древним Египтом, останавливать внимание еще на Вавилонии.

Но дело в том, что вавилонское общество, по сравнению с египетским, отмечено некоторым своеобразием. Это своеобразие настолько значительно, что благодаря ему вавилонское общество представляет собой новый вид общественно-хозяйственного развития при сопоставлении с социальной и хозяйственной структурой Египта. Упомянутое своеобразие необходимо представить возможно более выпукло. Оно заключается в следующем: система оросительных каналов, регулирующая наводнения, представляла в Вавилонии высший усовершенствованный тип, доходила там до поразительной степени совершенства. Изощренное искусство орошения в связи с необычайной плодородной, жирной, илистой почвой сделала древнюю Вавилонию синонимом плодородия. Эта повышенная производительность повлекла за собою соответственный рост прибавочного продукта. Географическое положение Вавилонии рано сделало ее местом международного обмена. В этой области прибавочные продукты вавилонского сельского хозяйства находили для себя верный сбыт и способствовали накоплению богатств в стране. Таким образом, упорный труд над усовершенствованием оросительной сети, имевший результатом увеличение урожайности, дал в конце концов опору торговой мощи Вавилона. Рост же торговли имел свои важные последствия. Он повел к появлению ме-

тальских денег, и богатства, которые приобретали посредством торговли отдельные представители вавилонского общества, получили характер торгового капитала в форме денег и товаров. Появление и развитие торгового капитала обусловлено в Вавилоне не одним рациональным земледелием, давшим материал торговле. Этому способствовало городское ремесло, которое работало не только на ограниченный круг местных потребителей, но и на внешний рынок, постоянно повышавший требование на вавилонские изделия. В этом—свообразие вавилонского развития по сравнению с египетским. Вавилония в противоположность Египту была страной крупной движимости, крупного торгового и промышленного капитала, а не страной больших недвижимых имений, внушительных доменов. Египетское ремесло также кажется каким-то феодальным ремеслом, замкнутым в ограниченном кругу местных потребителей, в сравнении с вавилонским. Иллюстрацией к торгово-промышленному укладу вавилонского общества служит главный торговый центр этой страны и ее столица—Вавилон. Богатства этого города, его пышность и роскошь, торговая суeta, отмечаемая памятниками, довершают намеченную выше в общих чертах картину хозяйственной жизни Вавилонии. Далее следует остановиться на классовой структуре вавилонского общества, на земледельцах, землевладельцах, ремесленниках, купцах и т. д. Наряду с этим необходимо отметить despотический характер управления, вытекающий: 1) из тех требований, которые предъявляли к создавшему ее обществу оросительная сеть каналов и торговый, широкий обмен, 2) из трудного положения Вавилона среди соседей, всегда готовых напасть на богатейшую страну. И то, и другое требовало сильной власти, которая осуществлялась в Вавилонии посредством развитого и хорошо сложенного бюрократического аппарата, достаточно ясно обрисованного дошедшими до нас памятниками. В качестве материала для работы в данном месте уместно привлечь законы Хаммураби. Деспотическая власть обыкновенно цементируется сильной военной организацией, всегда готовой к ее услугам. Вавилон не был в данном случае исключением. Военная сила широко использовалась здесь для многочисленных военных экспедиций, имевших целью завоевание новых рынков и захват сырья для ремесленного производства. Именно под этим углом зрения следует рассматривать многочисленные походы Вавилона.

Далее необходимо подчеркнуть, как из потребностей хозяй-

ственного быта зародилась и развилась ассирио-аввилонская наука, в частности астрономия. Торговые отношения с их договорами, условиями, кредитом, срочными платежами, неустойками требуют точных, определенных и строго установленных мер времени. Исходя из указанных жизненных требований, ассирио-аввилоняне пришли к календарю. Наши 7 дней недели, 12 месяцев, 365 дней года, самые названия дней недели установлены именно здесь, в этой столь далекой от нас во времени среде, на первый взгляд ничем с нами не связанный. В данном случае уместна аналогия с Египтом. Египетская астрономия развилаась на почве практических потребностей, наблюдений небесных предвестников разлива, вавилонская астрономия родилась тоже из практических потребностей, но связанных с торговлей: звезды должны были указывать путь торговым караванам на море и на суше. И в Египте, и в Вавилоне таким образом небо оказалось, так сказать, связанным с землей. Но если необходимость в точных мерах времени привела в Вавилонии к календарю, то та же потребность в договорных записях, в написании условий, в бухгалтерских счетах повлекла за собой появление и развитие письменности, причем письмо двигалось в сторону упрощения способов написания. Опять и тут уместна аналогия с Египтом.

Зачем же нам нужны основные намеченные черты вавилонской общественной организации? Далеки ли и чужды ли они нам? Здесь дается ответ: далеки по времени, но близки по существу. Не говоря уже о том, что мы только что видели не совсем чуждые нам формы торгового обмена, организации общества и управления, мы до сих пор пользуемся культурным достоянием Вавилонии, и материал для выявления этого наследия дает статья «Древний Вавилон и современность».

Египет.

I. В Нильской долине в наше время.

Залитая морем света и огня пустыня. Под знойными лучами солнца растаяли последние следы утренней прохлады. Огненный шар поднялся над пустыней, раскалил ее воздух, ее камни, пески. Словно в знойной печи, пышащей жаром раскаленного камня, утопая в море ослепляющего света, движется наш караван. Песок становится уже горячим до того, что только мозолистые ноги верблюдов не ощущают этого жара: до камней едва можно дотронуться...

Скоро и воздух, пронизанный прямыми лучами африканского солнца, как бы остановился и начал раскаляться, нагреваемый и солнцем, и песком. Голубое небо стало блекнуть. Словно розовато-лиловая дымка покрыла горизонт и заволокла пустыню. Эта дымка все краснее и насыщеннее, и скоро само солнце как бы потонуло в ней. Термометр повышается до 66 градусов, а в тени — выше 40.

В голове невыносимо стучит, глаза закрываются, губы давно уже сухи и растрескались, кожа стала темнокрасного цвета, дыхание горячо. Все мысли направлены к воде, и когда показываются признаки растительности, мы забываем всю усталость и усиленно направляемся туда: там вода, там долина реки Нила.

Вот он вьется серебряной лентой посредине длинной узкой долины, тесно сжатой двумя параллельными хребтами; воды его пестрят флотилиями парусных судов, снующих взад и вперед: едва успевают они подвозить всевозможные блага. По берегам цветущие города, густые поселки заполнили все, бесконечная вереница загородных вилл с роскошными садами. Вот ближе к нам сад; в центре его разбежалась виноградная лоза, опутала бесконечною путаницей ветвей, тяжело повисли осыпанные нежным пухом сочные гроздья. Сверкают пунцово-красные гранаты; протягивают свои широкие листы фиги, соблазняя сахаристыми плодами; на просторных лужайках

разрослись гиганты маслины, но всех выше к самому небу подняли свои перистые головы финиковые пальмы. Коренастая сикомора с темно-мясисто-кожистою листвою, и рядом дрожит нежная листва акаций, а в тени, в водяном бассейне плавают нежно-розовые цветы лотоса и тут же рядом куши рослого папируса. Веселые стаи певчих и водяных птиц и насекомые ярких цветов населяют сад. Пруды переполнены рыбой. А дальше поля, ровная гладь хлебных нив и жирных пастбищ.

Не случайно мы начали с пустыни. Профессор Всейков особенно подчеркивает роль пустыни в образовании египетского оазиса и называет ее вторым, после Нила, фактором, создавшим его культуру. Он сравнивает ее с костром, над которым образуется столб нагретого воздуха: малое давление, производимое им, служит причиной почти постоянного северного ветра с Средиземного моря. Этот морской ветер обогащает Египет солями, необходимыми для растений, сметает с него песок пустыни, поддерживает влажность и умеренность климата.

Благодаря Нилу и пустыне, на узкой прибрежной полосе жизнь бьет ключом почти круглый год.

В январе сеют здесь бобы, горох, апельсины, лимоны; гранаты в это время в цвету; пшеница зеленеет на полях. В иных местах срезывают сахарный тростник и хиннэ—красильное растение, косят или скармливают на поле клевер.

В феврале зелень покрывает большую часть полей, арбузы, дыни, огурцы спеют; сеют рис, жнут ячмень.

В марте цветут крупные деревья и кустарники, собирают пшеницу, посеянную в декабре.

В апреле— сбор роз, сеют вновь пшеницу, второй сбор клевера.

В мае— сбор пшеницы зимнего посева. Акация, хиннэ цветут; скороспелый виноград, фиги, анона — сливочный плод — спасеваются.

В июне — сеют дурро; в иных местах созревает сахарный тростник. Начинается слабый подъем воды в Ниле.

В июле сеют рис и кукурузу, собирают хлопчатник и лен, настоящая эпоха винограда. Подъем воды в Ниле растет.

В августе — третий сбор посевых трав, лотос и жасмины цветут повсюду, пальмы покрыты финиками. Подъем воды в Ниле продолжает увеличиваться.

В сентябре — сбор апельсинов, лимонов, тамариндов, слив и опять риса. Увеличение воды в Ниле делается заметным.

В октябре — травы в полном росте, душистая акация и колючие кустарники — в цвету, торопятся убрать все с полей, в половине октября разлив Нила достигает полного развития.

В ноябре после схода нильских вод сеют пшеницу; фиалки и нарциссы покрывают поля, сбор фиников.

В декабре некоторые деревья сбрасывают листья, но зато земля покрыта всходами различных хлебов и цветами. Это — настоящая весна.

Таков Египет теперь.

2. Многовековая работа населения над системой каналов и плотин.

Было время, когда долина Нила не являлась такой благословенной страной. В древнейшую эпоху Египет представлял обширное болотистое пространство, и течение реки между первыми порогами и дельтой, остававшееся в своем естественном виде, состояло из лабиринта протоков, постоянно меняющих свои направления и относительное свое значение в зависимости от силы подъема воды и от продолжительности засухи. Огромные заросли папируса и других водных растений возникали быстро на илистом дне реки, задерживая течение или направляя поток по другому руслу, тогда как на несколько более укрепленной почве островков и побережья возникали и целые леса, образовывавшие непроходимую чашу, в которой прятались дикие звери. Нил был вначале рекой очень опасной, обильной лихорадками, миазмами, микробами и тучами комаров, рекой, к которой приближались лишь особенно отважные люди. Легенда о язвах египетских, быть может, не что иное, как отзыв тех страшных страданий, которые приходилось переносить первым колонистам, устроившимся на берегах Нила.

Пустыня с твердою бесплодною почвою, хотя и со здоровым воздухом, не могла подобно болотистым побережьям Нила дать землепашцу обильную жатву, не могла вернуть ему посев в десять, двадцать раз, зато люди оставались в пустыне сильными и здоровыми. Первоначально именно здесь и основали свое жительство люди.

Опору для утверждения этого дают археологические изыскания. На террасе Курна были открыты древнейшие каменные орудия: они относятся к началу четвертичной эпохи. На нижней террасе находятся эолитические орудия вместе с орудиями палеолитическими, тогда как на самом плато и в долине следы существования человека — кремневые орудия, кухонные остатки — относятся к более поздним временам.

Таким образом мы можем утверждать, что до того еще, как династии фараонов получили возможность собирать в свои зернохра-нилища колоссальные запасы зерна, те бродячие народности, которые странствовали со своими шатрами по пустынным пространствам между Нилом и Красным морем, должны были играть чрезвычайно важную роль настоящих пионеров человечества.

Направляясь к речной долине или, по крайней мере, к соседним с ней областям, кочевые пастушеские племена следовали естественной притягательной силе, каково обладали в их глазах прекрасные пастища, поймы, орошаемые периодическими водами Нила во время половодья, и заросли леса, где кишили звери, составлявшие предмет охоты. Вслед за такими пастухами и охотниками стали от времени и до времени появляться более прочно устраивающиеся земледельцы.

Сколько веков, может быть даже сколько сот и тысяч веков протекло до того времени, когда сложилась народность, определившаяся окружающей средой и получившая постоянный характер? Сколько было здесь трудов и усилий, нередко бесплодных, прежде чем люди приспособились к возделыванию неровной, рыхлой прорезанной ручьями и болотами почвы, которую они разделили на поля и участки, стремясь совместить две задачи, стоящие в кажущемся противоречии одна с другою — защитить постройку от разливов и направить воды Нила на орошение плантаций. Одно из преданий, символизирующих борьбу первобытных египтян с непокорною рекой, рассказывает нам, что Менес, предполагаемый основатель египетского царства, построивший плотины и прорывший каналы, был за свои труды растерзан и съеден крокодилами. Действительно, постепенное завоевание берегов реки, борьба с нею и приспособление ее вод к нуждам земледелия были трудными задачами, и много поколений людей погибло, прежде чем удалось добиться благополучных результатов.

Но еще до того, как страною стал править единый державный

властитель, необходимо было существование народа, из коего вышел и сам он. Оросительные работы были начаты задолго до того, как появился управитель. Инициаторами великого экономического завоевания были здесь, без сомнения, отдельные группы, пытавшиеся, пользуясь плодородием ила, орошенного водами реки, собрать возможно более обильную жатву. Повседневный опыт был матерью науки.

Еще задолго до того, как египетские землемеры и строители создали сложную сеть плотин, каналов и канав, шлюз и водоемов, придавших всей долине Нила известную целостность и позволивших единому властителю регулировать приток вод на поля всей страны, еще задолго до тех времен, когда практика орошения превратилась в рутину, направляемую чиновниками государства, тысячи и миллионы отдельных лиц пробовали применять те же приемы в малых размерах. Вокруг бесконечно большого числа полей были построены плотины, и множество осушительных канав из года в год отводили воду от топких пространств и болот. Мало-по-малу, с большою постепенностью путем постоянной борьбы с рекою и путем приспособления к своим целям ее разливов научились обитатели берегов наиболее практичным способом разрешать представлявшуюся им сложную гидротехническую и агрокультурную задачу — именно они научились удерживать Нил в определенном русле, отводить и распределять его плодоносные воды. Каналами по возможно обширной поверхности научились регулировать продолжительность действия воды на каждом участке. Постепенно египтяне узнали, как наиболее выгодным образом распределять землю на отдельные поля и плантации, образующие в Египте настоящую шахматную доску и получающие воду в определенной последовательности. Наконец, египтяне научились также направлять воду системой каналов, действующих обратно течению реки, создали земледельческие орудия, удобные для работы, устроили для земледельцев убежища на искусственных островках, поднимающихся над поверхностью воды. Все это были огромные работы, совершившиеся в течение многих веков — в них принимало участие бесчисленное множество отдельных личностей, и они могли довести их до конца лишь путем взаимного соглашения и объединения.

3. Оросительные работы и раннее хозяйственное объединение населения.

Необходимость регулировать воды Нила вела к созданию общественных объединений. Сначала, вероятно, образовалось многомелких объединений, расположенных по течению Нила, но очень скоро этим небольшим общинам пришлось объединиться в более значительные организации в целях более равномерного пользования Нилом. Эта цель могла быть достигнута как путем добровольных соглашений, так и насильтственных.

Все эти предположения опираются на данные раскопок нового времени. Археология застает народ в каменном веке, в его неолитический период, когда оно занималось рыбной ловлей, скотоводством и охотой, между прочим, на находившихся тогда в изобилии оленей и львов, как указывают на это росписи и охотничьи и рыболовные орудия. Население Египта в это время уже осело довольно густо: обширные кладбища, обнаруженные новейшими раскопками, говорят о существовании больших поселений народа, перешедшего уже к оседлому образу жизни. Исследования последнего времени устанавливают, что в самом начале на Нильской равнине жила не какая-либо иная раса, а прямые предки классических египтян, что не было никакого перерыва в культуре, объясняемого появлением иного этнографического элемента. Изменения происходили постоянно под влиянием прогресса техники, главным образом распространения металлических орудий. Переселение с восточной части долины было постепенным проникновением, длившимся долгое время и в течение веков образовавшим ряд колоний на всем протяжении Нильской долины, до самых болот Дельты. Вероятно, эти колонии частично послужили ядрами областей, называемых по гречески «номы», которые были составными частями Египта до самых христианских времен, которые служили податными единицами и играли видную роль в его истории. Таких номов насчитывали в разные времена различное количество, оно колебалось в пределах 33—42. Каждый ном обладал религиозным политическим центром, имел своего бога-покровителя и свой герб, который служил и иероглифическим изображением его имени. Древнейшие памятники, найденные в Иераконполе — шиферные пла-

стинки носят на себе символические изображения взаимных отношений этих номов. Мы находим их частью в виде союзных групп, частью в войнах между собою. Так, на одном обломке ряд номов, представленных гербами (между прочим, сокол, лев, скорпион, два сокола), разрушают семь крепостей (представленные зубчатыми кругами других номов). На другом обломке мы видим поле битвы с трупами врагов, пожиравших хищными птицами и львами. Есть обломок с изображением шествия пленных гербов пяти номов, влекущих веревку, вероятно также с пленными. Словом, вся долина Нила была театром постоянных войн, причем на стороне все более и более выделяющегося победителя был уже ряд номов Среднего Египта.

Далее, памятники ясно указывают нам на то, что дальнейшей стадией государственности до объединения государства было существование двух самостоятельных царств — Южного и Северного. В первом почиталась богиня Нэхебт, в виде коршуна, во втором — Уадит-Буто, в виде змеи; кроме того, рядом находилась в каждом царстве по городу с культом национального бога — завоевателей, сокола — Гора. Вероятно, что завоеватели вышли из соседнего Эдфу, где почитался Гор, как сокол и крылатый солнечный диск, покоривший, как повествовала впоследствии легенда, Египет. Южные цари носили высокую белую корону, северные — своеобразную красную. И те, и другие были жрецами Гора, и впоследствии предание называло их служителями Гора. От времен раздельного существования обоих половин Египта мы имеем изображение на булаве, пожертвованной в Иераконпольский храм одним южным царем. Булава, очевидно, предназначена служить для увековечения победы царя, во главе союзных номов, представленных своими гербами, не только над другими номами, но и над иностранными неприятелями: на шестах с гербами, как на виселицах, повешены птицы, символически изображающие египтян, и луки, обозначающие иноземцев. Цари юга, объединив под своей властью весь Египет, соединили обе короны и оба титула в один и считали служителей Гора своими обожествленными предками, которые были духами, героями, а не простыми людьми. От этого времени до нас дошла шиферная пластинка, представляющая на одной стороне царя в короне Верхнего Египта, поражающего жителя нома Дельты, и здесь же бог-покровитель в виде сокола держит на веревке олицетворенный иероглиф шести тысяч пленных.

На обратной стороне царь уже в короне нижнего Египта в сопровождении своих чиновников, прислужников и знаменосцев шествует по полю битвы, усеянному трупами обезглавленных врагов. Пластиинка найдена в Иераконполе: очевидно, царь оставил ее в тамошнем храме, как благодарственный дар своему богу за оказанную ему помощь в войне, результатом которой было подчинение самой крайней уже приморской области Дельты, а, следовательно, окончательное покорение севера.

Мы присутствуем здесь при раннем политическом объединении большой территории, лет за 5000 — 4000 до Р. Хр. по Фл. Питри и за 3400 — 2500 по Мейеру и Брестеду. Очевидно, здесь впервые скопились значительные запасы богатств, без которых нельзя себе представить существования большого государства, и здесь же сложились особенно благоприятные условия для того, чтобы дать перевес организации завоевателей и объединителей.

Из целого ряда исторических примеров известно, что такой перевес обыкновенно стоит в связи с крупным техническим переворотом. Если искать подобного рода условий для Египта, то, кажется, можно остановиться на одном явлении, на развитии металлической техники. Имеется целый ряд указаний на весьма раннее появление металлической техники в Египте. Такое раннее политическое объединение большой территории произошло, очевидно, оттого, что новая техника, пришедшая с новым материалом, дала человеку громадную экономию времени и усилила производительность труда. Более легкое и быстрое производство металлических орудий по сравнению с трудным и медленным изготовлением каменных, подняло производительность. Металлическое оружие при встрече с каменным и костяным, должно было дать решительное преобладание для той группы, которая его монополизировала. К этому времени были в ходу крупные сооружения плотин и каналов, которые обеспечивали правильное и широкое распределение речных разливов на культурной земле. Надо думать также, что вместе с тем развилась та система обработки земли с плугом и домашними животными, которую мы называем земледелием. Она была преобладающим занятием египтян; на рисунках мы видим посев и жатву хлебных злаков, приготовление муки, сбиение папируса, связывание его в пучки, разведение винограда и садов. Судя по рисункам, в эту эпоху разводят рогатый скот, овец, коз, ^и ~~слов~~ уток и гусей. Что земледелие имело большое значение, на это указывает

изображение на иероконпольской булаве, где представлен царь, руководящий земледельческим праздником взрыхления земли. С совершенством прикладного искусства убеждает нас в существовании значительного разделения труда: такие произведения в области скульптуры, живописи, архитектуры, какие нам известны из этой эпохи, египтяне могли создать только при очень большой специализации труда. Рисунки дают нам ряд изображений различных видов промыслов, они знакомят нас с прядением и тканьем льняных волокон, с работой плотника, гончара, кузнеца, золотых дел мастера.

Был и обмен. Очень характерны изображения, найденные в одной из гробниц около деревни Саккара. Тут мы видим сцены из рыночной жизни, видим рыботорговца, перед которым стоит покупательница с корзиной, в которой помещаются обмениваемые предметы. Другое изображение дает еще картину торга с покупателем: торговец продает хлеб, покупатель предлагает ему ожерелье: продавец недоволен, и покупатель заявляет: «возьми в придачу еще сандалии». Эти сцены говорят о настоящей меновой торговле, о мене товара на товар.

Ясно, что в это время в области Нила плотно сидело население трудолюбивое и запасливое. В земледельческой общине скопились значительные богатства, и могло появиться социальное неравенство и разделение на классы.

4. Хозяйственный уклад земледельческой общины, расслоение на классы и их взаимоотношения.

Там, где развитие земледельческой общины шло постепенно и типически, там последовательность этого развития является в таком виде.

В начале строение общины отличается сравнительно большой однородностью — разница в размерах отдельных хозяйств была не так велика, чтобы обеспечить наибольшим из них решительное экономическое преобладание над остальными. Однако, зародыши экономического неравенства уже существуют: один из этих зародышей — хотя бы даже временное выделение организатора общих предприятий; другой зародыш заключается в том, что кроме общинной собственности на землю была и частная. Земли, расчищенные соб-

ственным трудом отдельной семьи, представляли уже ее собственность; точно также земли, приобретенные военным путем, раз они распределены между участниками войны, обыкновенно уже не переделялись более.

Понятно, что хозяйства, несколько выделяющиеся из среды остальных большей экономической силой, должны были при таких условиях и развивать эту силу быстрее остальных. Во-первых, таким хозяйствам легче было расширять площадь их частных владений путем расчистки новых незанятых земель; во-вторых, лица, принадлежавшие к этим более крупным хозяйствам, занимали вообще более видное положение в организации военных предприятий, а, следовательно, получали значительную долю военной добычи, движимой и недвижимой. Не мешает помнить, что к движимой добыче относились и рабы, так как земледельческая община унаследовала от патриархальной группы, между прочим, эти зародыши рабства в их мягкой форме. Таким образом неравенство хозяйственных единиц все более возрастало и мало-по-малу подрывало прежнюю однородность общины. Влияние богатых семей на ход общинной жизни все более усиливалось и упрочивалось благодаря тому, что экономическое превосходство позволяло им поставить все остальные хозяйства в некоторую материальную зависимость от себя: крупные хозяйства брали на себя устройства таких предприятий, которые оказывались не по силам для всех остальных. Будучи гораздо более устойчивыми, большие хозяйства гораздо меньше страдали от всяких экономических потрясений, от голодовок и других стихийных бедствий, столь нередких при неразвитой технике; поэтому нередко большие хозяйства оказывали мелким помощь из своих запасов, а за нее мелкие крестьяне обыкновенно расплачивались отработками, что позволяло богатым значительно расширять свои запаски и вообще свое производство.

С течением времени фактическая сила наиболее богатых семей доходила до того, что только из их среды выбирались организаторы военных дружин. И естественно, что эти семьи пользовались своим экономическим влиянием на общину, чтобы закрепить такое положение дел: они энергично боролись против всяких отдельных попыток изменить эту систему и постепенно добивались того, что обычный факт превратился в право — власть вождя стала наследственной в его семье, временный организатор войны превратился в постоянного.

Крупный землевладелец, выделившийся из общины, прочно присвоивший себе военно-организаторскую роль, а также иными способами поставивший общины в экономическую зависимость от себя, укрывает крестьян, находящихся под его покровительством, в случае нападения со стороны врагов. Во всех случаях, когда крестьянские хозяйства не могут управиться своими средствами, он приходит к ним на помощь: он организует систематическую поддержку для них на случай неурожая, разорения от войны. На все это необходимы средства, и, конечно, он не склонен был даром жертвовать для своих крестьян доходами собственного хозяйства. За все его заботы крестьяне с избытком расплачивались своим трудом. Эта эксплуатация имела две главные формы: 1) основная и более ранняя форма — отработки; 2) производная — оброк. Когда землевладелец был почти только богатым крестьянином, тогда отработки существовали как обычная расплата за долги. Когда же власть землевладельца упрочилась, отработки сделались постоянной повинностью крестьян, превратились в так называемую барщину. Определенное число дней в году крестьянин обязан был работать на своего господина в его хозяйстве. В иных случаях для землевладельца оказывалось удобнее получать повинность не в виде труда, а в виде готового продукта, это был так называемый оброк. В формах барщины и оброка эксплуатация является в самом простом и открытом виде: барщина — это прямое и явное присвоение прибавочного труда, оброк — прибавочного продукта. Основываясь на барщине и оброке, хозяйство землевладельца было подобно мелкому крестьянскому хозяйству почти исключительно натуральным. Конечно, землевладелец в большей мере, чем крестьянин, мог пользоваться обменом для удовлетворения своих уточненных потребностей, но все же и для землевладельца это было вначале исключением: большую часть всего необходимого для себя он получал от своих крестьян.

Не имея данных для освещения всех степеней процесса в древнем Египте, мы видим заключительный момент этого процесса существования знати, произошедшей от потомков владетелей номов и от службы среди египетских должностных лиц, занимающих самые важные посты и награждаемых самыми различными способами. В гробницах знати художники увековечили на стенах быт древнего Египта и сумели ярко отметить разницу между господами и подчиненными в костюме, повадке и жестах. Красноречиво и содержание картин: умерший господин — сановитая фигура, исполненная спокойного bla-

гополучия, созерцает, как проходят длинными рядами крестьяне и крестьянки с разными приношениями, как на господский двор ведут скот, ташут птицу и корзины с хлебом и фруктами, как надсмотрщик с палкой в руке привел рабочих и небрежно повелительным жестом дает команду кланяться в ноги господину; перед которой экономии выстроились старосты, дающие продукты и держащие ответ за исполнение работ. В случае недобора или неисправности они отвечают своими спинами. Даже в загробный мир господин не уходил без крестьян; там в царстве Озириса бог может потребовать работы на подземных полях: пахать землю, сеять, жать, рыть каналы. Каково это будет знатному князю или жрецу, если не будет крестьян? Поэтому, богатым покойникам клали огромное количество маленьких фигурок или мумий крестьян и рабочих; такие фигурки назывались «ушебти», ответчики. У некоторых «ушебти» была волшебная надпись, заставляющая их отвечать «я здесь», когда покойник позовет его. Сообразно их назначению у них были в руках земледельческие орудия и мешок с зерном. Когда военно-организаторские функции сосредоточились в руках земледельцев, мирно-организаторские функции, которые раньше выполнялись патриархом, не могли остаться у землевладельца, слишком специализировавшегося на своей особой деятельности. Общий контроль над хозяйством, общая объединяющая мирно-организаторская роль осталась за преемником патриарха — жрецом. Так параллельно с организацией светских землевладельцев большую частью следовало объединение и духовное, т. е. жреческое, но в отличие от светских, духовные всюду выделялись своей сплошностью и дисциплиной. Мирный характер их основной деятельности не создавал основы для таких междуусобий и раздоров, как это было у светских лиц. Жрец был хранителем накопленного общественного опыта, переданного от предков: так как этот опыт передавался в религиозной форме, как заветы и откровения обожествленных предков, то жрец и являлся представителем богов, носителем связи с ним, а основная деятельность жреца была экономически организующая и она имела огромное значение в жизни.

Для всякого земледельца в высшей степени важно знать, в какое время начинать подготовку пашни, когда производить посев, когда происходит разлив. Разлив Нила, оставляя плодородный ил, порождает огромную урожайность земли, но в то же время, как грозная стихия, угрожает гибелью и людям и всему созданному их трудом. Чтобы использовать одно и избегнуть другого, необходимо

самое строгое исчисление времени, необходимо полное знание связи между временами года и уровнем воды реки. Вся судьба труда земледельца зависит от правильного разделения времени. Но точный расчет времени в году возможен только при помощи астрономических знаний. Эти знания имели только жрецы, которые на основании передававшихся в ряду веков наблюдений над солнцем, луной и другими светилами, вели календарь достаточно точный для сельского хозяйства. Это и было делом гелиопольских жрецов, которые высоко развили астрономию и следили за восходом Озириса, и при первом его появлении на горизонте в средине июня давали сигнал начала наводнения. Они вели точные записи хода разливов.

Недостаточно было следить за разливами: надо было по возможности регулировать их, для чего были необходимы каналы, дамбы, отводные резервуары, их надо было устраивать и систематически следить за ними, а в дальнейшем при помощи таких же сооружений расширить поле труда, орошая соседние бесплодные местности. Для таких работ нужны были, конечно, руководители-инженеры с значительным запасом математических знаний. Этими руководителями были жрецы, которые особенно выделялись своими познаниями в области геометрии. Именно храмовая школа в Мемфисе доставляла кадры мастеров для всех этих дел, а главному жрецу мемфисского бога было поручено наблюдение за всем ходом относящихся сюда работ.

Но мирно-организаторская деятельность жречества этим не исчерпывается: они обыкновенно заведывают общественной гигиеной и медициной, т. е. способствуют сохранению наличных рабочих сил общества. Жрецы занимались также воспитанием юношества и готовили таким образом будущих членов общества. Они же освящали браки и похороны, были советниками, законодателями. Весь запас знаний они сохраняли устно, передавая от одного жреческого поколения к другому. Но с течением времени в качестве средства сохранения накопленного опыта выступает письменность, которая монополизируется в руках жрецов. В древности, как и в средние века, они были единственными грамотными людьми: иероглифы созданы были жрецами.

Жреческая организация, благодаря своей большой общественной силе, также обладала громадными имениями. Храмы скопляют большие имущества уже в древнюю эпоху. Для поддержания гробниц и совершения ежедневных тризн храмы и корпорации жрецов

обеспечиваются поместьями или доходами с поместий; таким образом в руках жреческого класса сосредоточиваются большие имущества и вместе с тем, значение жреческого класса растет. Подобно светским землевладельцам и жреческие организации жили за счет прибавочного труда крестьян, которые отдавали им часть своего продукта в виде оброка или часть своего рабочего времени в виде барщины.

Наконец за счет прибавочного труда и продукта подвластного крестьянина жил царь. Громадные предприятия в виде постройки гигантских пирамид и храмов, требовавших десятков тысяч рабочих, в течение длинного ряда лет были выполнимы лишь при условии возможности собрать множество рабочих с громадных земельных владений, оторвать подвластную массу от жизненного дела и сконцентрировать их силы для выполнения предприятия, далекого от текущих их жизненных потребностей. Таким образом источник существования светских и духовных владельцев и царя был один и тот же: прибавочный труд и продукт подвластного крестьянства.

Так на тучной ниве, на основе землевладения и натурального хозяйства, выросло специальное расчленение на верхи и низы с определенными отношениями, подчинениями и эксплоатацией. На той же почве вырос и политический строй страны.

5. Хозяйственный уклад и политический строй.

При хозяйственном укладе Египта основным заданием жизни была забота о наиболее производительном использовании разливов Нила. Вековая работа владык Северного и Южного Египта по регулированию течения Нила выдвинула царя, как центрального организатора и руководителя. Эта работа, создавшая благосостояние страны, привела в конце концов к тому, что представление о царе слилось с представлением о благодетельном божестве. Царь возвышается более и более, стал не человеком, а богом. Его уже нельзя называть по имени, как обыкновенных людей. Не произнося его имени, царя называют «Его Величество» или «Высокий Дом», по египетски «Перо», по иудейскому произношению «фараон». Царь настолько вырос в сознании подданных, что при изображении он делается втрое, вчетверо выше, чем остальные люди.

Хозяйственная забота, создавшая величие царя, проходит красною нитью через всю деятельность его. Египет древней эпохи—это государство хозяйства, и главное внимание его правителя направлено на приращение богатств, на расширение имений, на приобретение каменоломен и рудников, на энергичную их разработку. Из хозяйственных нужд вытекают все функции правительства, для выполнения этих хозяйственных функций царь нуждается в помощниках и многочисленном штате чиновников. Ближайшим его помощником является визирь, кто-либо из родственников царя, за ним выступает главный казначей и два казначея дома бога, т. е. царя с многочисленным штатом чиновников, разбросанных по номам. Эта сложная организация по сбору финансов занимает первое место. Дело в том, что в эту эпоху государственное хозяйство основано на собирании натуральной повинности. Египетские казначейства той эпохи это склады натуральных сборов: мы видим хлебные склады «дом средств питания», «дом хлебного зерна», скотные дворы, куда доставляются продукты царских имений. Имеются «дом оружия», складовые для серебра, и всем этим ведает главный казначей и его помощник. Кроме получений со своих вотчин, поступающих в магазины царский двор еще извлекает обширный доход со страны в виде точно регулированных податей. Для этого происходит оценка движимого имущества и кадастр земли, которые правильно возобновляются через каждые два года и носят название «счисление золота и полей». Царские писцы ходят из дома в дом, с одного полевого участка на другой и производят оценки сообразно наличности, а также в соответствии с колебаниями дохода от ремесла, торговли и полеводства. Каменоломни, медные рудники, доставка камня и другого материала для царских построек и их сооружения находятся в ведении двух казначеев бога, т. е. царя, и начальника всех царских работ. Административная власть и суд, а также и натуральные сборы в номах для местных нужд находятся в руках губернаторов—номархов из местной знати. Как в центре, так и на местах без писца не обходится ни одно финансовое, административное или судебное дело, все делопроизводство письменное. Во всех более важных случаях чиновник ожидает царской грамоты, которая запечатывается в присутствии самого фараона и пересыпается по назначению. Суд наместника сопровождается подробным протоколом, который ведут подчиненные ему писцы. Когда сельские старосты являются для сдачи продуктов в запасы или приводят ра-

бочих на барщину, их встречает целая канцелярия бухгалтеров, счетчиков и контролеров, картина изображает их за кабинетами, они быстро скрипят перьями, позади их шкафчики с делами.

Типичные черты и сложное управление этого времени вскрывает документ из гробницы Матэна (Мэтэна) III из IV династии, хранящийся в Берлинском музее. Матэн происходит из чиновничьего сословия: он сын чиновника среднего разряда. Чтобы быть чиновником, необходима грамотность, и он тщательно изучил письмо. Свою службу Матэн начинает с должности писца в пищевых кладовых царя. Вскоре он делается заведующим тем же складом, а затем — контролером при одной из кладовых царя. Его задача теперь заключается в том, чтобы, когда ведется подсчет сбора, возглашать цифры принесенных сборов, которые и записываются писцом. Далее, он уж крестьянский казначай. Он заведует раскладкой крестьянских повинностей, размер которых зависит от высоты разлива Нила: если разлив был высок, подати повышались, если незначителен, пропорционально тому они уменьшались. Последнее делалось также при чрезмерном поднятии воды, так как и это не благоприятно отражалось на урожае. В то же время, Матэн состоит начальником полицейских в nome, т. е. совмещает в своем лице функции финансового и полицейского чиновника. Затем мы видим его в должности высшего контролера nome, позднее он делается надзирателем всех льняных посевов царя. Это было очень важной статьей в царском хозяйстве. Льняные ткани являлись главной одеждой египтян и даже в эллинистическом Египте часть льняного производства была в монопольном владении правительства и храмов. Еще позднее Матэн получает титул князя; и сохраняя этот титул до конца жизни, он переходит в Дельту и соединяет в своем лице несколько должностей, важнейшую из которых является управление царскими доменами. Далее он губернатор главного Ливийского nome, потом переходит в Летополитский nome, где управляет царскими доменами; затем он опять в Дельте губернатором царского дворца в Саисе, комендантом западных крепостей и начальником полицейского отряда; в это время он уже имеет титул одного из вельмож юга и доступ ко двору. Наконец, Матэн получает сан верховного жреца бога Гора в Летополитском nome. В течение своей службы Матэн получил в награду поместье в разных частях Дельты, из них он выделяет часть своему сыну, которому доставляет место в том ведомстве, где он сам

долго служил. Характерным в этой бюрократической карьере является отсутствие специализации, смешение различных функций в одном лице—финансовых, административных, военных и жреческих. Не менее характерным является и возможность для чиновника, поднимаясь с низших ступеней бюрократической лестницы, достичь высших: нужно обратить внимание и на фактическую, а не юридическую преемственность занятий: отец Матэна и сын его чиновники.

Такова организация администрации. В сущности децентрализация в управлении полная: правители номов пользуются большой самостоятельностью, это не сознательно созданная децентрализация, а результат того, что объединение страны еще далеко не завершено, это остатки старой раздробленности. Связью номов с центральной властью являются рассеянные по номам царские поместья, которые управляются царскими чиновниками вроде Матэна.

6. Эволюция экономической, социальной и политической жизни.

В период между 4.000—1.500 до Р. Х. по Флиндерсу Питри, между 2.500—1.580 по Мейеру и Брестеду мы наблюдаем изменение в строем государственной жизни в Египте. Авторитет фараона уменьшается, власть и сила его падает. Прежних высоких пирамид фараоны этого времени не могут возводить. Грандиозные сооружения прекращаются. В то же время выдвигается знать в номах. Номархи-землевладельцы становятся самостоятельными правителями, и часто почти не признают власти царя. Они имеют свой двор, свою администрацию, свое казначейство, свой суд, свое войско. Правители областей зовутся помимо своего служебного титула «князьями» или «господами». Они считаются наследственными первосвященниками местных культов: на местах счет времени ведется по годам их правления, вместо прежнего счисления по годам царствования фараонов. Имя местного владыки призываются при произнесении присяги; к нему, как прежде к имени фараона, прибавляется пожелание: «да здравствует впредь и во веки». Отмеченная перемена ярко отражается в устройстве и размещении могил. Между тем как сановник эпохи Древнего царства тянутся ко двору и старается устроить себе место вечного успокоения у подножия великой царской пирамиды, намест-

ник более позднего времени строит могилу себе и своим близким под стенами того города, где он правит и где будет править его сын. Согласно этой уверенности местного правителя в прочности своего положения, независимо от прихотей двора и усмотрения центрального ведомства, меняется тон и выражение в могильных надписях. Вместо того, чтобы писать «Его величество назначил меня правителем области», наместник отмечает: «Я поднялся, чтобы владычествовать над областью». Он перечисляет свои заслуги перед населением, свои заботы о его благосостоянии, свои благотворительные дела, о фараоне едва упоминается в косвенной форме: «я—любимый царем».

Ясно, что эпоха объединения и сильной центральной власти сменяется эпохой раздробления и ослабления власти фараона при усилении власти местных правителей в номах.

Отчего же произошло такое разложение Египта? Причина этого лежит в том натуральном хозяйстве, которым жил Египет. Натуральное хозяйство не создает в обществе постоянно, изо дня в день действующих стимулов к объединению: каждая хозяйственная единица, каждое поселение, каждое крупное поместье—самостоятельно удовлетворяют всем своим потребностям; поэтому общества, живущие натуральным хозяйством, не склонны к объединению, к централизации: центробежные силы преобладают над центростремительными.

Но почему же эти центробежные силы при господстве натурального хозяйства не действовали раньше? Дело в том, что перед обществами, живущими натуральным хозяйством, иногда возникают задачи, которые заставляют эти общества объединяться, несмотря на децентрализующее действие натурального хозяйства. Пока перед обществом стоят задачи, осуществление которых требует значительного напряжения сил, общество не распадается. Египет не объединенный, дробящийся на множество мелких государств под действием могущественных стимулов, главным образом необходимости борьбы с природою, объединился в одно большое государство. Борьба с Нилом, работы по урегулированию его течения и создают единение государства—хозяйства древнего царства. Пока Нил не урегулирован, пока экономическая жизнь общества не пришла в известное равновесие, до тех пор центробежные силы не проявляют себя в достаточной степени. Однако, великная работа создала прочную хозяйственную организацию. Нил был урегулирован. Из поколения в поколение вошли в привычку работы по канализации, по сооружению

и поддержанию плотин. Эти работы стали традиционными, шли по разу заведенному порядку, и вот той сильной власти, которая создала эту организацию, более не требуется: центробежные силы, действующие во всяком мало развитом в экономическом отношении обществе, берут верх. То же мы видим в эпоху раннего Средневековья. Борьба с Римом и организационная деятельность на вновь занятых местах заставляли держаться сплоченно общества, жившие натуральным хозяйством. Когда же государственные организации, созданные варварскими племенами, в достаточной мере окрепли, исчез вместе с тем и стимул к объединению, и центробежные силы и здесь взяли верх: развился феодализм.

Но тот новый порядок, который установился в Египте после Древнего царства, в эпоху Среднего царства является отличным от того, который господствовал до Древнего царства, период объединения оставил прочные следы. Новая раздробленность не похожа на примитивную. Государственный строй Среднего царства способен удовлетворить более сложным общественным запросам, чем начальная организация. Полного распадения не происходит; наоборот, скоро зарождается на новой экономической почве иная, более прочная форма объединения. Растет обмен. Одним из признаков роста обмена является то обстоятельство, что в текстах мы находим упоминание о дебанах. Дебан — это мера меди, около одной четверти русского фунта, девяносто граммов. Это куски медной проволоки, которые взвешиваются и являются мерилом ценности, таким образом мы видим в эту эпоху уже не обмен товара на товар, как это наблюдалось раньше, а определение мерила ценностей, в виде металла, который, правда, еще не чеканится, а взвешивается.

В связи с ростом обмена растет и средний класс. В эпоху Древнего царства его существование можно было только предполагать, доказательства его наличности теперь налицо. Древнее царство оставило нам лишь могилы царей и знати. От Среднего царства остались уже и могилы незнатных людей, теперь в некоторых надгробных надписях к имени покойника не прилагается никакого титула: лицо, погребенное в данной могиле, называет себя просто жителем, гражданином такого-то города, специалистом по выделкам сандалий, платья и тому подобное. Этот средний класс постепенно растет, и в Новое царство Египет вовлекается теперь в международную торговлю. Для этого времени могут быть доказаны сношения Египта с островами Эгейского моря, затем с Передней Азией.

В то же время развивается в значительной мере внутренний обмен, причем орудием обмена является металл. Металл взвешивается, как и в эпоху Среднего царства, ибо монеты нет и в это время. Но количество обращающегося в стране золота и серебра значительно возрастает. Таким образом мы видим известный прогресс в экономической жизни, хотя и не идущий очень далеко, но все-таки он отражается на социально-политической жизни. В Древнем царстве существовала земледельческая знать, служилая бюрократия и не совсем дифференцированное жречество. Можно было лишь предполагать существование класса свободных ремесленников. В конце Древнего царства знать и жрецы усиливаются, в Среднем царстве крупные землевладельцы правят Египтом. В то же время начинает расти средний класс. В Новом царстве старая земельная знать исчезает; после продолжительной борьбы средний класс возрастает и из его рядов все более и более вербуются контингенты царских чиновников, которые поддерживают власть. Потребность в порядке и в внешней безопасности ведет к ее укреплению. Рост обмена постепенно создает новый стимул для поддержания единства центральной власти, потому что интенсивный обмен может поддерживаться только в государстве объединенном, и средний класс, из которого вербуется чиновничество, является, повидимому, опорой власти, потому что этот класс особенно заинтересован в росте обмена. Поддерживало царя и духовенство, ибо и цари с своей стороны крупными дарами искали поддержки этого сословия. Под конец этого периода выступают жрецы. Это—крупная сила. Великий папирус Гарриса перечисляет земли, подаренные храму, множество крепостных, скота, золота, серебра; находившихся в руках жрецов. Из этого документа мы узнаем, что храмы обладают 107.000 крепостных, т. е. около двух процентов всего населения, что около 14,5% всех земель приходится на храмы, причем храмовые имущества имеются как в самом Египте, так и за пределами его. Далее, что храмы имели около 500.000 голов крупного и мелкого скота, у них был флот из 88 кораблей, они обладали 53 мастерскими для изготовления полотен и других изделий. Кроме того храмам принадлежит масса золота и серебра. Помимо этих постоянных доходов храмы получают от царя еще подарки в виде хлеба, масла, вина, скота, одежды, металла. Особенно выделялись своими богатствами храмы бога Амона. Это наиболее сильная жреческая корпорация. Она ежегодно получала около 220.000 четв. зерна. Эта громадная экономическая сила имеет

в то же время моральный авторитет и является крупною политическою силою, и результатом этого является то, что политическая власть из рук царей и бюрократии переходит в руки жрецов. Верховный жрец Амона делается царем Египта и основателем жреческой династии. Обладая значительною экономическою силою, жрецы оказались неспособными утвердить порядок в стране, и Египет медленно, но твердо подвигался к падению.

Так последовательно, в зависимости от изменений в экономической жизни Египта, выступают во главе правительства отдельные классы. Каждый из них стремится путем власти изменить к лучшему свое положение, но ни один из этих классов не ставит вопроса об улучшении положения крестьянской и рабочей массы.

А положение трудящихся нуждалось в изменении: оно было очень незавидно. В какую бы эпоху ни стали мы его наблюдать, оно мало различается по векам и тысячелетиям, памятники разных эпох говорят почти одно и тоже.

7. Положение крестьян и рабочих.

Чтобы почувствовать жизнь трудящихся, заглянем, при помощи материала, доставляемого древними памятниками и наблюдениями над недавней египетской жизнью, в крестьянский двор. Двор крестьянина расположен на плотине, им построенной, в тени деревьев, им посаженных, вблизи канала, им выкопанного и тщательно оберегаемого. Хижина из легкого дерева, сикоморы и пальмы, дерева наиболее обычного в долине, грубо обтесанные стволы положены один на другой, промежутки заполнены глиной и вся стена покрыта быстро затвердевающей глиной, взятой им тут же, из реки. Такие низенькие хижины из дерева и глины сохранились и до сих пор и служат жилищем феллахов и нашего времени: они едва заметны у подножья величественных пирамид. Эти хижины из глины, замешанной на соломенной сечке, тесны и убоги. Двор загроможден такими же постройками, круглыми, с высоким берхом, служащими для хранения зерна и для других хозяйственных целей. Гуси, утки и туши голубей, прочие домашние животные, вперемежку с людьми занимают все площадки, а около—небольшой клочок земли. С него нужно кормить семью и заплатить налоги: по-

душную подать, государственный земельный налог, налог на дом. Все земли по площади, плодородию и доходности расценены: каждый под страхом тяжкого наказания должен ежегодно показывать изменения, произошедшие в площади участка, потому что вследствие разливов Нила одни участки подвергаются отчасти смыву, другие, наоборот, приращению вследствие нароста ила и прироста отмелей. Особые чиновники и писцы постоянно заглядывают, чтобы проверить все земельные участки и ведут подробные описи. Земли делят они на пшеничные участки, подвергаемые затоплению, на участки водно-болотной культуры и разведения водяной птицы, и на степные, не затапливаемые Нилом. Все тщательно отмечается, все в точности измеряется. Сообразно с этим и платятся налоги: в счет налога принимают пшеницу, дурро, бобы и другие продукты.

Чтобы прокормить семью, собрать налог, нужно работать целый год, не покладая рук: пахать и сеять, целыми неделями подряд таскать из колодца ведра шадуфа для поливки, по первому призыву бежать на барщину —чинить водные сооружения, копать каналы. Вот землекоп в воде: он в обществе рыб, он беседует с сомом, он раскланивается с оксиринхом: обе хищные рыбы угрожают землекопу в воде. «Запад, вот, землекоп, твой земляю» гласит надпись: указание на запад — намек на легкую возможность попасть на кладбище, которое всегда располагалось на запад. Даже разлив Нила не позволяет отдохнуть крестьянину. Пахнул северный ветер, пошли зеленые воды с множеством растительных осадков, затем красные воды, с минеральными осадками: Нил сам удобряет ниву. С каждым днем продвигается великая река и затапливает новые пространства. Наконец, уровень реки достигает верхнего края плотин и теперь Нил требует труда крестьянина и жертвы. «Да будет на тебе благословение, о священный Нил, за то, что ты даешь жизнь Египту», возглашают жрецы и, вторя им в исступлении, толпа. Крестьяне бросаются к земельным насыпям, препятствующим ходу насыщенной илом воды в оросительные каналы, и разбивают насыпи. Груда земли, оставляемая посреди каналов, тотчас же захватывается потоком и уносится им. Эта груда была невеста Нила, по символическому верованию народа, в представлении которого каждое благодеяние богов должно быть уравновешено со стороны людей жертвой. Бросали они в поток и куклы, б. м. в воспоминание тех настоящих человеческих жертвоприношений, которые предлагались Нилу, чтобы купить его

благоволение. Торжествующие волны Нила, победив преграды, рвутся вперед, неся за собою жизнь и радость. После первых радостей следует тяжелое напряженное состояние и постоянное волнение: если будет мало воды, или нахлынет слишком много, может погибнуть урожай. Как жить и как платить тогда налог?

Не спокойствие, а напряженный труд, и не только дневной, но и ночной несет разлив Нила крестьянину. С факелами в руках рассыпаются крестьяне, сторожа ночью по буграм и возвышенностям близ реки. Цепи их развертываются от самого моря до первого порога. Далеко по всей стране разносятся их заунывные сигналы, то удаляясь, то приближаясь во мраке ночи. Зорко следят они за водой, и чуть покажется опасность, раздаются тревожные крики. Со всех сторон тогда бегут с лопатами, пучками соломы и тростника сотни рабочих и в миг закрепляют промыв. Но если опасностьрастет и грозит наводнением деревне, то женщины и дети отряжаются спасать имущество и сгонять весь скот на холмы, а взрослые мужчины все до одного стоят стеной на дрожащей плотине и грудью отстаивают ее до последней минуты. Может случиться, что вода вдруг зайдет в тыл, прорвав плотину в каком-нибудь невидимом месте, поврежденном норами грызунов или лис, и толпы отважных людей погибают на веки, дома их в одну минуту обращаются в прах и под ними гибнут их жены и дети. Один из египетских памятников сохранил нам сцены подобного рода, происходившие при разливе Нила. Мы видим там стадо коров, застигнутое быстрым приливом; только поднятые щи и рогатые головы их еще торчат из воды. Подле — лодка с тремя людьми, которые хлопочут о спасении животных. Двое из них сидят и усердно гребут: третий стоит в лодке и в левой руке держит весло, а правою бросает веревку четвертому человеку, находящемуся на берегу. Тут же подле плывет огромный крокодил: это указывает и на другую опасность, грозящую несчастным коровам.

Кончился разлив. Последние потоки отступающей воды сбирали с полей: земля открылась и время сеять. Крестьянин запрягает волов, набрасывает на плечо мотыку. Где земля порыхлее, он работает мотыкою; где погрублее, он туда направляется с сохою. В то время, как один из рабочих, сгибаясь в три погибели, налегает всею тя-

жестью тела на рукоятку сохи, чтобы глубже вонзить в землю острый лемех, другой правит коровами и подбадривает их песнями из двух коротких фраз с одним неизменным припевом, уделяя в такт бичом животное. Время от времени он покрикивает на товарища: «налегай хорошенько, держи крепче». Следом идет севач и разбрасывает по полю веером зерно. Шествие замыкают козы и овцы, которые, затаптывая зерно в грязь, заменяют запашник. Пастухи мастерски хлопают в воздухе бичом и голосят во всю глотку скорбную песнь про бедного крестьянина, которого схватили на барщину и заставили чистить каналы. Все работают под строгим глазом хозяина или старосты. Однако, двое ухитрились украдкою отпрячь соху, и один из них проворно доит упряженную корову. Другой держит животное и неторопливо ожидает своей очереди. «Скорее, хозяин скоро вернется». Должно быть они не совсем сыты, если рискуют быть побитыми палками за горшок молока.

Время течет чередой, хлеб спасает. На ряду с тяжелой работой по поливке полей крестьянина постоянно волнует мысль, удастся ли собрать урожай. Бывает, что раньше, чем наступит жатва, уже часть ее пожрут насекомые, более крупные животные поедят остаточное. Полчища крыс поселились на полях, налетела саранча, топчет скотина, выбивает зерно и, чуть заглядясь на минуту, воры унесут остаток жатвы. Но вот пора жатвы. Крестьяне, вооруженные коротким серпом, жнут хлеб. Все приспособлено здесь для того, чтобы усилить производительность труда. Флейтист заливается самыми захватывающими душу песнями, удалой певец отбивает такт ударами в ладоши. Надсмотрщик призывает к прилежанию: «Кто-то из вас, когда кончится рабочая пора, скажет другим товарищам — эй, вы, ленивицы! Кто-то сможет сказать: это — я прилежный работник». Слуга ходит по рядам с длинным кувшином с пивом и подносит жнецам: «а пиво-то недурно», заигрывает он. «Правда твоя, хозяйское пиво вкуснее лепешки из дурры», вежливо отвечает рабочий. Снятая пшеница связана в снопы, двое рабочих делают из них тюк и вьючат на ослов. Теперь поют по их адресу: «Кто удалится из ряда, того связуют, кто сбросит вьюк на землю, того будут бить. Гей, гей». Ослик трусит рысцой под угрозой побоев и несет тюк на двор. Затем наступает молотьба, и подводятся итоги. А сборщик податей уже прибыл, он требует налога. С ним сельская полиция с древками, негры потрясают пальмовыми роз-

гами. Говорят: «давай свой хлеб», а их не прогонишь. Вяжут мужика и гонят его на барщину работать на каналах; его подгоняют пинками, его жену вяжут у него на глазах, его дети разорены, а соседям не до них. У них своя забота: своя жатва на руках. Памятники переносят нас в момент палочной экзекуции. Народный юмор рисует, однако, сцену трагическую по существу, с комическими чертами. Мужик лежит распостертым на земле, обнажив тело для удара; двое друзей держат его за руки, двое — за ноги; кругом раздаются вопли жены и сына, обращенные к палачу: «бей по земле, ради богов, бей по земле, господин». И в самом деле, палач делает только вид, что истязает жертву. Свирепый свист и удары бича градом сыпятся, ударяя в землю, среди диких завываний несчастного, который не жалеет глотки, чтобы сыграть роль как можно реальнее.

Так жили привязанные к своим полям крестьяне. Вся жизнь их протекала в сообществе с домашними животными и «когда они заболевали, им приходилось лежать на голой земле среди своих стад». Когда же их настигала смерть, полагавшая конец их жалому существованию, безымянные трупы их бросались в общую могилу после самых незначительных церемоний: предполагалось, что этого достаточно для столь ничтожных мертвцев.

Не легка была и жизнь рабочего. Два Турийских папируса рисуют нам положение рабочих Фиванского некрополя и те волнения, которые происходили среди них. На египетских кладбищах существовала масса рабочих, потому что могилы нужно было постоянно поддерживать: здесь были и кузнецы, и столяры, и каменщики. Кроме того, на могилах совершались постоянные трины, для чего тоже нужно было множество служителей. Вся эта масса рабочих страдала от задержки жалованья со стороны правительства. Первый Турийский папирус представляет дневник надзирателя за работами на протяжении полугода. День за днем ведется запись произведенных работ и тех выдач, какие полагались рабочим. Мы видим, что рабочие получают четыре раза в месяц порции рыбы и один раз в месяц — порции хлеба, бобов, кружек масла или пива и топливо. При выдаче этих припасов происходит постоянная задержка, рабочие негодуют на это и устраивают забастовки. Ходят жаловаться главному жрецу Амона и получают наконец свое жалованье. Чиновнику, посредствовавшему в их переговорах, они дают взятку. Второй папирус рассказывает нам о том, как ра-

бочие неоднократно в течение одного полугодия покидают некрополь и идут жаловатьсяся жрецам и чиновникам, говоря: «Мы гибнем от голода и от жажды, у нас нет платья, масла, пищи. Напишите нашему господину фараону об этом, а нашему начальнику визирю напишите, чтобы он дал нам возможность жить». Когда однажды рабочие дошли до ворот города, к ним вышел сам визирь и сказал: «Что я могу для вас сделать, если житницы у нас пусты?» В конце концов он распорядился, чтобы рабочим было выдано по половинной порции. И это все происходило в то время, когда своим высоким чиновникам, своим воинам царь старался платить даже при пустой казне, когда храмы Амона получали свыше 200.000 четвериков хлеба в год.

8. Тяжелое положение трудящихся и отражение его в жизни и социально-политической мысли.

Реагировала ли как-нибудь на это тяжелое положение трудящихся жизнь и социально-политическая мысль Египта?

Папирус 344, хранящийся в Лейдене, позволяет вскрыть эту реакцию. В нем дается речь мудреца Ипувера, поучающего царя. Он перечисляет те бедствия, которые обрушились на Египет и перепутали сложившиеся в нем социальные отношения.

На передний план истории Нильской долины выступает городской пролетариат, так наз. нэджесы — рабочие люди, «никогда не видавшие дня», жалкие батраки, «лившие воду на землю», т. е. орошающие поля от зари до зари, и ничтожный прочий люд, все поднялись, «ходят без помехи» и «встречают всякий новый день без боязни».

Все потрясено до основания: рабы заняли место господ, неимущие захватили достояние богатых и пользуются всеми жизненными благами в то время, как прежние вельможи и родовитые князья скитаются по стране бездомные и голодные. Низвергнув знать по городам, стремятся низложить и самого царя.

Папирус рисует крупный социально-экономический переворот.

Произошло вторжение врагов: внутри страны страшная смута и гражданская война. «Страна полна восставших: человек выходит пахать, вооруженный щитом, птицеловы шествуют в боевом порядке». Государственное и частное хозяйства терпят страшный ущерб. «Нил

разливается, но никто не пашет, каждый говорит: мы знаем, что происходит в стране. Робкий прячется в кустах. На дорогах подстерегают, люди хоронятся в кустах, пока не подойдет путник, застигнутый ночью, чтобы разграбить его ношу. То, что на нем, отнимается, его избивают ударами палки и зверски убивают. А то по перек дороги протягивают тенета и в них ловят запоздалых путников, как перепелов».

«Человека убивают на крыше его дома». «Брат убивает брата, отец смотрит на своего сына, как на недруга. Не стало более кровного родства, оно заменилось родством по убеждению, родством социальным. Непримиримая классовая рознь охватила народ. Порабощенный веками, он наконец с беспощадною ясностью сознал несовместимость своих интересов с интересами людей, над ним господствовавших. Частно-экономические отношения изменились». «Люди зажиточные охвачены печалью, а неимущие ликуют». «Неимевший собственности теперь состоятельный человек, бедняки стали богачами, а владельцы собственности сделались неимущими». «Тот, кто вымаливал для себя подачки, теперь владеет чашей, переполненной до краев». «Бывший владелец одеяний ходит в лохмотьях, а тот, кто никогда не делал для себя лодки, теперь владелец судов». «Тот, кто не мог построить себе погреба, теперь хозяин палаты». — «Неимевший хлеба владеет закромами, его амбар переполнен чужим достоянием. Одним словом тот, кто раньше ничего не имел, преизбыточествует теперь во всем».

А в каком положении тот, кто раньше владел состоянием? Тому негде преклонить главы ночью, ему нет тени днем, ярким раскаленным египетским днем. И как днем, так и ночью его мучат голод и жажды. «Князья голодают, говорит Ипувер; некогда состоятельный человек проводит ночь томимый жаждой «на земле», благородные дамы ходят голодные; хорошие вещи имеются в стране, а они говорят: «ах, если бы у нас было что поесть», и это потому, что мясники сыты тем, что предназначалось для них. Далее они ходят оборванные, их членам приходится плохо, так как они в рубищах, но их бедствия не исчерпываются этим: «прежние рабы, слышим мы, стали господами рабов, и эти новые рабы не старые ли это господа». Мы находим в свитке указания на принудительные или во всяком случае подневольные работы для египетской знати, с жестокими приемами. Так, мы читаем, что князья находятся в запасном магазине, что тот, у кого не было раньше подчиненных, теперь

имеет рабов, знатный же человек исполняет теперь чужие поручения, «строители пирамид сделались земледельцами», «одевавшиеся в виссон подвергаются побоям», «благородные дамы страдают, как рабыни».

Гонениям подвергаются не только живые представители привилегированного класса, но также и мертвые. Мы читаем об осквернении могил: владельцы гробниц выброшены наружу, «находившиеся в месте бальзамированном кладутся теперь на земле, входят в гробницы и сжигают статуи, не щадят мумий и царей, тот, кто погребался как «Сокол, бог Гор», выброшен вон, то, что хранила в себе пирамида, исчезло».

Наряду с стремлением урвать то, что можно, намечалось и нечто вроде социализации частной и царской собственности. Так мы слышим от Ипувера, что царские склады сделались общим достоянием, причем перечисляется содержимое этих складов: пшеница и ячмень, гуси и рыба, беленая ткань и тонкое полотно, бронза и масло. В другом месте свитка мы читаем, как будто, о национализации хлеба: «зерно Египта сделалось общим достоянием».

Перевернутыми вверх дном и даже совершенно уничтоженными оказались старое законодательство и судопроизводство, старая система цензового обложения и вообще вся централизованная бюрократическая машина. «Законы судной палаты выброшены и люди топчут их ногами в общественных местах, неимущие их нарушают на улице. Ни одно должностное лицо не оставлено на своем месте, общественные учреждения раскрыты настежь и цензовые листы оттуда похищены». Чиновники убиты, бумаги унесены, свитки писцов уничтожены, начальники страны бегут, никому не сообщается о положении страны. Все данные относительно начала и хода нильских разливов, степени поднятия воды, виды на урожай; все данные, касающиеся государственного фиска, сообщавшиеся ранее неукоснительно, теперь исчезли, стройная централизованная система сложного земледельческого и иного хозяйства в стране рушилась и «все гибнет», отчаянно восклицает Ипувер.

Чем кончился этот взрыв, если он был, и что дал трактат жизни—неизвестно. Но из дальнейшего хода событий мы видим, что это, вскрыв только структуру и недостатки экономико-социальной жизни страны, не изменило размеренного, издавна установленного хода жизни.

Этот большой лейденский папирус представляет копию времен

XIX династии с произведения, относящегося по языку к эпохе Среднего царства. Текст труден сам по себе, сохранился в крайне печальном виде, и это делает понятным то обстоятельство, что египтологи различно толковали его и до сих пор не могут окончательно определить его значение. Ланге считает его пророчеством, где говорится о печальной действительности и ожидающем избавлении. Гардинер, напечатавший полное издание памятника, напротив, не видит в нем пророчества, так как все фразы редактированы в настоящем, а не в будущем времени, и полагает, что дело идет о вразумлениях мудреца неумелому царю, повергшему своими грехами страну в бедствие.

Как бы то ни было, ясно, что трактат в драматической форме пробует разрешить проблему о благоустройстве государства и общества, выдвинутую самою жизнью эпохи, когда установленному общественному строю угрожали и внешние враги, и внутренние классовые противоречия.

9. Причины консерватизма в жизни общества.

Египет всегда оставался неизменным. Почему?

Еще греки, подвижные, впечатлительные ко всему новому и склонные к переменам, определили египтян, как неподвижную народность. Это общее впечатление сохранилось и до наших дней. Только новые исследователи все-таки отмечают перемены в жизни Египта, но при этом указывают, что они совершались крайне медленно, что новые учреждения и новые идеи не уничтожали собою старые, а становились рядом с ними и жили мирно, бок о бок. На протяжении тысячелетий в Египте наблюдается консерватизм во всех областях жизни. Жизнь общества от начала до конца носит тот же характер, и ни в какой другой стране нельзя наблюдать столько пережитков, старательно и любовно сохраняемых, как в Египте.

Причину этого консерватизма прежние исследователи были склонны искать «в духе народа», но очевидно, что и самый « дух народа» тоже нужно объяснить. Объяснение этому можно найти в особенном характере экономического строя Египта. Это страна тучных нив и сельского хозяйства, высокой, но упрощенной техники.

Городская жизнь и торговля, несмотря на близость двух морей, развивалась в Египте слабо, и вся иностранная торговля Египта оказалась в руках иностранцев, сначала финикиян, а потом греков. Торговля в древнем Египте никогда не имела большого значения. Городской класс в нем играл небольшую роль и мало оказывал влияния на управление. Наиболее влиятельными классами у египтян были жрецы, владевшие огромными поместьями при храмах, и светские землевладельцы. Египет всегда оставался страной земледелия и землевладения. С какой бы эпохой исторического существования Египта мы ни стали бы знакомиться, везде мы находим сходство финансового порядка и законодательства. В течение всех времен государственные средства Египта заключались в натуральных сборах. Это было и в эпоху Древнего царства, когда в казначейства стекались сборы с населения исключительно продуктами земли. Это было и в Среднее царство, даже тогда, когда усилился обмен и появился металл и были заведены «золотой и серебряный дом», и в это время все-таки главным продуктом, собиравшимся в казначейство, был хлеб. И в Новое царство, когда обмен внешний и внутренний увеличиваются, все-таки по прежнему главную роль играют сборы по преимуществу натурой. Они даже остаются таковыми и по завоевании Египта персами. Все зависит от сборов, а сборы зависят от разлива Нила, и финансовое законодательство всегда должно было сообразоваться с высотою разлива Нила. Это было даже в эпоху арабского владычества. Разливы Нила обусловливаются ирригационными сооружениями, поэтому работы по ирригации Нила не прекращаются ни в одну эпоху. Эту работу ведут первые поселенцы, она остается у сложившегося Древнего царства, ее продолжает Среднее царство, создавая при помощи больших сооружений, шлюзов новую водную культурную область Оаза Фаюма, которая регулирует нильские наводнения, при помощи громадных водохранилищ и рукава в 300 верст. Со временем фараонов и вплоть до захвата страны англичанами способ вспахивания земли не изменился вовсе. Когда в 1890 году англичане приступили к производству переписи населения в долине Нила, имея в виду установление налогов в соответствии с поверхностью обрабатываемой земли, то при этом им было выяснено, что правила распашки земли, применяемые современными египетскими землевладельцами, остались совершенно такими же самыми, какими они были у древних египтян за 4000 лет тому назад.

Таким образом очень рано достигший высокой ступени техники и сельско-хозяйственной культуры Египет, прокармливавший свое население с избытком при своей технике, остановился. В нем образовался сельско-хозяйственный застой, который обусловил застой во всех частях жизни общества на протяжении тысячелетий.

10. Древний Египет и современность.

Стоит ли изучать такую застенную страну, как Египет, да еще удаленную от нас и от нашего времени невероятно далеко? Некоторые думают, что нет. Но почему различные государства командируют ученых для изучения состояния сельского хозяйства в Египет, «к патриархам земледелия»? Почему эти ученые разных наций, изучая современное хозяйство, уходят в изучение прошлого в самую далекую древность? Оттого что, изучая древность, они изучают старый труд и громадный опыт и часто делают открытия для современности. Для чего англичане затрачивают большие суммы на изучение ирригационных сооружений древнего Египта? Для того, чтобы разгадать устройство древней гидравлики, заключающей ценный опыт, постижение которого они надеются использовать для нужд настоящего. Огромные пространства лежат втуне, засыпаемые песком пустыни или затопляемые болотами. Но благодаря исследованиям древней культуры, которые показывают, что раньше эти места были плодородными и могут стать ими и теперь, если завести в них правильное хозяйство, на основании этих изысканий ученых предприниматели вкладывают свои миллионы, чтобы привести в годность земли, ставшие бесплодными.

Но признавая, что ученые могут интересоваться старыми вещами, потому что в этом их специальность, некоторые думают, что всем этого положительно не надо. Не надо для тех, кто не ищет сознательного отношения к окружающему, и необходимо для тех, кто считает нужным осознать современность и себя в ней. Дело в том, что окружающая нас современность — продукт очень сложной предшествующей жизни. В нашей материальной и духовной культуре мы зависим от этого прошлого во многом. Исследования ученых показали, что народы, которые стоят от нас так далеко по времени и которых представляли весьма отличными от

нас и по культуре, передали нам свое образование через посредство ряда поколений и народов. Тесное родство Востока и Запада и связь между прошлым и настоящим являются не плодом воображения, но важной исторической истиной. В частности у нас связь с Египтом была в глубокой древности, и не только в европейской России, но и в Сибири. Это подтверждают изображения крокодила, найденные в Восточной России, и бронзовая статуэтка Озириса из Томской губернии. Та и другая находки относятся к эпохе бронзы.

Одни подробности ежедневной жизни могут, если мы спросим их о происхождении, показать эту связь древнего Востока с современностью.

Действительно, какую бы сторону нашей жизни мы ни взяли, исследование ее истории приводит нас во многих случаях, в конце концов, в Египет.

Египет — отец той формы европейской государственности, которая называется царизмом. Идея величества, представление не только о божественности происхождения, но и о божественном характере царской власти оказали сильное влияние через Птоломеев на Рим и Византию, а оттуда и далее. Египет — родина архитектурных форм дорической колонны и базиликальной формы церквей. К его иллюстрированным папирусам приходится восходить, чтобы объяснить происхождение наших книг с рисунками, и в нем следует искать исходный пункт распространения многих сюжетов и мотивов наших сказок.

В школе мы проходим законы движения солнца, запоминаем, когда самый короткий и самый длинный день, в какой день приходится равноденствие. В жизни мы постоянно пользуемся для справок календарем, но едва ли многим приходит в голову, что все это идет из Египта. Еще Геродот указывал, что египтяне раньше всех составили календарь; они, кроме ежедневного восхода и заката, заметили, что солнце делает еще особое круговое движение по небу от одного наводнения до другого, причем оно переходит из одного созвездия в другое, и вечером, после заката, над горизонтом поднимаются в разное время года разные звезды. Египтяне определили годовой круг хода солнца в 365 дней, от них и у нас год считается в 365 дней. Из Египта пришла к нам и химия. Установлено, вне всякого сомнения, что это слово — еги-

петского происхождения, и что оно служило древним египтянам для обозначения науки, достигавшей у них высокого развития.

Художники всех времен искали в египетском искусстве вдохновения и нередко его находили. С берегов Нила всюду распространялись формы растительного орнамента, из лотоса, папируса и южной лилии—мы находим его и в Крите, и в классической Греции, и в Ассирии. Некоторые из созданий египтян, каковы, напр. пирамиды, обелиски, сфинксы, гирлянды цветов и бутонов лотоса, удержались неизмененными в языке форм современного нам искусства. Крылатый солнечный диск дал ассириям изображение бога Ассира, персам—Агурамазды. Бесы победоносно прошли по всему миру и в своем настоящем виде (напр., группа восьми бесов на вратах Джельбаси в Ликии и фигура беса на монетах одного из Питиузских островов, до сих пор носящего имя этого божка, Ивиса,—острова Висы), так и в переработанном виде, в форме медуз, силузнов и т. п. Скарабеи распространены по всему бассейну Средиземного моря, и в Карфагене, и в Этрурии, и в Греции, где долго были обычной формой печати, и на нашем юге, где даже оставили след в языке—«Жуковику». «Жуковику» у нас назывались перстни—печати еще в московское время. Дорическая колонна восходит к Египту, равно как и металлические блюда с изображениями, расположенным концентрическими поясами. В производстве стекла, в изделиях из фаянса египтяне были учителями других народов. И в научной области мы встречаемся с подобными же явлениями. Египетские математические приемы и медицинские рецепты мы находим и у арабов, и в Европе до XVII века, и у нас. До нас дошли медицинские и математические папирусы, частью писанные в эпоху Среднего Царства, напр., найденные в городе Каухуне—пирамиды Сенусерта, у входа в Файюм (Московский Математический Папирус), частью в более позднее время, но несомненно восходящие к этой же эпохе. Среди довольно примитивных математических вычислений нельзя не отметить довольно значительной точности в определении окружности, в вычислении площади прямоугольных треугольников, участков поля, в определении объема усеченной пирамиды. Эта задача была уже известна египетским математикам и решалась по той же формуле, что и теперь.

И сколько раз до наших дней и религиозная мысль, и художественные запросы европейского человечества обращались и обращаются к культуре этого народа, который не изжил себя и тогда,

когда оставил своих древних богов и свою древнюю письменность. При новых условиях он создал свою новую христианскую своеобразную культуру. Для создания гностических систем Египет дал богатый материал.

Из древнего Египта пришло монашество и иконы. Оттуда употребляющееся у нас обозначение монастыря «скит». Это измененное название пользовавшегося широко известностью коптского монастыря Шихет, где развивалась литературная деятельность и образовался цикл легенд и характерный для Древнего Египта интерес к загробному существованию и смерти. Это собственное имя, превратившееся в скит, сделалось у нас нарицательным для обозначения монастыря. Монашеские сказания и многие акты мучеников — настоящие духовные романы, напоминающие египетские папирусы. Древние египетские амулеты, изображающие Гора — младенца и Беса, попирающего ногами гадов, перешли в гностический и христианский Египет. Изображения святых на конях — типы Георгия Победоносца и Федора-Стретилата ведут свое происхождение от Гора, который изображался поражающим злую силу в виде всадника с головою кобчика, с лицом, обращенным к зрителям. Такие изображения нередко встречаются на тканях, изготовленных на фабриках Александрии и Антинои. Эти ткани с рисунками от II до XII века, в которых скрещивались персидские и санадские мотивы, заходили всюду до Западной Европы и проникали и на наш юг. Древнеегипетские изображения фараонов, поражающих врагов и хватающих их за волосы, нашли себе прием и в христианской иконографии, и до сих пор эти изображения находятся перед нами в виде святого Никиты, поражающего злую силу. Египетское наследие сказывается на наших иконах и в расположении фигур этажами и рядами, и в склонности к надписыванию, и в формах деревьев и лодок, и в древнеегипетских условностях, когда головы и ноги обращены в профиль, а туловище повернуто прямо.

Росписи стен, выродившиеся в наши обои, флаги, выкидываемые на мачтах в праздник, весы на изображениях Страшного Суда, представления апокрифического характера о загробных чудовищах и вратах, различные средства народной медицины и многое иное, разнообразное и иногда неуловимое, может быть объяснено только, как наследие египетской культуры, накоплявшей и развивавшей свое духовное достояние в течение тысячелетий.

Вавилония.

11. Условия хозяйственной жизни в Месопотамии.

Великой африканской реке Нилу вполне соответствуют азиатские близнецы — Тигр и Евфрат, и поэтому естественно, что на их берегах могла возникнуть жизнь общества во многих отношениях сходная с египетской. Как там, так и здесь земледельцы старались использовать непосредственно воду рек для орошения своих полей. Так же, как в поймах Нила, некоторые части низменных местностей, по которым протекают Тигр и Ефрат, должны были долгое время оставаться недоступными для таких переселенцев: это были те наносные земли, которые оказались впоследствии наиболее плодородными, — земли, где вода долгое время образовывала болотца и озера, заросшие тростником и окруженные плохой растительностью. Так же, как в долине Нила, и здесь ко всем неудобствам почвенных условий присоединились лихорадки, преграждавшие доступ к этим отчасти затопленным областям, сделавшимся позднее поразительно плодородною Халдеей. И здесь необходим был длинный ряд веков для того, чтобы трудные работы по завоеванию человеком почвы были завершены. И здесь мы видим уже на самом рассвете истории, что местности эти были превращены трудами человека в роскошные сады. В одной из самых древних известных нам надписей, относящейся ко времени отдаленному от нас почти на 60 веков, Вавилония носит название Кенги, — страна каналов и камышевых зарослей.

Но в то же время эволюция жизни общества в Месопотамии представляет ряд резких контрастов, происходящих из различия в условиях местной географической среды.

Прежде всего в пределах Месопотамии замечается гораздо большее разнообразие природы. Равнина Тигра и Евфрата делится на две резко отличающиеся части: одна из них была полна жизни, это Месопотамия в узком смысле этого слова; другую можно считать совершенно мертвой, она покрыта полями лавы, голыми

скалами, песчаными пустынями, с тощей травой и редко рассеянными кустарниками. Над этой равниной поднимаются с разных сторон зубчатые цепи гор, через которые ведут широкие проходы, позволяющие жителям равнины сноситься с соседними странами. Эти проходы — пути нападений и торговли.

Для торговли здесь условия неизмеримо благоприятнее, чем в Египте. Через всю равнину Месопотамии направляется к Персидскому заливу река Евфрат — большой торговый путь между Индийским и Средиземным морями; с древнейших времен именно по этому пути должен был происходить обмен золота, жемчуга, драгоценных камней, хлопчатобумажных материй и шелка на товары Запада. Персидский залив, который является как бы продолжением Тигра и Евфрата, открывается в Индийский океан, подобно обширному внутреннему рейду гавани, — он подготовляет переход к плаванию по открытому морю. Даже халдейцы еще давали заливу название реки, это было основным преимуществом, послужившим к развитию вавилонской цивилизации. Почти замкнутое море обладало в архипелагах своих островов и по побережьям прекрасными якорными стоянками, благодаря которым люди, занимавшиеся судоходством по реке, могли постепенно расширить свою деятельность и спуститься в море, а настоящие моряки здесь как бы в преддверии океана подготовлялись к плаванию по последнему. Итак, благодаря присутствию моря, благодаря рекам, которые в него вливаются, открывалась возможность значительной торговли. Названия стран, вырезанные на цоколе статуй в Ширпурле, свидетельствуют о том, насколько обширна была область, из которой суда привозили всевозможные товары, металлы, драгоценные породы деревьев и камни, служившие для постройки и для украшения города. Один из ассирийских текстов, древность которого определяется в 28—29 веков, сообщает нам, что купцы ниневийского царя ловили жемчуг в море, где дуют муссоны, и добывали желтый янтарь в морях, где полярная звезда находится над головою.

Согласно вавилонской легенде, великое божество бог-рыба Эа или Оанес не ограничивается тем, что спасает людей, ведя их корабли по узкому руслу обеих рек: он заставляет их пускаться в морскую даль, отправляясь за розысканием различных необходимых припасов, обменивать произведения собственной страны на чужие товары. Таким образом, легенда приписывает богу-рыбе то, что свершилось великого в этой стране, и подчеркивает значение судоходства и торговли в истории экономических и социальных отношений Вавилонского мира.

В виду того, что писаная история не сообщает никаких данных о морском судоходстве Халдеи, ученые предполагали, что до финикиян никто из обитателей Востока не решался пуститься в открытое море. Многие указания, однако, позволили позднее утверждать, что и вавилоняне также решались бороться с морскими волнами. Постройке судов, этой новой победе человеческой техники, вызванной, быть может, наблюдением над формой тела рыбы, благоприятствовали в Месопотамии самые различные естественные условия: так, нефть, напр., выходящая из земли в виде многочисленных источников по берегам Тигра, доставляла в изобилии необходимую для постройки судов минеральную смолу.

Это судоходство сыграло немаловажную творческую роль в летописях знания. Мореходам Вавилонии неизбежно приходилось сталкиваться с потребностью нахождения на небесном своде какой-либо неподвижной опорной точки для направления своих судов, и именно благодаря этому и был открыт ими небесный полюс; ими же производились наблюдения над кажущимся вращением звездного свода и различных созвездий, расстояние между которыми всегда остаются неизменными; ими же были найдены планеты или звезды, обладающие собственным движением. Одним словом, вавилоняне сделались астрономами вследствие того, что они были моряками, и благодаря тому же стали впоследствии их учениками финикияне.

На обоих великих естественных путях Тигра и Евфрата некоторые пункты были намечены самой природой как местности, которые должны были получить особое историческое значение: таковы были берега Тигра вблизи впадения в него реки Большой Заб, где располагался город Ниневия. Такова же была область обеих рек близнецов той местности, где они сближаются между собою и где сходятся обе жизненные артерии, и оросительные каналы сплетаются в колоссальный лабиринт. Там находился древний Вавилон.

Между этими двумя центрами Ниневией и Вавилоном велась постоянная борьба: в начале борьбы большая сила была на стороне Вавилона, но даже позднее, находясь под властью Ассирии, Вавилония никогда не переставала иметь свою собственную историю и свое развитие. Поэтому если мы желаем познакомиться с жизнью общества Месопотамии, то мы должны остановиться на Вавилонии, которую даже Ассирия признавала средоточием древней культуры.

12. Система оросительных каналов и усовершенствование земледелия.

С самой глубокой древности население на берегах Евфрата появляется перед нами земледельческим и уже осевшим в городах. Переход от крестьянской жизни к оседлой жизни укрепленных городов не так труден и должен был очень скоро произойти в стране, со всех сторон подвергающейся нападениям соседних народов. Древнее средоточие культуры, каковы Лагаш-Ширпурла, Ур, Урук, Ларсам, все города с прошлым, заходящим в незапамятную древность. Когда начинается наше знание, мы видим, что в их поземельном хозяйстве господствует порядок всего лучше передаваемый словом клерикально-феодальный, повелитель земли — божество. Оно дарует ее купеческому сословию и царю; является храмовая и государственная поземельная собственность. Царь имеет в своем распоряжении свободные земли, которые отдает в лен своим вассалам. Власть царя не простирается на область, принадлежащую божеству, власть эта принадлежит городу, где живет божество. Обрабатывается почва крестьянами, которые из полученных доходов платят оброк владельцу — храму, царю, благородному горожанину. Эта организация, постоянно переходящая от одной народности к другой, никогда не благоприятствовала процветанию крестьянского сословия. Крестьянин большей частью бывает лично свободен, настолько свободен, сколько может быть таким человеком, который из приобретенного в поте лица урожая сохраняет для себя не больше, чем необходимо для удовлетворения ничтожных потребностей жителя Востока. Зато война с ее пленниками доставляет необходимое количество несвободных рабочих. Из этих рабочих впоследствии возникает многочисленное сословие вольно-отпущенников. Обработка земли является в виде мелкоземельного хозяйства, которым занимаются крестьяне для владельца, при простых средствах, какие имелись в мелком хозяйстве, но при железном трудолюбии и умении до последней степени эксплуатировать каждый клочок земли, как этого требует подобная система. Это было скорее садоводство, чем хлебопашество.

Во главе названных центров стоят владетели: они титулуют себя большей частью патэси, реже лугаль, последнее значит вели-

кий человек и соответствует семитическому шарру — царь, оно прилагается к самостоятельному государю. Царей окружают многочисленный двор и широко развившийся класс чиновников, не говоря уже о могущественных жрецах.

Обильный материал, доставленный нам древними Лагашем и Ниппуром, дает возможность выяснить в общих чертах экономическое состояние страны. Население Ширпурлы и Лагаша определяется в 36 тысяч человек. Главная часть его была сельским; скотоводство и земледелие — главные его занятия, наиболее полно отразились на огромном количестве архивных документов. Центральное положение сельского хозяйства в жизни выступает яснее всего на годе: почти все названия месяцев находятся в связи с хозяйством: напр., «месяц, когда заняты жатвой» (4), «месяц праздника Нины, когда едят хлеб» (6), «месяц, когда быки работают» (7), «месяц шерсти» (9). Новый год — день брака Нингирсу и Бау — кажется, также стоял в связи с начатием полевых работ весною, в пятом месяце торжественно праздновали конец жатвы и сборов плодов, принося богам начатки.

Вся область была покрыта фермами и поместьями, размеры которых колебались между 9 и 45 десятинами: ничтожные наделы указывают на интенсивность хозяйства, доходность земли, дававшей до сампятьдесят два, а также на развитие садоводства и огородничества. Что сельское хозяйство преобладало, на это указывает и то обстоятельство, что продуктами земледелия, особенно зерновым хлебом, платилось и жалованье и делались взносы и даже взималась плата с побежденных соседей.

Патэси, стоявшие во главе городов, были уверены, что города были основаны теми богами, которых в каждом городе почитали; поэтому богу-покровителю города считались принадлежащими земля, и город, в ней находящийся. Патэси считали себя в родстве с такими богами-покровителями. Патэси Эаннатум утверждал, что его вскормила молоком своим богиня Нинхорсак, а Энтемена говорил, что он получил жизнь от бога Энлиля. Каждый патэси, вступая на престол, распределял землю, как хотел, отводил часть ее богу, т. е. в пользование храмов и жрецов, отводил часть ее своей главной жене, затем давал участки другим приближенным. Сам патэси мало входил в управление своей областью: на то у него были многочисленные служилые люди, которым он и передавал многочисленные заботы об управлении — суде, о сборе податей и о награжде-

нии служащих и рабочих. Жрецы, царские жены и царские приближенные, получив землю, уже сами распоряжались ею, как хотели; патэси требовал от них только верной службы и приношений, состоявших из продуктов разного рода зерна, плодов, винограда, вина, масла или шерсти. Всю остальную землю патэси оставлял себе и поручал управление ею главному доверенному лицу, называемому нубанда. Это был первый сановник во дворце патэси, он занимал при дворе патэси такое же место, как дворецкий боярин у наших князей Ростовско-Сузdalской Руси. Как тот заведывал всеми служилыми людьми и всем хозяйством князя, так и нубанда патэси. В награду за все заботы и хлопоты патэси давал большие поля нубанде и делал щедрые подарки.

Поля Патэси правильно разделены на ровные полосы земли: по межам между ними сделаны узкие дорожки, по которым может проехать только один человек верхом, а по краям полей сделаны небольшие канавки, откосы которых обложены деревянными досками. По межам, не спеша, лениво ездят верхом на ослах люди, они наполняют из главных каналов кожаные мехи, привязанные к ослам, развозят эту воду по полям и наполняют ею деревянные канавки. Канавки эти назывались «ручьями орошения», работники — «мастерами земледелия». Поля между межами разделяются на «поля обработки» и «поля орошения».

«Поля обработки» — это пашни и огороды; на одних все хорошо, другие, которые очень низко расположены, когда начнут лить зимние дожди, совсем затопляются водой, а после разлива рек очень долго не высыхают; хлеб мокнет, не вызревает, а во дворце требуют, чтобы урожай был сам-сорок, сам-пятьдесят, а здесь получается еле-еле сам-двадцать, сам-тридцать. В виду того, что рядом с этими полями стоит почти никогда не пересыхающее болото, приходится рыть здесь новый канал и сооружать небольшую плотину. Приходится начальнику водяных и земляных работ дать еще поле, кроме того, которым он сейчас пользуется. Пожалуй не хватит и тех землекопов, которые постоянно работают на каналах, очищая их от ила и оправляя их откосы. Когда канал будет проложен, то затопляемые теперь поля и болота превратятся в полезную землю; из нее выйдет два, а то и три рабочих участка, на которые можно будет посадить новых «мастеров земледелия».

За полями обработки тянутся «поля орошения»: это луга, расположенные в таких местах, где слишком долго стоит полая вода

и где поэтому совсем уже невозможно земледелие. На полях орошения пасутся под наблюдением пастухов и многочисленные стада патэси: его волы, быки, коровы и козы. Скота много и он очень важен для хозяйства, особенно важны волы, они самые усердные, главные работники: они тащат соху, которою «мастера земледелия» распахивают землю. Когда пахота кончилась и «мастера земледелия» рассыпят семена по полям, волов и быков гонят на поля и заставляют их копытами втаптывать семена в землю, чтобы не поклевали их прожорливые птицы. Пока зреет хлеб, пока идет сенокос и жатва, волам отдых; но когда начинается молотьба, их опять гонят на работу, гонят бичом по снопам, разложенным на гумне, и они своими копытами выбивают из колосьев зерна.

Тут же сады и огороды, принадлежащие патэси; в садах растут финиковые пальмы, драгоценные деревья, которыми можно пользоваться на 360 ладов, стоят рядами маслины, зреют виноградные гроздья; на огородах тянет ароматом пахучего лука, любимойправой кушаньев, подающихся за столом патэси, и виднеются из самой земли под огромными листьями огурцы, достигающие иной раз четверти аршина в длину. Здесь же живут в легких хижинках из тростника огородники и садовники.

Однако, сельские занятия не были единственными: процветало всякого рода ремесло. Многочисленные дворцовые ремесленники живут в слободе. Слобода эта расположилась у самых стен города, ремесленники постоянно требуются во дворец для разных работ; из дворца они получают и корм за свою работу, выдаваемый им продуктами из дома запасов патэси. Не только горшечники, кожевники, кузнецы, литейщики, портные живут тут в слободе и работают на патэси, тут есть и парфюмеры, готовящие на масле, выжимаемом из плодов маслины, различные мази и духи, из садов садовники присыпают им алоэ, мирту и другие душистые цветы для приготовления душистых снадобьев. Тут же живут ювелиры, изготавлиющие для патэси и его жен золотые и серебряные украшения, перстни для пальцев, браслеты на руки и ноги, ожерелья и запястья. Из драгоценных камней вырезывают они печати, которые царь и его приближенные прикладывают к своим грамотам, счетам и реестрам, делают они и амулеты, над которыми жрецы произносят заговор, чтоб сообщить им волшебную силу. Тут, наконец, живут каменьщики, плотники и резчики по дереву, без которых не может обойтись патэси. Все эти ремесленники должны работать только на патэси;

для храма есть другие ремесленники, принадлежащие богу; они и живут в другой слободе около храмов. Некоторые из рабочих людей — рабы, купленные или захваченные в плен на войне; небольшая часть — крепостные люди, нуждающиеся в помощи патэси по своей бедности и потому принужденные вечно работать на него. У иного из них нет даже своего бича или хомута, и сохи, и упряжь и носилки — все дает им патэси, а ремесленникам и их инструмент. Работают они на полях патэси его орудиями, при помощи его скота, сеют его семена, обрабатывают его шерсть, кожу и камень; всех их, — и «мастеров земледелия», и пастухов, и ремесленников — приходится кормить, выдавать им содержание из дома запасов патэси. В этот дом запасов свозят все, что собирается с полей, садов и огородов патэси; сюда же несут свои приношения и те земледельцы, у которых есть свои участки земли и средства для их обработки — они живут под властью патэси, пытаются с земли его бога и должны ему за это платить оброк, а если станут платить неисправно, то патэси сейчас же может отнять у них и сады и поля и превратить их в своих мастеров земледелия. Страдная пора наступала для нубанды в конце лета, когда в дома запасов и в дома плодов начинали поступать собранные с полей и садов продукты, когда начинали приносить свой оброк подданные крестьяне, работающие самостоятельно, когда присыпали дань подвластные патэси князья и вельможи, и нубанде и писцам тогда было по горло работы. Приходят писцы с свежими глиняными таблетками, еще сырьими, с палочками, остро отточенными, и садятся на корточки, ожидая приказаний нубанды. Нужно записать весь приход и сообразно с его размерами составить новое распределение запасов между всеми многочисленными жителями храма и дворца, работниками и работницами. Нубанда диктует им, а они быстрыми, ловкими движениями палочек выводят на таблетках клинообразными знаками новые счета и реестры: монотонно и однообразно звучит то, что они записывают: 120 ка (мелкая мера емкости) Ушкуду, 60 ка Энту и т. д., и долго в том же роде продолжается скучное перечисление, столбец исписывается за столбцом, одна за другой исписываются обе стороны таблетки, пока, наконец, не приходит реестр к концу. Тогда нубанда берет свою печать в виде цилиндра из драгоценного камня, с отверстием внутри его, вставляет в отверстие палочку и прокатывает цилиндр под последней строчкой таблетки. На таблетке отпечатывается надпись, вырезанная на цилиндре:

«Энигаль, нубанда, из запаса распределили», а писец прибавляет дату, год 1-й патэси такого-то... такой-то месяц и день. Так составляются заново реестры работников различных разрядов, а старые реестры бережно собираются и складываются в особую комнату дворца, где лежит уже много таких старых таблеток, хранится целый их архив. С новых таблеток снимаются копии и раздаются надсмотрщикам различных разрядов рабочих, которые в назначенные дни приходят к дому запасов, чтобы получить полагающееся для их артелей содержание.

Так ведет хозяйство нубанда патэси. У главной жены патэси свой нубанда, заведующий ее полями и людьми. В женской половине дворца вместе с главной женой патэси живут его другие жены и их служанки, «рабыни гарема». Среди «рабынь гарема» много разрядов. Тут есть и ткачики, умеющие изготавливать материи для одежды, кормилицы, кормящие многочисленное потомство патэси, рабыни, принимающие участие в религиозных жертвоприношениях и церемониях. У каждого бога или богини был также свой нубанда, заведывавший хозяйством храмовых земель. Его обязанности были не менее сложны, чем обязанности нубанды, служившего патэси. Распределять же запасы ему было много труднее, чем патэси какого-либо отдельного лица. Ему приходилось распределять запасы не только между работниками и работницами, но также между жрецами и богами. Богу шло ежедневно в жертву определенное количество плодов, зерна, масла, вина и воды; кроме того, из стад приносились богу кровавые жертвы. Этим жертвам велись точные реестры, причем различались реестры для обычновенных дней, когда жертв было меньше, и для праздничных дней, когда и число жертв удваивалось и утраивалось. Затем, отделив часть богу, нубанда должен был отделить часть для жрецов. Жрецов в каждом храме было не мало: верховным жрецом всех храмов считался патэси и поэтому прежде всего часть доходов храма отделялась ему. Потом распределялись доли жрецов, сообразно их рангу и должности. Многое нужно было тут умения, памяти и такта, чтобы соблюсти все обычай, никого не обидеть и никому не дать лишнего...

13. Расширение сферы хозяйства и торгового обмена, социальное расслоение и политическое объединение.

Первоначально страна не жила общую жизнью. Правда, всегда был какой-нибудь владыка, называвший себя царем и требовавший подчинения себе со стороны других князей в расчете на доходы и всякую помощь от подчиненных. Правда, все жители с одинаковым почтением и благоговением относились к святому Ниппуру и к живущему там великому богу Энлилю — Бэлу. Но эти связи были очень слабые. Царь требовал себе подчинения только от патэси, не заботясь о том, что думают и как относятся к ним подданные многочисленных патэси; жители области Ширпурлы и других городов не интересовались тем, что делается в соседних областях и знали только своего князя.

Жизненной связи не могло быть потому, что не было общих нужд и интересов, которые связывали бы неразрывными узами отдельные области. Население тогда не было еще настолько многочисленно, чтобы нуждаться в привозных продуктах. Каждая область довольствовалась своими, в избытке удовлетворяя свои потребности произведениями своей земли. Если оказывался неурожай, горюю легко помогали запасы, остававшиеся без движения в кладовых от урожайных лет. Прибавлялись лишние рты — горюю помогали тем, что рыли новые каналы, чтобы провести воду в безводные места, или чтобы осушить болота. Каждый царь и патэси в своих надписях упоминает, что он рыл каналы, отвоевывал пашни у пустыни и болота. Торговля существовала, но не имела жизненного значения для страны. Торговых агентов, так называемых дамкаров, держали при себе только патэси и цари, и поэтому эти дамкары доставали только такие товары, какие заказывали им их господа. Господа нуждались в рабах для личных услуг, в драгоценных металлах для украшений своих жен и для отделки храмов, статуй богов и принадлежностей богослужения. Изредка покупались другие товары, быки или молочные коровы, или совершались сделки на продажу домов. Торговля была так мало развита, что продавца и покупателя называли не одним словом, как называем мы, а целой фразой. Продавца называли «пожирателем платы и серебра»; покупатель назывался «тот, кто платит». И на-

звание продавца «пожирателем платы» имело полное основание, могло пониматься буквально. Тогда не было еще денег, без которых нельзя обойтись, когда торговый обмен становится привычным делом, ежедневной потребностью. За купленную вещь платили зерном, или вином, или хлебами, а иногда серебром; бывали и такие случаи, когда плата была смешанная: напр., за одну рабыню с ребенком была заплачена цена, состоявшая из 20 секелей серебра, 1 меры зерна, 1 кувшина вина, 20 хлебов и еще 20 предметов, название которых непонятно. Такую плату покупателю приходилось тщательно отмеривать и отвешивать, а продавцу увозить ее с собой на выночном животном, и с полным основанием можно было назвать продавца, везущего хлеб, вино и зерно, полученные в уплату за товар, «пожирателем платы» — с такой платой больше нечего было сделать, как только ее съесть. Когда дело шло о продаже какого-нибудь дорогого предмета, то дело обставлялось очень торжественно, и «пожиратель платы», и «тот, кто платит» приносили клятвы в присутствии свидетелей, которые приглашались из родственников продавца и покупателя, или из людей, понимающих толк в том предмете, который продавался. Договор о продаже записывался на глиняной дощечке, а продавец, покупатель и свидетели прикладывали к нему свои печати. Продавец и свидетели получали иной раз еще подарки. Одному давали платье, другому масло, третьему вино; давали в подарок хлеб, рыбу, даже лен. Такая торговая церемония тянулась очень долго и была целым событием в однообразной жизни обитателей страны. Когда же кому-либо царю или патэси требовалось большие количества иностранных продуктов для больших сооружений, напр., дерево или камень, или большие количества золота и серебра, то такой царь по-просту затевал поход на ту землю, которая славилась обилием нужных царю продуктов, и если побеждал, то брал столько, сколько ему было нужно в виде военной добычи, или облагал победенных данью. Таким образом весь обмен шел почти исключительно с другими странами: обмен между отдельными областями внутри страны долгое время почти не существовал.

Одно за другим поколения сменяли друг друга, и благодаря мирной, в общем, жизни, каждое новое поколение было гораздо многочисленнее прежнего. Новые поля распахивались, болота осушались; но с течением времени население увеличилось настолько, что жителям каждой области уже трудно было обходиться только сво-

ими продуктами без подвоза со стороны. Особенно на юге стала ощущаться нужда. Почва там низменная и болотистая. Тигр и Евфрат, подходя к морю, текли в песчаных наносных берегах, всегда влажных, всегда во время дождей легко превращающихся в то же море, дном которого они когда-то были. В старины, когда народу в прибрежной стране было еще немногого, можно было оставлять в добычу морю большие пространства прибрежной земли; но по мере того, как население все увеличивалось, становилось все труднее и труднее бороться с морем и с болотами. Работы, предпринимавшиеся для осушения полей, были всего труднее на юге: нигде не приходилось рыть столько каналов, сколько там, и нигде так часто разбушевавшиеся водные стихии не уничтожали всех трудов человека, как там. Когда, несмотря на все проведенные каналы и искусственные озера, воды разлива реки или морские волны затопляли поля, превращая их в сплошное море, засасывая ложе каналов тиной и грязью, размывая их откосы, житель страны с отчаянием в душе чувствовал, что ничего он не может поделать с разбушевавшейся богиней Тиамат. И начинались голодовки, которые были неведомы ранее. Севернее было легче. Там приходилось иметь дело только с разливами Тигра и Евфрата, и почва была уже более окрепшая, чем на юге. Поэтому в северных областях не только не терпели недостатка в хлебе, но могли даже посыпать его на юг. Постепенно там осушили и распахали или обратили в финиковые сады все земли, какие только было возможно. Собирали два урожая в год, и зерносыпалось в закрома в таком огромном количестве, что хватало на прокормление всей страны. Зерно грузили на суда, насыпав его в мешки и корзины с глиняными печатями, на которых оттискивалось имя отправителя и адрес получателя, и груз отправлялся в Ширпурлу или в Ур. Так начался торговый обмен припасами жизненной необходимости внутри страны. С тех пор, как юг стал получать недостающий ему хлеб с севера, жители юга перестали заботиться об увеличении пахотных полей. Им стало выгоднее разводить скот. На заболоченных пространствах были хорошие пастбища, которые не требовали такой тщательной осушки, как пахотные поля, на севере же заболоченных пространств было меньше. И на юге стали разводить большие стада быков, овец и коров, чтобы сбывать скот на север, где своего скота уже не хватало для потребностей населения. С севера приезжали люди, которые покупали на юге быков, овец и коз це-

лыми стадами и гнали их на север. Кроме скота, жители юга могли предложить северянам золото, так как они постоянно поддерживали сношения с Маганом и Молухой, где добывался этот драгоценный металл.

В обмене участвуют две стороны: продавец и покупатель. Покупатель, в обмен на получаемый товар, должен уплатить его стоимость другим товаром. Когда торговля широко развита, таким товаром, на который обмениваются все прочие товары, являются золото и серебро. Эти металлы драгоценны в силу своей прочности, неизменяемости и красоты; им, при этом, можно придать любую форму. Обыкновенно из золота и серебра делают для обмена деньги, т. е. куски золота и серебра определенного веса и формы, так что такой кусок драгоценного металла имеет всегда одну и ту же цену. Наши деньги имеют форму монет, т. е. серебряных или золотых кружков определенного веса и стоимости. В Вавилонии, со времен появления и развития торговли, также появляются деньги. Во всех договорах о продаже цена выставляется в серебре: столько то секелей или мин серебра; иногда, впрочем, кроме обозначения цены в серебре, прибавляется обозначение цен в зерне (одна мина серебра—60 гур зерна). Сначала при торговых сделках серебро отвешивали на весах, как всякий другой товар: отвешивали мину, или $\frac{1}{2}$ мины, или $\frac{1}{60}$ мины ($\frac{1}{60}$ мины называлась секель). Старинная легкая мина, употреблявшаяся в Ширпурле, весила 492 грамма, т. е. около 1 фунта 19 золотников; мина серебра по этому расчету стояла 27 рубл. 32 коп. на довоенные деньги. В качестве наших гирь употреблялись яйцеобразные камни с надписью, которая делалась особым чиновником, проверявшим весы: без надписи такого чиновника весы считались неправильными. Впоследствии, когда торговые сношения сделались настолько оживленными, что отвешивать серебро каждый раз при продаже стало уже стеснительно, начали изготавливать куски серебра установленного веса, с печатью царей. Такие куски серебра заменяли собою наши монеты; в случае, если продавец не доверял покупателю, такие куски легко было взвесить и проверить их вес. Отвешивание денег при расплате было таким обыкновенным явлением, что глагол «отвешивать» постепенно получил значение «платить». Денег появилось в обороте очень много: богатые люди, в особенности жрецы храма Ниппера, охотно давали деньги взаймы под проценты. Много долговых обязательств, векселей было найдено из этой эпохи в развалинах Ниппера и других храмов.

Развитие торговли сильно изменило жизнь страны. Небольшие слободы, существовавшие и ранее около городов царей и патэси, теперь разрастаются и делаются большими многолюдными поселениями. На севере превращаются в такие большие города Киш, а потом Аккад; а на юге такими большими городами делаются Ур и Ширпурла. Многолюдное население новых городов состояло из купцов и ремесленников. Ремесленники стали теперь работать не только на своих господ, как и прежде, но и на продажу: ремесленники в Аккаде умели хорошо делать различные ткани и материи, которые продавались не только в их родном городе, но также посылались и на юг.

Князья и их сановники также изменили свое хозяйство. На севере многие землевладельцы предпочитали обратить свои поля под финиковые сады, так как финиковые плоды и изделия из них охотно покупали не только на юге, но также и иноземные купцы из Ассирии, Сирии, Палестины и Аравии. Изменилось также положение рабочих людей. Землевладельцы старались прикрепить крестьян к земле. Не довольствуясь крестьянским трудом, хозяева больших имений, в особенности имений при храмах, покупали рабов и заставляли их работать в садах и на полях. Теперь земля приносила большие доходы; поэтому на землю всегда можно было найти покупателя и продать ее за дорогую цену. Не все знатные землевладельцы сумели приноровиться к новому пользованию землей: многие из них продавали свои земли, так что старое распределение земель между землевладельцами стало изменяться. Появилось много землевладельцев из среды купцов; пользуясь случаем, скупали земли также жрецы богатых храмов. Наконец, изменения в жизни помогли усилению царской власти и объединению страны.

Раньше царям трудно было укреплять свою власть, потому что в лице патэси они имели очень сильных противников. Увеличивать свои владения, чтобы иметь больше людей и доходов, цари могли только при помощи военной силы: но война—дело опасное, царь, проиграв войну, мог потерять и царскую корону. Теперь, когда земля стала продаваться, цари стали скупать себе земли, чтобы ослабить старых аристократов и увеличить число послушных им людей. На скупленных землях цари поселяли обыкновенно преданных им людей или пользовались скопкой земель для того, чтобы переселить на них поближе к себе каких-либо своих опасных противников. Нам хорошо известен один случай такого рода. Царь Киша, Накимтусу,

купил большие земельные участки около Киша и трех соседних с Кишем городов; о покупке был составлен особый акт, который был записан на четырехугольном обелиске. Покупка была совершена по всем правилам, какие требовались законом и обычаем. В акте перечислены были все прежние собственники купленных царем земель, все люди очень знатного происхождения, а также все служилые люди, которые пользовались или заведывали этими землями. Купленные земли царь разделил между 49 своими служилыми людьми, которые также все перечислены в записи. Большинство из этих 49 новых владельцев—«граждане города Аккада», т. е. люди незнатного происхождения; но пятеро из них очень знатные люди. Это—племянник самого царя, Алиаку, «двою» из дома Курмена, патэси Гимху, затем Ибалум, сын патэси города Бадимо, и Урукагина, сын патэси Ширпурлы. Четверо последних лиц были оторваны от своих родных гнезд и поселены далеко от них на севере, среди чужого им населения. Таких покупок и перетасовок старой знати было, вероятно, не мало: старая знать, вследствие таких перемен, слабела, а новые землевладельцы, поселившиеся на месте старой знати, были уже послушными служами царей. Вместе с усилением царской власти увеличивались и царские доходы. С товаров и с купцов царь собирал пошлины и, кроме того, сам принимал участие в торговле.

Все эти обстоятельства помогли царям усилиться и объединить страну в единое царство.

Торговые сношения между отдельными городами и областями настолько расширились, что сделалось необходимым установить общее, одинаковое для всей страны летосчисление и одинаковую систему веса. Раньше в каждой области было свое летосчисление, по годам управления местного государя. В документах писали: в такой-то месяц, такого-то года, такого-то государства. Когда развились торговые сношения, такой способ летосчисления стал очень неудобным. Часто совершались продажи в кредит, т. е. уплата за товар производилась не при продаже, а через известный срок; покупатель при этом давал продавцу обязательство уплатить за товар в известный срок. Высчитать срок купцам из одного и того же города было нетрудно; но если продавец и покупатель были из разных городов, то расчет уже значительно затруднялся, потому что в одном городе был один счет времени, а в другом—другой. Также неудобно было различие в системе веса. Мина в разных городах была различного веса; между

тем на вес не только продавали товары, но также отвешивали и деньги. В условиях продажи и покупки могли быть от этого неясности, когда договаривались купцы различных городов. Поэтому и были установлены летосчисление и система веса общие для всех областей страны.

Так торговля и промыслы, защита от врагов и завоевательные походы усложнили жизнь обитателей страны и создали между ее областями крепкие связи.

В конце III тысячелетия роль главной житницы края явно переходит к северу. Это видно уже из того, что здесь были предприняты грандиозные инженерные работы по устройству искусственного орошения. В связи с поднятием производительности и торговли находится возвышение Вавилона. Расположенный очень выгодно в смысле скрещения торговых путей на сближении Тигра и Евфрата, недалеко от важного прохода, ведущего с Иранского плоскогорья, а на другой стороне в конце караванного пути через пустыню, Вавилон становится с этого времени крупнейшим рыночным, культурным и административным центром всего края. Напротив, южные города Ур, Урук, Ларса, Лагаш приходят в упадок.

Разроставшаяся торговля, как мы видели раньше, потребовала единства мер, веса и летосчисления; теперь она обусловила единобразие законодательства. Собрание законов Хаммураби и создало такое единство. Раньше в различных городах действовали местные обычаи и правила, они сильно разнились друг от друга, и такое разнообразие обычаяев очень затрудняло деловые сношения; теперь для всего Вавилонского царства был один закон, изложенный в кодексе Хаммураби: все судьи должны были судить только по этому закону и не могли налагать других наказаний, кроме изложенных в нем; этими же законами должны были руководствоваться все наместники царя, а также городские старейшины управляющие городами. Законы Хаммураби касались всех сторон жизни и были одинаковы для всех жителей Вавилонии, знатных и неизвестных, богатых и бедных. Прежде всего законы указывали, как надо судить и наказывать за уголовные преступления, за убийство, кражу, разбой. Далее законы содержали в себе правила аренды полей и домов, залогов всякого рода имуществ, долговых обязательств, правил вступления в брак и развода, приданого и подарков мужа жене, наследования и завещаний. Потом были правила относительно

владений рабами и пользования ленными землями, относительно торговли и ремесла. Особенное внимание было обращено на содержание в порядке каналов и плотин. Каналы и плотины считались государственными учреждениями, и на всех жителей была возложена повинность содержать их в порядке, во время открывать и закрывать шлюзы и за всякую небрежность в этом отношении был установлен штраф. Также были установлены штрафы за порчу чужих садов и рубку деревьев в чужом саду.

В старину в вавилонских областях судили жрецы. Пока была слабо развита торговля и промышленность, такой порядок был прост и само собою понятен: жрецы были господами и было естественно, что они судили подчиненных им людей. Но с тех пор, как около храмов и городов патэси образовались большие торговые и ремесленные слободы, церковные суды уже оказывались недостаточными; в то же время цари постепенно подчинили себе жрецов и патэси и присвоили себе даже право распоряжаться доходами и имуществами храмов. Понемногу рядом с церковными судами появились светские и гражданские суды, теперь все судебные дела решались уже в светских судах; решение дела переносилось в храмы только в некоторых точно определенных случаях.

Развившиеся промышленность и торговля вызвали и необходимость точного определения отношений.

Ремесленники каждого города разделялись на цехи; ремесленники одной и той же специальности составляли союз с выборными старшинами — такой союз назывался цехом. Каждый цех устанавливал правила, какие должны соблюдаться его членами в особенности относительно платы за работу: когда кто-нибудь нанимал ремесленника, принадлежащего к цеху, чтобы не было никаких злоупотреблений и пререканий, он должен был платить за работу ему установленную плату, но зато и ремесленник не имел права требовать с хозяев больше платы, чем было указано в постановлении. Были также установлены размеры плат за наем парусных и гребных судов, этих самых важных орудий в передвижении в изрезанной каналами и реками Вавилонии. Законы давали большие льготы крупным оптовым торговцам и сильно стесняли мелких купцов. Мелкие купцы должны были вести строгую отчетность, чтобы оптовые купцы, продававшие им товары в кредит, не рисковали не получить своих денег.

В городах можно было поддерживать порядок и благоустрой-

ство. Заботились об этом сами горожане. В каждом городе был совет городских старшин. Этот совет управлял городом и разбирал судебные дела, возникавшие в городах.

Так изменилась жизнь в стране Тигра и Евфрата. Из старого общества почти не осталось представителей. Исчезли патэси и их сановники, прежние крепостные превратились в свободных наемных рабочих, которым нельзя было платить меньше, чем предписывали законы Хаммураби, земля перешла в руки послушных царю ридсабэ, лишились своих прежних прав и жрецы. Как обломки старого величия, уцелели только жрецы Ниппуря, служившие верховному богу Энлилю. Смуты пошли им на пользу: они завладели огромными имуществами, которые были положены в храм Энлиля на сохранение богатыми людьми, и теперь сумели воспользоваться новыми условиями вавилонской жизни, чтобы еще более увеличить свои богатства. Теперь очень часто многим нужны были деньги для оборотов: купцу, чтобы заплатить за большую партию товара, купленного по выгодной цене; помешнику, чтобы обернуться до нового урожая; даже царю, когда у него не хватало средств для какого-нибудь предприятия. Жрецы Ниппуря охотно давали деньги за долг под проценты. Проценты были не маленькие; 20% — 30% на выданный капитал. Так как жрецы давали деньги только подальное обеспечение, то капиталы их быстро увеличивались. Влияние жрецов Ниппуря возросло настолько, что вавилонские цари принуждены были и им дать такую же жалованную грамоту, как и жителям трех важнейших городов. В грамоте говорилось, что если царь нарушит права ниппурских жрецов, то «великие боги разгневаются, оставят свои обители и не войдут больше в свои жилища». Жрецы вавилонского храма Эсагила и жрецы храма бога Неба в Борсиппе были тоже богаты и стремились добиться таких же льгот, как и ниппурские жрецы; но их слава была еще впереди.

Порядок и правосудие — это было все, что требовалось для успешного хода торговли и промыслов, земледелия и садоводства. Купцы платили царю большие пошлины, но желали, чтобы за это царь заботился о их нуждах. Купцы всегда поддерживали царей Вавилона и горой стояли за них именно потому, что цари Вавилона постепенно изгнали из страны врагов, усмирили гордых аристократов и обеспечили каждому спокойный труд под его смоковницей, причем три самые большие города Вавилонии, Вавилон, Ниппур и Сиппар пользовались особыми привилегиями: царь не мог самовольно

собирать с граждан этих городов подати, но и не мог самовольно налагать на них повинности и брать их в солдаты, не мог судить или арестовывать без суда граждан этих городов.

14. Деспотический характер государства и бюрократизм.

Когда развилась широко промышленность и были заведены обширные торговые сношения, стал вырабатываться сложный государственный механизм. Этот государственный механизм движется сильною центральною властью самодержавного правительства. Государственно-правовые понятия самодержавного правительства с необычайной выразительностью выступают перед нами в одном единственном, но чрезвычайно ценном параграфе (109): «если в доме, содерхимом трактирщицею, сбираются заговорщики и эти заговорщики не будут схвачены и выданы двору царскому, то трактирщица подлежит смерти». Здесь все характерно: и беспощадная исключительность грозного предписания, и ответственность постороннего лица за то, что считается приготовлением к государственному преступлению, и, наконец, абсолютная нетерпимость к соединениям какого бы то ни было характера. Власть не делает никакого различия в данном случае, всякая коалиция признается преступной сама по себе. Господствует ничем не ограниченный абсолютизм.

Вавилонский абсолютизм отличается вполне светским характером. Царь самовольно распоряжался в делах, касавшихся культа, перевозил спешно из одного пункта в другой изображения богов, вводил перемены в календаре; все владения, имущества, запасы, накопленные при храмах, подчинены царю и надзору его чиновников, государство в своих органах и функциях поглотило и истребило все другие соединения, группировки и организации. Государство знает только отдельную личность и семью: верховному главе безусловно подчинена бюрократия. Количество лиц, находящихся на постоянной службе, различных агентов правительства необыкновенно велико. Все несут так или иначе различные повинности на государя, его двор и его бюрократию. Получающиеся отсюда преимущества и обязанности — единственные правовые отличия в среде свободного населения. В судебнике Хаммураби

нет статей, которые бы касались положения высшей бюрократии, но о других разрядах сказано весьма много, и на первом месте поставлены военные ленники. Статьи, к ним относящиеся, образуют как бы особый воинский устав. Вавилонская система службы с вознаграждением в виде поместья или крестьянского участка земли напоминает западно-европейских средневековых рыцарей и министериалов и московских помещиков и однодворцев. Ленник не мог продавать участок, с которого служил; в свою очередь земля никоим образом не могла быть у него отобрана, если он выполнял службу. Обратно, ленник не вправе покинуть свой участок, он обязан был обрабатывать землю, иначе лишался ее. В случае отказа от исполнения своей военной обязанности, побега с поля сражения, или даже только выставления вместо себя заместителя леннику грозила смертная казнь. Строго требуя от ленника выполнения службы, государство в то же время охраняет его от всякого насилия и злоупотреблений со стороны высших чиновников. Закон грозит смертью тому наместнику или окружному начальнику, который станет отнимать у ленника его имущество, ограбит его, обратит в рабство, выдаст его путем судебного процесса в руки магната или отнимет у него царские подарки.

Помимо военных ленников есть еще другие служащие, наделенные землей от государства — это дамкары. Они выдают ссуды тем торговым агентам и купцам, которые отправляются на окраины и в другие страны за товарами и привозят их в Вавилонию. Они собирают налоги и взносы, поступающие в казну из склада царя, и притом главным образом шерстью, тканями, зерном и серебром. Дамкары заведывали также самими складами и кассами и благодаря этому являлись как бы официальными банкирами и менялами. Сама иностранная торговля выступает в виде полуправительственного предприятия, она точно продолжение большого транспорта и движения доходов и получений центрального правительства и потому находится в ведении финансовых чиновников.

Вся деятельность местных агентов подчинена очень выработанной центральной системе. Наместники, сборщики налогов и оброков, заведующие кассами и складами, управители храмовых имуществ, надзиратели стад и загонов скота, заведующие поставками на войско обязаны были посылать отчеты в центральное ведомство, которое в свою очередь располагало обширными канцеляриями.

Правительство организует рабочие и профессиональные кадры, большой состав корабельщиков, строящих транспортные суда и перевозящих в центр натуральные оброки и предметы потребления во дворе. Под прямым наблюдением центрального правительства стоит цех оружейников, работающих на армии: в качестве государственного института организовано и рабство: раба отмечают особым клеймом, выжигаемым на голове; за произвольное удаление клейма положено строгое наказание. Господин может продать раба, отдать его в залог, но не имеет права жизни и смерти над рабом. Большое внимание обращено на поимку и возвращение беглых рабов.

Судебник Хаммураби и административная переписка этого царя свидетельствуют не только о крайней развитости бюрократического режима, но также и его несокрушимой, повидимому, силе и энергии. Невольно напрашивается сравнение с другой эпохой величайшего напряжения административной системы — с Римской Империей IV века по рождестве Христове, порядки которой отразились в законодательстве Феодосия. При этом надо сказать, что тон администратора и законодателя вавилонского увереннее, чем поздней Римской Империи. Римские императоры II века предписывают, грозят и в то же время постоянно признаются в своем беспомощности, превращая свои приказы в обличительные проповеди, в уверения чиновникам. Таких признаний мы не найдем у вавилонских правителей конца III тысячелетия до Рождества Христова. Они менее сомневаются в послушании подчиненных и более проникнуты светскими понятиями об авторитете государства. Административная система, повидимому, давно налажена и действует без серьезных задержек. Едва ли найдется другая эпоха, которую с большим правом можно было бы назвать классической порой самодержавного бюрократизма. Весьма понятно, что система управления, документы административного и судебного права, титулы и формулы этой эпохи служат предметом заимствования и подражания для последующих крупных государств — ассирийского, персидского, греческих, Римской империи, Византии и Халифата.

15. Вавилон, как торговый и промышленный центр.

Массивные длинные стены, столь толстые, что на них устроены целые казармы для солдат, 250 башен и медные ворота охраняют богатый, торговопромышленный Вавилон. За стеной на левом берегу Евфрата летний — утонувший в зелени дворец, около него пристань.

За царским дворцом по обеим берегам Евфрата начинается уже торговая и промышленная часть города. Жизнь преимущественно сосредоточивается на левом берегу; на правом берегу много пустыней и огородов, дома беднее, улицы грязнее и безлюднее. На левой набережной часто встречаются пристани, у которых стоят грузовые суда: дюжие рабы снуют с кораблей на пристань с тюками на спинах, одни корабли разгружаются, другие нагружаются. Выгружаются здесь суда все больше с необработанными товарами. Эта часть Вавилона — самая молодая: в ней сосредоточились все крупные и промышленные заведения.

Во времена Хаммураби еще не было таких заведений. Тогда были небольшие ремесленные мастерские, в которых работал сам хозяин и несколько рабочих. Все мастера друг друга знали, составляли союзы, устанавливали порядок работы и размеры платы. Все было строго определено, и царь Хаммураби записал все эти правила в своих законах. Теперь за 1000 лет до Р. Хр. стало совсем не то. С тех пор, как вслед за ассирийским войском по всему свету распространились торговые дела ассирийских и вавилонских купцов, на вавилонские изделия появился огромный спрос. Красиво расшитые ткани, сделанные из льняной пряжи, многим богатым людям, многим царям и вельможам в далекой Индии и Греции, нравятся гораздо больше, чем простой, нерасшитый, хотя и драгоценный, египетский виссон. Греки и лидийцы любят яркие цвета и красивые узоры: вышивки на вавилонских материях им чрезвычайно нравятся, и на своих грубых материях они про-буют делать такие же узоры. Но не только драгоценные расшитые ткани идут теперь из Вавилона за границу. В Вавилоне и Борсипне умеют готовить не только льняные, но и шерстяные ткани. В особенности хорошо выходят у вавилонских ткачей ковры. Прочные и красивые, они не имеют себе равных, их также охотно по-

купают за границей. Огромные массы льна и шерсти выгружают ежедневно в Вавилоне, а взамен на опоражнивающиеся суда грузят круглые тюки с льняными и шерстяными материями и коврами; грузы эти отправляются по большей части на север.

Для производства такой массы материй уже были недостаточны старые ремесленные мастерские. Богатые купцы стали устраивать тогда новые большие промышленные заведения. Строили обширные помещения, ставили там по несколько десятков, а то и две—три сотни ткацких станков, покупали рабов и сажали их работать за этими станками. Рабов можно было купить всегда и по недорогой цене: войны шли постоянно, и хотя ассирияне предпочитали избивать побежденных, чем брать их в плен, все таки после каждой победы ассирийского царя устраивалась большая продажа рабов. Старые ремесленники-ткачи не могли соперничать с новыми богатыми промышленниками: одни разорились, другие влачили жалкое существование, доставая работу по мелочам у тех же богатых промышленников, когда у тех случался недостаток в рабочих руках при большом спросе на их товар. Разорившиеся принуждены были искать себе какую-нибудь другую работу.

Немного лучше жилось ремесленникам, приготовлявшим другого рода изделия, на которые также был большой спрос во всех странах тогдашнего мира. Очень славились вавилонские изделия из слоновой кости, привозившейся в Вавилон из Индии. Из нее вавилонские резчики приготавливали чрезвычайно изящные предметы. Много изготавлялось из слоновой кости гребней, печатей (цилиндров) и амулетов, в особенности изображений божков и богинь. Для изготовления всех таких изделий требовалось большое умение, талант и большой художественный вкус. Научиться ткать материи нетрудно, не так трудно и расшить их узорами, но вырезать изящную вещь из слоновой кости — не простое дело. И потому хорошие резчики из слоновой кости имели всегда заказы. Беда была только в том, что плату они получали небольшую. Какой-нибудь купец, купивший большую партию слоновой кости и заплативший за нее очень дорого, раздавал ее резчикам и назначал за работу невысокую плату, не желая удорожать и без того дорогого продукта. Но все таки резчикам из слоновой кости жилось сносно.

Также сносно жилось ремесленникам, изготавлившим различные предметы из драгоценных металлов, в особенности серебряных дел мастерам. Серьги и запястья, ожерелья и браслеты, изготавля-

вшиеся ими, были предметами роскоши и также требовали для изготовления большого вкуса и уменья. Вместе с тем это были настолько дорогие вещи, что ремесленник, изготавливший их, мог существовать самостоятельно и безбедно. Вавилонские украшения из золота и серебра также славились во всем тогдашнем мире; только за 400 лет до Р. Хр. стали соперничать с ними еще более изящные изделия афинских мастерских, привозившиеся из Греции. Серебряных дел мастера изготавливали не только украшения. Они изготавливали еще редкостные тогда вещи, употреблявшиеся только в дворцах или в домах очень богатых людей. Это — ложки и вилки, столь обычные теперь в нашем обиходе, но редкие во всем древнем мире. Тогда ели попросту, а пили из чаш; но ассирийские цари первые завели моду не пачкать рук и употреблять ложки и вилки.

Огромные залежи всяких металлов, какие были в Ассирии и в прилегающих к ней горах, также перерабатывались в изделия преимущественно в Вавилоне и в соседних с ним городах. В больших кузницах ковалось там всевозможное оружие: мечи и копья, щиты и шлемы. Мечи и копья изготавливались из особого сорта стали, известной впоследствии под названием дамасской стали: секрет ее изготовления от вавилонян перешел к персам, а от персов — к арабам. Шлемы и щиты изготавливались из меди и бронзы. В кузницах кипела работа с утра до ночи. Тут уже с ремесленниками опять могли успешно соперничать рабы, и старым кузнецам год от году жилось все хуже.

Также почти исключительно в больших промышленных мастерских производились разные парфюмерные изделия, духи, помада, благовонные мази. Эти предметы изготавливались из благовонных веществ, привозившихся из Аравии и Индии. Спрос на них был очень большой, так как всякий мало-мальски состоятельный вавилонянин или ассириянин употреблял их в большом количестве; следуя вавилонской моде, употребляли их щеголи и франтихи и всех других восточных стран. Производство их не требовало особого уменья от изготавителей. Нужны были только опытные руководители, знавшие испытанные рецепты для составления всех таких веществ; по их указаниям проворные рабы в больших глиняных чанах разводили, месили различные специи, варили их, а потом разливали по небольшим глиняным баночкам и кувшинчикам.

Внешний вид большой промышленной мастерской редко отличался своими размерами и архитектурой от обыкновенного жилого

дома. Это были длинные обширные здания, с большими дворами, окружёнными подвалами и магазинами; для рабов отводились особые каморки, в которых рабы могли спать и отдыхать в праздничные дни; особый двор служил столовой. Обычные же дома обывателей были небольшие и очень причудливой формы. Они или складывались из необожжённого кирпича, или строились таким образом: делался остов из пальмовых столбов на углах, переплетенных тростником, этот остов обмазывался глиной, которая, высыхая, образовывала с тростником довольно плотную массу. Крыша в домах выводилась в виде свода или купола, и сзади на крыше устраивалась башенка, на вершине которой, на площадке, приятно было посидеть на вечерней прохладе. В этих низких сводчатых домиках только спали и отдыхали: вся жизнь проходила на внутреннем дворе, вокруг которого располагались обширные хозяйствственные помещения. Царские сановники и главные жрецы строили себе дома больших размеров и подражали в их архитектуре царским дворцам.

Следуя дальше по Евфрату, мы скоро видим древнейшую часть города, настоящий вавилонский кремль. Он окружён высокими мрачными стенами с огромными башнями. За зубцами стен высится к небу здания — царский дворец. Среди покоев дворца есть несколько маленьких храмов. Но главные храмы Вавилона находились южнее царского дворца. Ближе к царскому дворцу стоит ступенчатая башня Этменанки, а рядом с ней храм Эсагила. Царский дворец и храмы, расположенные прямо на берегу Евфрата, загораживали город от Евфрата, от этой важнейшей торговой дороги, между тем для торговых и промышленных людей было важно иметь непосредственное сообщение с Евфратом. Тогда канал Арахту был расширен и еще более углублен, и было вырыто продолжение его, соединившее его на юге с Евфратом. Обновленный Арахту служил сразу двум целям. Во-первых, он заменил Евфрат для торговой части города, во-вторых, он был соединен с сетью маленьких каналов, в которые собиралась вся лишняя влага из города. Тут же пересекает Евфрат большая сухопутная дорога, «царская дорога», соединявшая Вавилон с южными и юго-восточными областями. Как и Евфрат выше внутренней городской стены, Арахту всегда кипит жизнью: на его левом берегу множество пристаней, на которых идет суетливая погрузка и выгрузка купеческих судов.

Если мы выйдем на берег Арахту и углубимся в торговую часть Вавилона, то перед нами развернется своеобразная и пестрая

картина. На улицах людно и шумно: лавки и столы торгующих расположились прямо под открытым небом, точно все улицы превратились в один сплошной базар. В закрытых помещениях только держат товары, продают же их на открытом месте. Рядом со столами и прилавками купцов расположились столы закусочных и пивных и винных погребов. Необычайно пестрая смесь людей всевозможных национальностей проходит перед нами. Тут и ассирияне, и дамасские купцы, и смуглые арабы, и эламиты, и мрачные сыны Иуды, и мидяне, и персы. Вся эта толпа гудит, жужжит, точно пчелиный улей, слышится самая разнообразная речь, самые разнообразные вопросы. Но как из всех разнообразных языков есть один, который слышится чаще всего, арамейский язык, так и среди всех вопросов, волнующих вавилонскую толпу, есть один, который царит над всеми остальными. Мина, секель, талант — вот, что мы слышим на каждом шагу. Деньги, деньги и деньги.

Всевозможные сделки заключаются тут же, на улице: все улицы — сплошная биржа. Продажа домов и имений, продажа товаров оптом, за наличные и в кредит, выдача долговых обязательств, залоги всякого рода имущества, наем помещений, наем рабов — все совершается тут же на улице. Договорившись, стороны идут сейчас же к судье и формально закрепляют сделку. Она пишется на глиняной таблетке. Договаривающиеся стороны и свидетели прикладывают к ней печати, таблетка запечатывается в глиняный футляр и бережно хранится на случай судебного дела. Из чисто денежных операций чаще всего происходят кредитные операции. Покупка и продажа часто происходит в кредит, или на покупку покупатель занимает деньги. Множество векселей дошло до нас из этой эпохи. Вот образец векселя: «Двадцать пять секелей серебра, принадлежащих Бел-аб-ерибу, сыну Набу-навира, получить с Мукинга, сыну Набу-аб-иддина, в городе Борсиппе. Он уплотит в месяце Ташрите. Кута, 11 Абу, десятый год Навуходоносора, царя Вавилона». Процент не обозначен: когда процент не обозначался, это значило, что берутся обычных 20%. А вот другой вексель, с определением процентов и обеспечением долга: «1 мину серебра, принадлежащую Даин-Мардуку, сыну Апла, получить с Кудуру, сына Экиша-Аплу. В год нарости на 1 мину 8 секелей серебра к его ущербу (т. е. 13½%), все его имущество в городе и земля, сколько ее есть — залог Даин-Мардука. Свидетели (такие-то), Вавилон, 4 адара, 6 год Навуходоносора, царя Вавилона». Если должник не отдавал в на-

значенный срок занятых денег, то обыкновенно он платил пеню: долг его возрастал на одну треть. При продаже в кредит также выдавались росписки, в которых обозначалось количество товара и что деньги за них не заплачены. Кроме таких обычных долговых обязательств, были в большом ходу денежные переводы, в особенности между купцами различных городов, отделенных друг от друга большими расстояниями. Товар можно было послать транспортом: но как уплатить за него деньги? Ездить неудобно и дорого: как быть? Вавилоняне придумали очень простой способ для расплаты в таких случаях, способ, обычно применяющийся и у нас. Если в городе продавца был должник покупателя, то покупатель не платил денег за товар, а посыпал продавцу таблетку с такой надписью: столько-то денег, принадлежащих такому-то, получить такому-то, с такого-то. Мы называем такие переводы чеками. Такие чеки больше всего в ходу в банковской практике. Состоятельные люди обыкновенно не держат своих капиталов дома во избежание покражи, но кладут их в особые учреждения—банки, которые пользуются этими деньгами для своих операций и платят за это собственникам капиталов известный процент, но обязаны по первому требованию возвращать их обратно. Тем более было необходимо поступать так в Вавилонии, где дома частных лиц вообще строились очень легко и не покрывались сплошь крышами. Мы знаем, что на сбережение клали деньги в храмы, в особенности в храм Бела в Ниппуре, в храм Шамаша в Сиппаре и в храм Мардука в Вавилоне. Жрецы этих храмов хранили капиталы частных лиц, и при раскопках часто попадаются чеки на эти храмы; капиталы свои жрецы пускали в оборот, ссужая их или скupая на них доходные имения.

Но во времена Навуходоносора банкирским делом занимались не только жрецы, но и светские люди. В Вавилоне славилась банкирская фирма Эгиби. Цари вавилонские не только оставили за ними откуп на сборы податей, но также отдали им на откуп собирание пошлин на содержание каналов и дорог. Огромный дом, в котором помещался банкирский дом Эгиби, возвышался, как великан, среди маленьких домиков, его окружающих. Обширный двор дома Эгиби, где всесильный банкир принимал своих клиентов, отвещивал на весах поступающие и уплачиваемые деньги, всегда кишел самыми разнообразными посетителями. Тут мы могли бы встретить людей всех состояний: и царского оруженосца, и жреца какого-нибудь храма, и доверенного раба какой-нибудь крупной торговой или про-

мышленной фирмы; кроме таких посетителей, приходивших по своим коммерческим делам, на дворе дома Эгиби можно было встретить и бедно одетых людей, простых крестьян и ремесленников, приходивших уплатить подати или достать несколько секелей для того, чтобы обернуться в трудную минуту. Эгиби никому не отказывает и не брезгует даже самыми мелкими ссудами: всякие деньги родят деньги, и из грошевых процентов могут составиться миллионные капиталы.

16. Культурное наследие Вавилона и современность.

Последние два века прошла огромная работа в науке, в результате которой открывается нам все яснее и яснее просветительское значение Вавилона—если собрать старинную культуру под одно имя Великого города—для Европы, для всей европейской истории вплоть до самых новых времен.

Древняя Европа с самой ранней поры стариннейшего каменного века была повернута лицом на восток. Оттуда идут свет и богатства, средства борьбы с природой и предметы обстановки, приемы работы и инструменты, понятия и верования.

Среди восточных элементов нашей культуры преобладают именно вавилонские элементы. Мы теперь не замечаем их, они вошли в нашу плоть и кровь, изменились и переработались иногда до неузнаваемости: долгое время мы даже и не подозревали об их происхождении. Но они весьма многочисленны и напоминают нам о себе, можно сказать, ежедневно.

Мы так привыкли, напр., к семи дням недели, что нам и в голову не приходит спросить себя, почему у европейских и американских народов неделя делится на 7 дней? Почему семь небесных архангелов, 7 главных придворных сановников, 7 курфюрстов Империи? Причина этого в том, что в вавилонской астрономии-религии существовало 7 главных светил, т. е. кроме солнца и месяца, еще 5 ярких планет. И эта седьмица отражается в обошедшей весь мир 7-дневный неделе. Мы часто говорим в шутку, что 7 число священное, совершенно не сознавая, что бессознательно повторяем то верование, которое твердо хранилось у вавилонян.

Почему 12 месяцев в году, 12 олимпийских богов, 12 подвигов Геракла, 12 апостолов, 12 годовых праздников, 12 паладинов Карла

Великого, 12 рыцарей Круглого Стола короля Артура? Все это — повторения вариаций 12 сроков или остановок солнца, исследованных в Вавилонии.

Сотни тысяч учеников и учениц в школе учат деление круга на 360 градусов, измеряют градусами дуги и углы, и никому из них не приходит в голову спросить, отчего вместо такого странного деления не разделить окружность круга на 100 или 1.000 градусов по десятичной системе. Ни один ученый математик не задумывается над необходимостью такой реформы, ибо вся геометрия построена на этом делении. Оно вошло в плоть и кровь математиков и от него также трудно отказаться, как от деления суток на 24 часа и часа на 60 минут. Оно имеет за собой такую же почтенную давность и идет из того же Вавилона. Это приобретение вавилонской культуры, связанное с наблюдением неба и культа, именно, знаменитая 60-десятичная система счисления, на ней покоятся система мер и весов.

365 дней солнечного года в круглой цифре 360 повлекли за собой разделение солнечного пути, небесного экватора, а затем и всякого круга на 360 градусов, а также разделение эклиптики на 12 частей по 30 градусов. Небесный свод обращается в 24 часа: один знак зодиака в равноденственную ночь требует для себя $\frac{1}{12}$ суток, т. е. два часа. Отсюда вавилонский «двойной час» — древнейшая мера времени, которая постепенно была фиксирована при помощи песочных и водяных часов. Затем удалось определить малую естественную меру времени, соответствующую тому, которое солнце или луна употребляют при движении вперед на длину своего диаметра. Путем измерений водяными часами установили, что солнечный диаметр — $\frac{1}{2}$ градуса, т. е. $\frac{1}{60}$ одного знака зодиака, следовательно, одного двойного часа. Таким образом, на небе были открыты две величины, стоящие в отношении 60:1 — двойной час и двойная минута. Меры времени были органически связаны с мерами длины: длина секундного маятника для широты Вавилона — 992,335 мм. — это число весьма близко подходит к мере длины двойному локтю (992 $\frac{1}{3}$ мм.). Меры веса были выведены из мер длины. Десятая часть двойного локтя была принята за ребро куба, который наполнялся водой и вес этой воды был единицей вавилонского веса — двойной или тяжелой миной (982,4 гр.); 60 мин давали талант; $\frac{1}{60}$ мины называлась сиклем. Отсюда идут меры веса и денежные системы всего мира. У самих вавилонян не было чеканенной монеты, но были слитки определенного веса в круглой форме колец (причем золото

относилось к серебру 40:3, а серебро к меди 120:1; 50 весовых сиклей (по 10 руб. 58 коп.) составляли золотую мину, 60 золотых мин — золотой талант.

До конца XVIII века во всем мире господствовала вавилонская система мер под теми или другими названиями: до сих пор русский фунт и золотник являются последним напоминанием о них; наш фунт равен вавилонской легкой золотой мина (409,52 гр., вавил., золот. м. 409,3), а золотник равен 0,01, т. е. половине сикля вавилонской золотой царской мины. Слово талант, название вавилонской меры и веса и высшей денежной системы, у нас давно утратило свой прямой первоначальный смысл и стало употребляться для обозначения известного человеческого качества, но идет все из того же Вавилона.

Всем этим мерам, вычислениям и выкладкам придавалось огромное значение. Это была настоящая, сложная наука, которая методически оперировала своими данными, выходя от основной идеи: между небом и землею должен быть полный параллелизм явлений; понять законы одного мира значит постигнуть и предвидеть движения и события другого. На этой почве и выросла астрология и основные правила астрологии были составлены вавилонскими астрологами. И мы до сих пор говорим про счастливого человека, что он родился под счастливой звездой. Среди нас есть до сих пор не мало людей, которые искренно верят, что судьбу человека можно определить заранее по звездам, а какиенибудь сто — двести лет назад даже серьезные ученые считали астрологию точною наукой.

Помимо теоретиков, людей анализа небесной статистики и философии, помимо астрономических академий в Вавилонии были литераторы и популяризаторы их идей. В течение тысячелетий их создание распространялось из Вавилонии по разным странам. Эпос Гильгамеша сильно повлиял на сказание о Геракле. В Киликии мы находим героя Сандана, которого греки сопоставляли со своим Гераклом, а ассирияне изображали своим Гильгамешем: впоследствии черты азиатского героя, а также Этаны были перенесены на Александра Великого, в многочисленных романах о нем, так называемых «александриях». Укажем на путешествие к источнику живой воды через горы Массив, охраняемые людьми с руками-пилами, хождение через мрак, посещение чудесного сада, вознесение на орле. Отсюда же идут сказания об островах блаженных, обошедших весь свет. Итак вавилонский эпос в течение тысяче-

летий вдохновлял культурный мир. И в позднейшее время не забыли о вавилонском прошлом: мусульманский праздник Хосейн, по мнению Эрдмана, восходит к мистериям Фаммуза, между тем, как Мардук и Истар дали материал для гностического Сотера (Спасителя) и Софии, а в лице Мардука богословская мысль вавилонян приблизилась к идею Логоса. Вавилонское представление об аде напоминает и еврейское, и финикийское, и греческое.

Результаты сложных вычислений ученых наблюдателей, были превращены для широких кругов общества, для массы народа в яркие символы, конкретные правила. В красивых легендах, величественно - поэтических картинах передавались понятия о круговороте явлений. Так в умах утверждалась своеобразная философия мира. Смысл ее тот, что в мире последовательно одолевает то светлое, то темное начало. Круг годовой кончается погружением светлого бога в адскую бездну и начинается его весенным выходом, избавлением из пасти смерти. Такой же круг повторяется ежедневно в смене ночи и дня. Но тот же круг есть закон мировых периодов. Светлое начало замирает в большие сроки: тогда происходит светопреставление, великий потоп или великий пожар — и затем из этой вселенской катастрофы мир божий выходит обновленным, возрожденным и очищенным.

При помощи поэтических сказок уму простеца старались внушить связь законов времени и пространства. Ему показывали движущие силы вселенной на азбуке, на рисунках неба; историческую летопись мира превращали в географическую иллюстрацию, эпизоды мировой драмы демонстрировали в блистающих узорах и фигурах ночного неба. Лучше всего нужно было запомнить тот пояс на небесном своде, по которому идут и солнце, и месяц, и все планеты: всякий умел показать и объяснить его двенадцать остановок, его звериные знаки, а особенно главные четыре орла, льва, тельца и воителя, или человека — фигуры, которые мы встретим потом в соседстве четырех евангелистов: всякий знал, что им соответствуют четыре могучих ветра, которые поворачивают поставленный на колеса небесный свод.

Весь порядок жизни, разделение возрастов человека, сроки долговых отношений, праздники и развлечения, цены на товары и т. д. должны были подчиниться священным символам. Приведу одну иллюстрацию. В Европе в течение всей древности повсеместно признавалось отношение цены серебра к золоту, как единицы к $13\frac{1}{3}$

Откуда эта странная дробь? Ее авторы — вавилоняне, и у них она имела точный астрономический смысл, она примыкала к общей системе. Она получилась из цифр 27 и 360, которые при сокращении дают упомянутое отношение. 27 — число дней для обхода месяца на небесном кругу, 360 — число дней для обхода солнца, серебро считалась металлом, символически связанным с месяцем, золото с солнцем.

В области чувств человек должен был также подчиниться законам мирового кругозора: он должен был воспроизводить все перипетии борьбы, страданий и торжества светлого бога.

В начале года, когда бог благополучно выходит из страшной водяной бездны, народ высаживает его ладью на берег, ставит ее на колеса и везет к божьему дворцу, по дороге, которая зовется плотиной, хотя она проложена по сухой земле. В новый же год царь — копия верховного бога, созывает совет сановников, аналогичных небесным архангелам, и воспроизводит собрание богов, советующихся о судьбах мира. Они бросают жребий и распределяют должности.

Время от времени человек решался на таинственный обряд погружения в воду, он символически тонул, чтобы возродиться на подобие бога и вместе с ним: он обеспечивал себе водяным крещением, т. е. водяной пыткой, возрождение. В кружках людей, получивших особое посвящение, увлекавшихся мыслью о бессмертии, знали еще другой обычай: верующие устраивали райское пиршество, тайную вечерю, открывающую доступ в небесный град или небесные сады, они вкушали особой пищи бессмертия или пищи жизни.

Римские сатурналии, когда рабы садились на место господ, и общеевропейский карнавал, когда нужно ходить на головах и обращать все в каррикатуру, в знак того, что зимой мир вывернут наизнанку, поднесенье пасхального яйца, символа возрождения светлого бога, сожжение соломенного чучела или опрокидывание на турнирах большого манекена в знак погибели зимы, все это — обряды и идеи вавилонского Нового года, которые потом распределились между несколькими праздниками.

И затем без конца — географические названия, исторические эпизоды, эпические сравнения, медицинские средства, судебные хитрости и т. п. Припомните рассказы об искупительной жертве невинной девушки или женщины, Лукреции, Виргинии, Ифигении, —

рассказы, помещаемые в истории обыкновенно перед изображением большой народной катастрофы или революции: это нисхождение к мукам ада небесной царицы. Или о том, как скрывается и пропадает герой у волшебницы, находящейся под землею или далеко на западе. Одиссей у Калипсо, Тангейзер — у Венеры. Это — миф о сокрытии солнца. Припомните птицу Феникса, мировой пожар, который она зажигает, и ее возрождение из пепла, Вечного Жида, которому никогда не суждено успокоиться от своих странствований кругом света. Остановитесь на ряде непонятных деталей в исторических рассказах, вроде того, что иудейский царь собирался наказывать подданных скорпионами, тогда как его отец стегал их бичами, или возьмите мотив знаменитого бичевания моря персидским царем Ксерксом; сопоставьте с этим еще странное оружие в одной постоянно повторяющейся сцене римского гладиаторского боя: один из двух борцов старался набросить на другого сетку и затем напирал с серпом в руке. Все это — отражение старого мифа о борьбе солнечного бога с чудовищем первоначального хаоса: в рассказе и в военной игре повторяются ее орудия. Наконец идут мелочи и курьезы, моды и суеверия, игры и формы жестокости, напр. бесмысленная страшная пытка колесования, причем колесо означает солнечный круг, или прикладыванье к больному глазу паука, т. е. подобие шарика с лучами, или известная игра, состоящая в том, что вышибают камешек из семи отделений, с восьмым адом и девятым раем, причем мальчишка припрыгивает на одной ноге, или прихрамывает, совершенно так, как поступали священники бога солнца по Библии, когда их противник, пророк Илия, предложил им низвести с неба — из девятой сферы — огонь, т. е. вызвать падение звезд.

Все эти черты, шутки и серьезное, крупное и мелкое, формы речи, рассказы и подражательные действия — не что иное, как блестки, отражения и переливы всеобъемлющей вавилонской символики. Постепенно мы все более и более замечаем, как сильны и распространены копии с восточного оригинала и удивляемся, как мы не видели раньше всех этих совпадений.

Множество следов вавилонского влияния можно найти также в Библии и в некоторых религиозных обрядах. Сказания о сотворении мира, о древе жизни, о потопе, о вавилонском столпотворении впервые появились в Вавилоне, и автор библейских книг их только переделал по-своему, и приспособил к вере единого бога.

Во многих других местах библии, даже в новом завете, мы можем найти множество мелких и крупных следов вавилонского влияния. В старинной вавилонской религии мы найдем те представления, составляющие основу иудейской и христианской психологии искупления. Распространено было убеждение, что весь мир, окружающая человека природа, его собственное существо исполнены зла, порока и греха. Казни земной жизни, несчастия, болезни, преступления должны еще возрасти за гробом, когда смерть и другие дьявольские силы овладеют несчастной тварью земли. Сам бог — податель света не ушел от страданий, от мрака и мук, которыми охватывают его злобные враги. Неподкупные всевидящие счетчики и письмоводы пишут подробный список человеческих согрешений, и в книгах будущего определяется вечное воздаяние. Страшно проголосует труба окончательного и общего суда.

Но измученная ожиданием душа верит в заслугу молитвы, в целительную силу слез, она верит в силу своего горячего желания, чтоб совершилось невозможное. Человек думает: неужели покаяния у святых мест, трудный подвиг воздержания, таинственное общение с божеством при посредстве райской пищи — неужели эти средства не могут обеспечить верующему на том свете спасительный островок среди океана страданий и мук? Может быть даже удастся проскользнуть вместе со светлым богом в его ладье в тот момент, когда он уходит от темных сил болезней и смерти, найти в нем заступника и избавителя. Возродиться с ним вместе в его новом причастии?

У бога своя тяжелая смертная борьба, но разве он не может также прикрыть своим могучим щитом малого и слабого человека? Божественный богатырь благ и великодушен и может быть именно ради верующих он и совершает свой тяжкий подвиг — сходит в страшные подземные пещеры, глядит в глаза ужасу смерти и уничтожения, терпит удары и пытку и даже сохраняет язвы на своем прекрасном теле.

Не только были поставлены эти вопросы, но на них были даны ответы. Всматриваясь в эпизоды и толкования вавилонского эпоса, мы находим в ней одну за другой главные черты мировоззрения Нового Завета.

Верховный бог, бог старого века, бог — отец очень далек от людей, и к нему нельзя обращаться непосредственно. Но люди могут просить через его сына, и он исходатайствует им помочь и

избавление: молодой бог вообще целитель от всех болезней и страданий. Его рождение происходит в чудесной обстановке. Его мать—небесная царица или небесная дева бежит от преследований отважного адского дракона, сатанинской силы. У колыбели будущего спасителя мира происходит жестокая борьба двух воинств: ангельского и дьявольского. Впоследствии из этого получился мотив избиения вифлеемских младенцев. Великое сражение повторится потом в конце времен, когда сын божий в блестящей одежде, при звуках труб появится в облаках, он сойдет в ад, пребудет там три дня—срок сокрытия месяца в новолуние—но его не одолевают силы подземные и он возьмет ключи от врат адских, чтобы навеки запереть их. В своей славе спаситель мира обручится с невестой своей, небо соединится с землей. Это—позднейший мотив второго пришествия и мистического брака небесного царя с церковью.

Разными путями эти образы проникли в Египет, Малую Азию, к грекам, римлянам, северо-европейским народам. У греков есть боги, нисходящие в ад для блага людей, есть безвременно погибший Дионис-Загрей, рожденный девою, которого потом воскрешает его отец, была целая секта орфиков, которая пропагандировала идею искупления и спасения человека заступничеством бога—страстальца. Впоследствии в системе христианского учения элементы восточной философии небес встретились вместе.

Равнины Евфрата и его ближайшие колонии были полем работы совершенно исключительной по своей напряженности: здесь кипели богословские литературные и астрономические споры, здесь было место горячих споров, диспутов и проповедей; здесь была фабрика и типография бесконечного множества обработок основного сюжета, догматических и полемических книжек, религиозных романов и фантазий. Вавилоняне, наблюдавшие небо с такой изумительной добросовестностью, делавшие столько сложнейших вычислений, выработавшие такую стройную систему взаимоотношений между верхним и нижним миром, были настоящими создателями науки. Они, правда, исходили от неверной аналогии, будто все земное—повторение и воспроизведение небесного, будто формулы человеческих отношений читаются в небесных комбинациях, но применяя эту аналогию, они были глубоко убеждены в закономерности наблюдаемого, они искали естественных и постоянных связей вещей. Они стояли неизмеримо выше той массы испуганных и слабо рассуждающих людей, которые и в их время, и еще до сих пор верят в чудесные

превращения, переносят на природу человеческие свойства и желания и предполагают в мире всюду прямые действия сил, похожих на человеческую волю. Да и самую волю человеческую представляют себе в виде какого то неуловимого творческого чудесного начала. В мире не правят ни ангелы, ни дьяволы, а существует сцепление вещей, которое можно постигать из сравнения с подобными им явлениями; теории и методы со временем Вавилона менялись и еще будут меняться, но научный принцип остается все тот же, и вавилонские звездочеты были уже его обладателями.

Таково до сих пор влияние старинного Вавилона. Очевидно, стоит отдать время и труд, чтобы узнать, как положены были основания тем элементам нашей культуры, которые именно вследствие своей древности кажутся нам теперь самыми привычными явлениями. Их создателям пришлось потратить на создание их не мало труда и времени, и то, что кажется нам совершенно простым, потребовало огромных усилий и изменений.

III. Жизнь общества в Греции и Риме.

ВВЕДЕНИЕ.

В части, посвященной жизни общества в Греции, читатель не встретит ни знакомых фигур политических деятелей, ни привычных фактов военной и политической истории Греции, ни излюбленной мифологии и эпизодов Троянской эпопеи. Не найдет он здесь и того, что к этому, установленному эпизодическо-хронологической традицией содержанию, присоединили последние десятилетия, именно Микенского и Критского периода. Знакомых деятелей здесь нет потому, что задача этой части показать жизнь не отдельных лиц, а жизнь греческого общества. Не будет обычных фактов из военно-политической истории, потому что центр тяжести здесь в экономической и социальной жизни. Мифология и занимательные рассказы Троянской эпопеи исключены как таковые, и материал Илиады и Одиссеи используется, как средство для характеристики жизни и умонастроения греческого общества IX—VIII веков. Критская и Микенская культура не получают себе здесь места потому, что блестящие достижения археологии для целей обществоведения дают неизмеримо менее, чем исследования, сделанные в Египте, для вскрытия древнейших форм организации труда и древнейших общественных образований. После того, что дано для выяснения сложения древнейших общественных образований в долине Нила, едва ли есть надобность прорабатывать вопрос на материале, менее ярко говорящем.

Изменяя традиции, в которой греческое и римское прошлое слишком часто являлось сентиментальной идиллией, поэтической

картиной, в которой борьба, напряжение, нужда, труд, неудовлетворительная действительность были, если не совершенно отброшены, то сильно стушеваны, составитель соответственно установленному плану и здесь в первую очередь показывает реальную экономическую базу и как на ней строился тот или другой уклад социальной, политической и духовной жизни. Конечно, в виду ограниченности места не может быть дано здесь освещения всех сторон, а выдвинуто только общее основное течение.

Сообразно поставленной задаче, вводящая статья определяет те характерные географические черты, которые обусловливают своеобразные особенности труда и общественной жизни Греции, ее земледельческую и торговую жизнь. Затем, опуская весь первичный период жизни греческого общества, составитель сразу берет эпоху IX—VIII веков и переносит читателя в условия натурального хозяйства и знакомит, по данным Гомера, с земледельческим укладом жизни, подчеркивая доминирующее положение военно-земледельческого класса, и в последующей статье выдвигает тесную связь эпоса и его мировоззрения с социально-экономическим строем. Затем показывается, как земледельческий уклад ведет к усилению значения земледельческой знати и установлению гнета над низшим классом в VIII—VII веках. Далее внимание читателя останавливается на росте торгового движения, на том экономическом перевороте, который повел к выступлению торговой знати и революции VII века. И тут же дается отражение новых форм жизни в литературе VII и VI веков. После этого выявляется крупный рост денежного хозяйства и развитие рабской промышленности, причем отмечается влияние новых экономических отношений на социальный строй. Здесь приковывает к себе внимание положение трудящихся классов и картина взаимоотношений промышленного класса и пролетариата, а также отражение этих отношений в литературе V и IV веков. Последняя статья останавливается на еще более широком росте торговли и тех экономических, социальных и политических изменениях эпохи эллинизма, которые дают новые уклоны духовной производительности IV и III веков.

По тем же соображениям и в части, отведенной Риму, также нет обычного батального элемента, нет пунических и иных войн, как самодовлеющего материала, как нет и обычного преобладания политической структуры. Главное внимание здесь обращено на эволюцию жизни общества и преимущественно в области экономической

и социальной, а затем в политической и идеологической. Учитывая то, что в части, посвященной древнему Востоку, на материале Египта даны были начальные стадии общественного объединения и выяснены условия, его порождающие, а также причины расслоения общества в эпоху натурального хозяйства и необходимость концентрации политической власти в моменты напряженной борьбы, а на материале Вавилонии показаны условия и формы перехода от натурального хозяйства к денежному, составитель ограничивается кратким обзором классовой борьбы в Риме в эпоху натурального хозяйства и перехода к денежному, главным образом, в правовом разрезе и переходит к изображению последующего периода в развитии римского общества, освещая его как столкновение торговых интересов нобилитета с торговой плутократией республики Карфагена, как эпоху римского империализма. В связи с завоевательными тенденциями и необходимостью создания для этого нужных военных сил рассматривается аграрный вопрос II и I веков. Следующая статья характеризует рост крупной торговли и промышленности в Римской державе, охватившей в I—IV веках не только старый эллинистический район, но и направившей свои сношения и изделия до Индии и Китая, и вместе с тем сложный процесс трансформации классов и политических учреждений, останавливаясь затем на наблюдении над процессом сокращения размаха римской торговли и промышленности, усиления натурального хозяйства, причем вскрываются, главным образом, те своеобразные процессы в экономической, социальной и политической жизни, которые, продолжая развиваться, в дальнейшем обуславливают своеобразные черты средневековой жизни. Тот же период обнимает, и очерк идеологии общества, показывающий, как отражались новые экономические, социальные и политические течения в мыслях, чувствах и настроениях людей I—V веков. Далее, статья «Античный мир и современность» подводит итоги культурного наследия античного мира в нашей жизни. Последняя статья, являющаяся заключением всего отдела, вскрывает основные силы, определяющие жизнь античного общества, и показывает, как ослабление труда и развитие паразитизма вели и обусловили падение античного рабовладельческого общества.

I. Географические условия хозяйственной жизни Греции.

Бросим взгляд на карту. Греция — полуостров, в виде треугольника врезывается в море, утончается у Коринфского перешейка и образует за ним другой более южный полуостров, Пелопонез, нечто вроде шелковичного листа, соединяющегося тонким стебельком с материком. Прибавьте к нему еще сотню островов и лежащий напротив азиатский берег: это целая бахрома мелких землиц, пришитая к крупным материкам варварских народов, и целая гряда островов, рассеянных по синему морю, окаймленному этой бахромой, — такова страна, вскорившая и образовавшая народ скороспелый и умный, Она была удивительно для этого как бы приспособлена. На север от Эгейского моря климат еще суров, вроде климата средней Германии; в Румилии неизвестны плоды юга, по берегу ее не растет мирт. Но контраст истинно разителен, когда, спускаясь к югу, вы вступите в Грецию. Под 40 градусом, в Фессалии, начинаются леса вечно-зеленеющих дерев, под 39, во Фтиотиде, влияние теплого морского и берегового воздуха производит сарацynское пшено, хлопчатник и маслину. В Эвбее и в Аттике встречаются уже пальмы, а Цикладские острова обильны ими, по восточному берегу Арголиды тянутся густые лимонные и померанцевые рощи, в уголке на острове Крите найдете даже семью африканских финиковых пальм. В Афинах, этом средоточии греческой цивилизации, благороднейшие плоды юга растут сами собой, невозделанно. Морозы там бывают разве только лет через двадцать, не чаще; сильный летний жар умеряется морской прохладой; за исключением немногих порывов ветра со стороны Фракии, да навевов Сирокко с юга, температура там отличная. И теперь даже «народ с половины мая по самый конец сентября ночует обыкновенно на улицах, а женщины спят на террасах». В таком kraе все живет на открытом воздухе. Сами древние признавали свой климат за особенный дар богов. «Кротка и приятна, говорит Эврипид, наша атмосфера: зимний холод у нас не суров, а летом не разят нас стрелы Феба». Народ, сложившийся под таким климатом, разовьется быстрее и гармоничнее другого: человека не изнуляет и не томит чрезмерный жар; ему не приходится коченеть и мерзнуть от сильного холода. Он не обречен ни на мечтательное бездействие, ни на неусидчивую подвижность; он не застрияет ни в

мистических созерцаниях, ни в зверском варварстве. Кроткая и умеренная физическая природа живит и уравновешивает душу, располагая бодрый и быстрый ум к мысли и деятельности.

Два существенные качества почвы действуют здесь за одно. Во первых, Греция—это сеть гор. Пинд, главный хребет ее, продолжаясь на юг Отридой, Этою, Парнасом, Геликоном, Кифероном с их предгорьями, образует цепь, многочисленные звенья которой, проходя за Коринфский перешеек, вздымаются, перепутываются и загромождают собою Пелопонез. Окрестные острова те же возникшие из воды хребты или одинокие горные выси. Вся изборожденная таким образом страна крайне бедна равнинами, везде выступает наружу горный кряж; три пятых всего пространства негодны для земледелия. Повсюду голый камень; маленькие речки и ручьи оставляют между своим полупоросшим руслом и обнаженною скалою узкую гряду пахоты. Уже Геродот противопоставлял Сицилию и Южную Италию, этих располневших кормилиц, чахлой Греции, «которая отродясь приобрела в молочную сестру себе скудость». Особенno в Аттике почва тоще и легче нежели где-нибудь в других местах: маслина, виноградная лоза, ячмень и немного пшеницы, — вот все, что дает она человеку. На этих прекрасных мраморных островах, развеянных блестящими созвездиями по лазури Эгейского моря, попадались там и сям какой-нибудь священный лесок, несколько кипарисов, лавров, пальм, купы прелестной зелени, несколько виноградных лоз, торчащих по утесам, в садах превосходные плоды, местами крошечные нивы где-нибудь в ущелье или на горной покатости. Но там было более пищи для глаз, нежели для желудка и для положительных телесных потребностей. Подобный край рождает стройных, деятельных, умеренных в еде и питье горцев, вскормленных больше горным воздухом. И до сих пор «пищи одного английского землемельца достало бы в Греции на семью из шести человек; даже богатые довольствуются блюдом овощей за обедом, а бедные — горстью маслин или куском соленой рыбы; народ лакомится говядиной только один раз в год, «о пасхе». В этом отношении любопытно взглянуть на греков в Афинах летнею порою. «Одна баранья голова в шесть су [копеек] ценою идет у лакомок на семь или на восемь человек. Люди умеренные покупают себе ломоть арбуза или крупный огурец и уплетают его тут же прямо зубами, как яблоко». Если и зайдут в трактир, то лишь для того, чтобы поболтать; в кофейне они спрашивают себе чашку кофе за один су, стакан воды,

огня для папиросок, газету и домино: этого достаточно им развлечения на целый день»

Греция—страна не только гористая, но многобережная. Будучи меньше Португалии, она объемом берегов превосходит Испанию. Море врезывается в нее множеством заливов, излучин, впадин и зубцов. Если вы взглянете на привозимые путешественниками виды, то наверно в половине даже тех, которые изображают внутренние местности, вы все-таки заметите синюю ленту моря или какой-нибудь его треугольник, или, наконец, на горизонте блестящий его полукруг. Чаще всего это море обрамлено выступами скал или сближающимися между собою островами, которые образуют этим естественную пристань, самородный порт. Подобное положение так и тянет к морской жизни, в особенности, когда тощая пища и скалистые берега не могут вдоволь прокормить жителей. Первоначально существовал один только род плавания—судоходство вдоль берегов, и нет моря, которое бы так манило к себе прибрежное население. Каждое утро встает северный ветер как нарочно для того, чтобы подгонять суда из Афин к Цикладам; под вечер противоположный ветер несет их обратно в родной порт. От Греции вплоть до Малой Азии острова рассыпаны; как переходные камни по иному броду; в ясную погоду судно, следующее этим путем, постоянно идет в виду берега. С Керкиры (Корфу) вы видите Италию, с мыса Малея—вершины Критских гор, с Крита—родосские горы, с Родоса—Малую Азию. В Египет можно дойти из Крита через три дня. И теперь еще «в каждом греке есть жилка истого моряка». В этой стране, всего с девятьсот тысячным населением, в 1840 году считалось тридцать тысяч моряков и четыре тысячи кораблей; они держат в своих руках всю прибрежную торговлю в Средиземном море. Еще при Гомере мы находим у них те же нравы: поминутно спускают в море суда, Улисс строит себе корабль собственноручно; идут торговать и грабить по соседним прибрежьям. С самого начала и во всю их историческую жизнь они не переставали быть купцами, путешественниками, пиратами, сводчиками, проходимцами. Ловкой и насильственной рукой давили они крупные восточные монархии или варваров Запада, привозили к себе золото, серебро, слоновую кость, рабов, строевой лес, разные драгоценности,—и все это чуть не задаром; да сверх того быстро перенимали у других изобретения и идеи, обращаясь за ними и в Египет, и в Финикию, и в Халдею, и в Персию, и в Эtruрию.

Подобный строй жизни изощряет и необыкновенно возбуждает ум. Доказательством может служить то, что самые скороспелые, самые образованные, самые умные из народов древней Греции все были моряки: малоазийские ионийцы, жители великогреческих колоний, коринфяне, эгинцы, сикионяне, афиняне. Напротив, замкнутые в своих горах аркадцы пребывали в сельской простоте: равномерно, акарнияне, эпироты, локридыяне, действовавшие на другом менее благоприятном море и никогда не странствовавшие, оставались полуварварами до конца. В эпоху римского завоевания, соседи их, этолийцы, жили еще только в бесстенных слободах и были грубые разбойники. Их не коснулось стремление, двигавшее вперед другие племена. Таковы были физические обстоятельства, изначала благоприятствовавшие пробуждению деятельности и мысли. Народ этот можно сравнить с ульем пчел, которые, роясь под кротким небом, но на скучной почве, пользуются открытыми им воздушными путями, собирают везде соки, ходят на добычу, роятся, оборошаются своей ловкостью и своим жалом, сооружают хитрые постройки, приготовляют превосходный мед, всегда в поисках, всегда жужжа и снуя вдоль и поперек среди окружающих их тяжеловесных тварей, которые способны только пасть под надзором хозяина или толкаться между собою без ряда, как попало.

---

2. Хозяйство, социальный и политический строй гомеровского общества.

В эпоху сложения Илиады, которая, по крайней мере, в главных своих частях древнее Одиссеи, скотоводство и охота составляли еще не менее важный источник существования, нежели земледелие, и поэт особенно охотно пользуется именно сценами из пастушеской и охотнической жизни для своих поэтических образов и сравнений. Напротив, ко времени составления Одиссеи земледельческая культура сделала повидимому уже настолько значительные завоевания, что во второй гомеровской поэме она является главным родом производительной деятельности. Обычной пищей становится хлеб, преимущественно ячменный, «сила мужей», как называет его Гомер. Одиссей бросает по адресу циклопов, изображаемых в поэме

в виде пастушеского народа, упрек в том, что они не сумели использовать плодородную почву для насаждения земледельческой культуры: «Дикий тот остров могли обратить бы в цветущий циклопы. Много б везде разрослось винограда, плугу легко покоряся, поля бы покрылись высокой рожью и жатва была бы на тучной земле изобильна». Развитие земледелия ушло настолько вперед, что сделало возможным возникновение даже крупного земледельческого хозяйства. Среди сцен, изображенных Гефестом на щите Ахилла в Илиаде, одна представляет картину земледельческих работ в крупном поместье, взятую прямо с натуры:

«Далее выделал поле с высокими нивами; жатву
 Жали наемники, острыми в дланях серпами сверкая,
 Здесь полосой беспрерывно падают горстни густые,
 Там перевязчики их в снопы перевязлами вяжут.
 Три перевязчика ходят за жницами: сзади их дети.
 Горстая быстро колосья одни за другими, в охапах
 Вяжущим их подают. Властелин между ними безмолвно
 С палицей в длань стоит на бразде и душой веселится».

Хозяйство гомеровского общества—чисто натуральное, при этом крупное хозяйство еще более, нежели мелкое земледельческое, имело возможность удовлетворять все свои необходимые потребности домашними средствами. Идиллическую картину жизни в доме царя Алкиноя можно назвать классическим образцом крупного натурального хозяйства. Дом царя представляет полную чашу: сзади дворца находился обширный сад со множеством плодовых деревьев—яблонь, груш, гранат, смоковниц, маслин. За садом следовали виноградники, доставлявшие домашнее вино, наконец, огороды, с которых «овощи и вкусная зелень весь год собирались обильно». В доме работало 50 «рукодельниц» рабынь, моловших рожь, прядвших и ткающих. Таким образом, все необходимое: вещи, хлеб, вино, оливковое масло, одежда, даже ковры и покровы на лавках заготавливались в собственном хозяйстве при ближайшем участии самих хозяев дома. Одиссей при входе во дворец Алкиноя застает у ярко блестящего очага жену царя Аretу, прядущей в кругу приближенных служанок «тонко-пурпурные нити». Но не только хозяйка дома, что было обычно и в позднейшей Греции, а нередко и мужчины до царей и царских сыновей включительно принимали

ближайшее и притом личное участие в хозяйственной деятельности. Царей и царских сыновей можно в это время застать, напр., за плугом или на пастбище пасущими свой скот или занятых какими-либо домашними поделками, причем в занятии ремеслом они обнаруживают и большую разносторонность, и большое искусство. Царь Одиссей, напр., одинаково умеет сработать себе и искусно сделанную кровать, обнаруживая при этом познание самых различных отраслей ремесла, и срубить плот для продолжения плавания на море. Презрение к труду, как к рабскому занятию, получившее среди позднейших греков такое широкое распространение, в гомеровскую эпоху, очевидно, еще не имело места. Самый труд рабов применялся в то время еще в сравнительно незначительных размерах (даже во дворцах царей насчитываются лишь десятки рабов и рабынь) и употребляется только исключительно на обслуживание домашних нужд и потребностей. При том непосредственно близком участии, какое принимали в хозяйственной деятельности нередко сами хозяева дома, естественно, что в рабах видели скорее помощников, нежели подчиненных исполнителей чужой воли. Поэтому, между рабами и их хозяевами могли устанавливаться в это время близкие, даже дружеские отношения, как, напр., между Одиссеем и Евмеем или между Навсикаей и сопровождавшими ее рабынями, с которыми она затевает игру в мяч.

Из господства натурально-хозяйственных отношений вытекает то особенно существенное для понимания всей последующей экономической истории Греции обстоятельство, что еще в гомеровскую эпоху, т. е. в IX и даже VIII веках роль промышленности в общественной жизни могла быть лишь самой ничтожной, вследствие чего и ремесло в это время не получило сколько-нибудь заметного развития. Разумеется, и в это время не все предметы могли быть изготовлены домашними хозяйственными способами. Иногда приходилось прибегать и к услугам специалистов — ремесленников, но делалось это только в крайних, исключительных случаях, когда требовалось какое-либо особое специальное знание или специальные инструменты, как напр., при изготовлении оружия или глиняной посуды. В Илиаде и Одиссее из специалистов ремесленников упоминаются только кузнецы, оружейники, гончары, плотники, кожевники. Ремесленные профессии, роды ремесла были, таким образом, крайне немногочисленны, да и самая обстановка, в которой

работали ремесленники, соответствовала общей картине патриархального быта, какую представляла гомеровская Греция. Ремесленник работал обычно не в собственной мастерской, но странствовал из дома в дом, получая материал от заказчиков и работая у них на дому. Лучшим доказательством того, насколько еще мало была развита ремесленная промышленность, может служить почти полное отсутствие всякого подразделения крупных отраслей ремесла на отдельные специальности. Кожевник не только обрабатывает сырье кожи, он же изготавливает обувь и выделяет щиты, обтягивая их кожей, и таким образом является одновременно и кожевником, и сапожником, и оружейником. Плотник берет на себя всю постройку дома, начиная с заготовки материала и рубки леса и кончая художественными украшениями, орнаментовкой и раскраской, он же изготавливает плуги и строит корабли. Класс ремесленников не успел еще даже обособиться как таковой. В него входят не только лица, занятые собственно ремеслом, но и целый ряд других профессий: певцы, музыканты, танцоры и танцовщицы, наконец, врачи, предсказатели, глашатаи, словом все лица, которые так или иначе обслуживают общественные интересы.

Еще в более зачаточном состоянии находилась в это время торговля. Купцов, торговцев не было: были лишь добытчики, которые пускались в дальние края за добычей. Их влекли туда заморские продукты, и так как мирным путем редко можно было что-либо добыть, то добытчики были не чем иным, как разбойниками, по крайней мере в тех случаях, когда им не удавалось путем обмена получить то, за чем они пускались в далекое плавание. Между купцом и разбойником трудно было провести грань, как и невозможно было сказать, где кончается разбой и где начинается война. Последняя являлась таким же предприятием добытчиков, как и разбой, только в гораздо более обширных размерах. Путем морской торговли и разбоя, смахивающего часто на войну, в Грецию проникали такие продукты, которых греки сами не производили, напр., золото, бронза, порфир.

Растущее значение земледельческой культуры, имевшее своим последствием образование замкнутого и обособленного натурального хозяйства, обусловливало социальную структуру гомеровского общества. Чем значительнее были успехи земледельческой культуры, тем большую ценность и социальный вес приобретала земельная собствен-

ность, а это в свою очередь должно было способствовать превращению военной аристократии в землевладельческую. Процесс развития крупного землевладения или по крайней мере его завершения можно наблюдать в эпоху сложения гомеровского эпоса, т. е. в IX—VIII веках. Герои и цари в эпосе выступают перед нами не только как племенные вожди и предводители дружин, но в то же время и как крупные собственники. Часто мы застаем царей и царских сыновей на пастбищах, пасущими скот, но вместе с этим все определенное выступает значение их, как крупных землевладельцев. Поэт называет их «обладателями полей, нив хлебородных», «садов плодоносных», «владыками богатых уделов». Земля является главным средством вознаграждения, как за отдельные услуги, так и вообще за всякого рода службы. Беллерофонт за службу ликийскому царю получил от него «удел превосходный».

Военно-землевладельческая аристократия занимает привилегированное положение и резко обособляется от всего остального населения, как класс «благородных», «лучших» по отношению к низшим «худшим». Многие второстепенные герои Илиады присваивают себе титул царей и ведут свое происхождение от богов. На войну они являются каждый со своим отрядом и в битвах они сражаются в передних рядах на колесницах, тогда как остальная масса сражается пешими. Изобретение металлического вооружения и боевой колесницы должно было усилить перевес этого класса, потому что отныне участь битвы решали латники, а только «анакты» или как их стали называть, «знатные» были в состоянии приобретать дорогое стоящее металлическое вооружение. За анактами следовали мелкопоместные крестьяне, материально весьма часто зависящие от первого класса, после мелкого крестьянина шел пастух — собственник, затем рыболов, ремесленник, торговец, и наконец, батрак или фет, не имевший своего гнезда и работавший за плату у анакта или у представителя другого класса. Ахилл называет жизнь батрака самой жалкой и даже жизнь раба предпочитает его жизни. Первым условием сносной жизни грек считал оседлость, и даже раб свысока смотрел на свободного, но безземельного бродягу-батрака, принимаемого сегодня за поденную плату и не знающего, где он завтра преклонит свою бедную голову.

Во главе этого аристократического общества стоит царь. При царе из членов землевладельческих аристократических родов обра-

зуются советы геронтов — старейшин. Даже второстепенные и третьестепенные предводители на войне, играющие подчиненную роль, называются «владыками народов». Они собирают подати и повинности; естественно, что богатство в царевом доме при таких условиях скопляется скоро, и Телемах наивно признается, что «царем быть — не худо». Всякий убыток тотчас же царями «из народа» возмещается. Алкиной и другие двенадцать скиптродержавных «царей фэаков», щедро одарив своего гостя — Одиссея, вознаграждают себя «богатым сбором с народа», которому приходится, таким образом, расплачиваться за их гостеприимство. Народное собрание, еще сохранившееся от того времени, когда оно было собранием всего племени, представляется лишенным всякого действительного значения. Оно собирается обыкновенно лишь для выслушивания решений, принятых царем и геронтами. Даже общее одобрение всего собрания, в пользу известного решения, в глазах царей не имеет никакого значения. Обращение Одиссея с Ферситом, выражавшим в сущности желание огромного большинства ахейцев, прибывших под Трою, ясно показывает, как относилась гомеровская знать к оппозиции, исходившей от общественных низов.

3. Отражение строя жизни общества гомеровского времени в Илиаде и Одиссее.

Творение Гомера принято считать великим образцом эпического спокойствия и художественного беспристрастия. Но это спокойствие только кажущееся: творец поэм — поэт аристократии, он пел о ней и для нее. Цари и вожди выступают в Илиаде и Одиссее в самых разнообразных положениях, во все моменты своей жизни. Автор поэм прекрасно знает родословную своих героев, он никогда не забудет сказать об отце и предках его или повторить ходячий миф о боге — родоначальнике героя. Словом, перед нами поэт среды, которая гордится своей родовитостью не менее европейского рыцарства. Творец поэм не только бытописатель, но и член этой аристократической семьи. Он не только правдивый изобразитель ее нравов, он проникнут ее духом и ее взглядами. Он с любовью останавливается на носителях тех идеалов, которые могли создаться только среди аристократии, он

далеко не свободен от самодержавной тенденции, ему не чуждо высокомерное пренебрежение к народу. Если он не был царем, то он вырос и жил при каком-нибудь дворе: он научился смотреть на мир с точки зрения придворного миросозерцания.

Почти все герои поэм — цари: редко мелькнет фигура жреца, верного раба, вроде Евмея, или протестующего пролетария вроде Ферсита. Основная черта этой аристократии — надменность, гордое сознание своих сил, эти люди выросли и закалились в боях и опасностях. Они привыкли полагаться на себя и высшим судьбою считают свой меч. Агамемнон не терпит противоречий. Другая черта этой аристократии — дух алчности и наживы, владеющий ею. В действиях и речах героев жажды добычи играет такую видную роль, что почти не остается сомнений, что она была преобладающим мотивом, движущим греческую рать под стены Трои. Гордые и могучие цари приходят в ярость, когда речь заходит о дележе добычи, и герои при дележе добычи набрасываются друг на друга, как голодные звери. Посещая друг друга, цари обмениваются подарками, но эти подарки — не обмен любезностей, их принимают не в качестве безделушки, которая дорога не своей ценностью, а воспоминанием. Этих даров ждут, хозяин рассматривает их вместе с гостем и расценивает. Сами боги заражены этой страстью к стяжанию: они мстят людям за скучные жертвы и покровительствуют за богатые. Эти люди привыкли полагаться только на себя, на свой ум и энергию. Они умели так же хорошо терпеть лишения, как и давать простор своим страстиам и инстинктам. Они не старались обуздывать себя и нарушение семейной верности было обычным явлением этого общества.

Но могучая энергия, соединенная с надменностью, распущенностью и алчностью, сытое довольство и богатство, эпикурейские вкусы и известная доля щеславия смягчались другими чертами, которые выросли на почве той же беспокойной жизни на войне и той же обеспеченности в мирное время. Самой симпатичной чертой этого общества является его культурность, его неутомимая духовная энергия, которые уживались с кулачной расправою и кровью местью. Речи героев исполнены благородства и рыцарского изящества, тонкость обращения свидетельствует о сложной культуре, как продукте долгого периода сложных отношений. Знание этикета, любезность речи служат признаком хорошего тона, и по ним не раз

узнают в переодетом Одиссее знатного и славного гостя. Та же обеспеченность и досуг содействовали развитию художественных вкусов в гомеровском обществе. Даже такие вещи, как щит Ахилла, предназначенный для практической цели, фантазия поэта превращает в тонкое создание искусства. Дворец Алкиноя — создание не архитектора ремесленника, а гениального артиста, но ни в чем художественное чувство не проявляется так ярко, как в благоговейном уважении к поэзии. Певец — необходимое украшение всякого пира. Голос его «звонкогласной лиры» придает оттенок благородства и красоты веселью пирующих. Певец — избранник богов.

Если гомеровские цари, пользуясь своими преимуществами, заняли лучшие места за пиршественным столом жизни, то они всегда впереди своих отрядов, они служат мишенью для стрел и копий, принимают на себя первые удары и главные опасности в походе. Они обладали привилегиями, но зато и несли главные обязанности. В воображении поэта — это эпоха героев, когда масса отступает на второй план перед выдающимися личностями. Поэт — поклонник этих героев: в изображении их подвигов и доблестей чувствуется много скрытого благоговения, в изображении их недостатков слишком много снисходительности. Критическое отношение к некоторым героям, проскальзывающее иногда в виде нравственной сентенции, это — критика «своего» человека, смотрящего в общем на мир глазами критикуемых.

А та масса, которая несет тягости похода, из среды которой гибнут тысячи бестолковых героев — знал ли творец эпоса эту массу? Гомер смотрит на народ оком избранных и мало интересуется его психологией. Народ — это стадо, движущееся по воле царя, оно напоминает рой жужжащих пчел, оно представляется поэту многоглавым чудовищем. О скорбной доле низших классов поэт упоминает либо случайно, либо тогда, когда ему нужно ярче оттенить опасности и страдания, сторожащие богов и героев. Мысль о социальной неправде, мечты об улучшении существующих отношений чужды творцу поэмы. Автор эпоса почти не скрывает своего пренебрежения к народным собраниям, он инстинктивно не может освободиться от аристократического взгляда на них. Одиссей, каждое слово которого сопровождается явным одобрением поэта, громко заявляет протестующему представителю народа: «Всем не господствовать, всем не царствовать здесь нам, аргивянам. Нет в многовлас ии

блага, да будет единый правитель, царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый скиптир даровал и законы: да царствует он над другими». Аристократическое воображение поэта неохотно допускает вмешательство народа в счеты господ между собою и предпочитает видеть в народной массе покорное стадо.

В то время, как жуиющая и воюющая аристократия занималась пирами и войнами, народная масса жила своими будничными интересами, и при всем гордом невнимании Гомера к народу, великий художник невольно оставил просветы, через которые мы можем заглянуть в душу массы. Она не хотела и не любила войны. То, что доставляло славу и богатство ее вождям, несло ей горе и утраты. Всякий слух об окончании войны наполняет радостью сердца измученных солдат. Перед решительным поединком совет вождей задумал разыграть комедию. Решено было объявить войскам, что дальнейшее ведение войны признано бесплодным и предложить всем возвратиться по домам. Притворное приглашение вернуться на родину приводит в восторг войска: «с криком ужасным бросились все к кораблям; под стенами их прах, поднимаясь облаком, в воздухе стал; воплют, убеждают друг друга быстро суда захватить и спускать на широкое море, рвы очищают; уже до небес подымались крики жаждущих в дома; уже кораблей вырывали подпоры». Такая же радость охватывает всех, когда Парис и Менелай хотят решить судьбу войны поединком и троянцы и греки, «чая почить, наконец, от трудов изнурительной брани, быстро снимают доспехи». Казалось бы, при таком настроении масс первое же народное собрание должно было принудить вождей к прекращению войны. Но именно нигде бессилие народа не сказалось так ярко, как в этом вопросе. Цари хотели только испытать настроение народа. Когда выяснилось, что желание вождей и масс разошлось, когда ахеяне радостно бросились к кораблям, цари стали стыдить и бранить воинов, а Ферсита, дерзнувшего запротестовать во имя народных прав, жестоко избил Одиссей к великому торжеству поэта, который отказался от своего спокойного, обычного тона для того, чтобы осмеять злополучного протестанта. Жестокая расправа служит обычным ответом протестующему. Таково отношение царей к мнению народа.

Гомер не оставил нам ярко очерченных представителей низшего класса. Среди немногих фигур этого рода выделяются два образа: Ферсит и Евмей. Если судить по ним, то в представлении среды,

мироздание которой отражает эпос, народная масса распадается как бы на два главные типа: одни—протестующие, недовольные, другие—преданные и покорные рабы. К первым аристократическая мораль беспощадна, вторые пользуются симпатиями господ. Гомер с любовью останавливается на тех милостях, которыми Одиссей осыпал Евмея. Он любит господ, добрых к своим рабам, и рабов, преданных своим господам. Но он беспощаден к непокорным.

Образ Ферсита пережил сотни поколений, имя несчастного урода в сознании масс стало символом трусости и презренного озлобления.

«Сколько славных жизней поблекла, сколько низких рождает. Нет великого Патрокла, жив презрительный Ферсит». Целые поколения принимали на веру этот решительный приговор сентиментального поэта. Только через 30 столетий начался пересмотр знаменитого столкновения между блестящим царем Одиссеем и его жалким противником, и суд истории готов, повидимому, кассировать решение, освященное веками, и вынести оправдательный вердикт обвиняемому. Поэт призвал на помощь всю мощь своих красок, чтобы набросать отвратительную фигуру гнусного труса. Самая внешность Ферсита способна внушить отвращение. Он—«муж безобразнейший, он меж данаев пришел к Илиону; был он косоглаз, хромоног, совершенно горбатые сзади плечи на персях сходились; глава у него поднималась вверх острием и была лишь редким усевна пухом». Он, по словам поэта, «презирал пристойность». В чем же заключались преступления Ферсита? Он говорил тогда, когда все молчали: «меж безмолвными каркал один празднословный»; он дерзал говорить неприятные вещи сильным мира сего, или, как выражается поэт, «вечно царей оскорблять». Он бросает Агамемнону упрек в алчности, он вскрывает истинную подкладку губительной войны. Кущи «пастыря народов» полны драгоценных металлов и пленниц. Ему первому приносят богатства из завоеванных ахейнами городов: «Жаждешь ли золата еще? Хочешь ли новой жены?» Эти негодующие вопросы, как удар молота, падают на голову эксплуататоров. Но Ферсит не только обличитель недостойных царей. В его речи звучит неясное сознание, что распределение благ не соответствует труду, который несут разные элементы общества. Это первый неясный социальный протест. Он приглашает своих собратьев удалиться, чтобы Агамемнон на опыте убедился, служит ли масса в помощь ему или судьбу войны решают одни герои. Они—солдаты,

доставляют вождям их добычу. Ферсит—революционер. Он готов к вооруженному восстанию. Он требует, чтобы войска воспротивились недостойному вождю, который, пользуясь своим положением главы народа, вовлекает ахеян в беды: «слабое, робкое племя, ахеянки мы—не ахейцы». Наконец, Ферсит—политик. Он не желает быть безгласным членом собрания. Он смело вмешивается в дела господ. Он выступает судьей между Агамемноном и Ахиллом и принимает сторону последнего. На эту негодящую речь, неумолимой логики, которой не может скрыть от нас даже тенденциозность поэта, «богоравный» Одиссей отвечает окриком: «Смолкни, безумноречивый, хотя громогласный вития. Имени наших царей не вращай ты в устах, велереча. Их не дерзай порицать. Если тебя еще я безрассудным, как ныне, увижу, пусть Одиссей главы на плечах могучих не будет, пусть я от оного дня не зовуся отцом Телемака, если, схвативши тебя, не сорву я твоих одеяний, хлены с рамен и хитона, и даже, что стыд покрывает, и навзыд вопиющим тебя к кораблям не пошлю я вон из народного сонма, позорно избитого мною». Свой оклик Одиссей подкрепил чувствительными доводами: «его по хребту и плечам он ударил», на спине несчастного «вдруг полоса под тяжестью скиптра златого вздулась багровая». Все «как ни были смутны, от сердца над ним рассмеялись», а некоторые простерли свою радость до того, что славили Одиссея, считая «обуздание буйного ругателя» величайшим подвигом Лаэртида, затмившим все его прежние деяния. Между тем из очей оратора брызнули слезы, «сел он, от страха дрожа, и от боли вид безобразный наморщив, слезы отер на ланитах». Трудно сказать, от чего брызнули эти слезы у урода: от страха ли плакал он, или от грустных мыслей при виде несчастного народа, не умевшего отличить врага от друга и выдавшего головой своего отважного защитника. И действительно ли «от сердца смеялись» те, кто, по выражению самого поэта, «были смутны». У нас нет других свидетелей этой сцены, кроме творца эпоса, но у нас есть много оснований не доверять его беспристрастию.

Ферсит и Эвмей—два противоположных полюса. Один—представитель протестующего начала, другой—мирный продукт существующего порядка. В эти два типа вылилось гомеровское понимание народа и его значения. Представителям низших классов эпос не отводит самостоятельной роли. Двигают историю, ставят цели и осуществляют их цари и герои. Назначение масс—играть служебную роль в этой работе вождей. Тех, кто мирится с подобным поряд-

ком и служит его опорой, ждет награда: они могут достигнуть высокого материального благополучия, стать уважаемыми равноправными членами семьи, которой управляет глава рода. Протестующих ждет беспощадная кара.

И не только общий тон поэмы, особенно Илиады, приводит к выводу о том, что эпос был не всенародной поэзией, а поэзией определенной группы общества. Самая религия поэм — религия именно этого круга. Из всенародной религии, из всей массы религиозных представлений и обрядов в эпосе отсутствуют многие, которые составляли основу религии масс. Изучение коренных греческих верований и богослужений, исследование местных культов, история мифа и обрядов приводят нас к выводу, что певец заимствовал из этой религии и «возвел в перл создания» лишь то немногое, что соответствовало интересам воинского и владетельного круга, к которому он обращался.

Таков гомеровский эпос: героическая эпоха встает в нем во весь свой колоссальный рост. Если поэт смотрит на мир оком того класса, который делал в те времена историю, то это не умаляет ценности поэм.

4. Рост значения землевладельческой знати и положение низших классов в VIII и VII веках.

Если уже в гомеровскую эпоху землевладельческая знать представляет правящий класс, тогда как положение бесправной народной массы приближается к крепостному, то в следующую эпоху, когда центр тяжести экономической жизни переместился в сторону земледельческого хозяйства, и последнее приобрело значение важнейшего источника существования, власть крупных землевладельцев сделалась всесильной. Рост значения землевладельческой аристократии совершился в обоих направлениях, как на счет царской власти, так и в отношении к крестьянскому населению.

Царская власть в Греции не походила ни на власть восточных деспотов, ни еще менее на современный абсолютизм. Цари гомеровского времени непосредственные потомки племенных вождей — в значительной мере и сами сохранили еще это значение племенного вождя. Естественно поэтому, что по мере того, как исчезали последние пережитки племенного быта и греки превращались в осед-

лый земледельческий народ, царская власть теряла вместе с этим всякий смысл. Когда землевладельческая аристократия делалась достаточно сильной, она почти без борьбы низлагала царей, присваивая себе их власть. Греческие цари, по словам Аристотеля, в противоположность тиранам, не имели в своем распоряжении никакой фактической силы, но опирались исключительно на престиж, связанный с понятием царской власти. Поэтому катастрофа наступила быстро: «раз кого не желают иметь царем, то он уже царем и не будет». Царская власть умерла в Греции естественно смертью.

Политический переворот, передавший власть из рук царей в руки аристократии, был лишь завершением и следствием экономического переворота, приведшего к господству крупного землевладения в экономической жизни. Еще более важным последствием того же экономического переворота было окончательное экономическое закрепощение и порабощение народной массы. Для того, чтобы иметь возможность вести собственное земледельческое хозяйство, бедняк нуждался прежде всего в земле, для чего ему приходилось обращаться к крупному землевладельцу и арендовать у последнего необходимый земельный участок; но если даже он имел собственную землю, то для обработки собственного участка ему необходим был рабочий скот, орудие, семена. Все это он мог получить лишь от того же землевладельца и тем самым он попадал по отношению к этому последнему в экономическую зависимость, которая при трудности, а нередко и полной невозможности с его стороны исполнить принятые на себя обязательства, легко переходила в зависимость личную. В Афинах в эпоху Солона, по свидетельству Аристотеля «земля вся находилась в руках немногих, и если бедные не платили исправно аренды, то попадали в кабалу как сами, так и дети, и заимодавцы распоряжались их личностью, как собственностью». Далее из того же источника мы узнаем, что Солон освободил народ как в настоящем, так и в будущем, воспретив давать ссуду на условиях кабальных, из чего можно заключить, что наряду с неисправной арендой ссуда на хозяйственные нужды служила не менее частым и всеобщим средством закабаления неимущих.

В то время, как крестьянские массы, занятые тяжелым земледельческим трудом, все более себе усваивали мирные наклонности и все более отвлекались от военного дела, класс крупных землевладельцев в силу этого, напротив, привыкал смотреть на себя,

как на класс преимущественно военный, как на класс свободных воинов, и на военное дело, как на свое исключительное призвание, с которым несовместим никакой физический труд. В самом деле, к чему было аристократам утруждать себя, раз к их услугам всегда были рабы и крепостные, которых в случае сопротивления легко можно было обуздить силою. «Мое богатство — мое копье; мой меч — мой славный щлем», поется в одной критской песне: «в них крепость тела. При их помощи я обрабатываю землю, я собираю хлеб, я приготовляю вино со своих виноградников. Благодаря им я господин своих слуг». Человек военный становится теперь почти синонимом человека свободного и имущего. Аристотель видит одно из существенных различий между зажиточными и неимущими в том, что «первые обладают оружием, вторые не обладают». Аристократия правила таким образом, опираясь не только на свои преимущества, но и на силу оружия.

Вместе с резким обособлением классов, вместе с разделением всего общества на имущих и неимущих, на господствующих и подчиненных исчезла та патриархальность и простота в отношениях между высшими и низшими, какую мы наблюдали отчасти в гомеровских поэмах. Времена, когда сами цари, как гомеровский Одиссей, не брезговали заниматься плотничным и столярным ремеслом, все более отходили в прошлое, а вместе с этим росли и сословные предрассудки знати. Именно в это время сложилось аристократическое предубеждение против всякого физического труда, как занятия свойственного исключительно рабским натурам и унижающего людей благородного происхождения, предубеждение, укоренившееся впоследствии еще более под влиянием широкого распространения рабского труда и оказавшего такое огромное влияние на все мировоззрение позднейших греков. Мы встречаем это предубеждение даже у Платона и Аристотеля. Не говоря уже о Платоне, и такой объективный ум, как Аристотель, не свободен от этого аристократического предрассудка и, в сущности, выражает идеалы крепостников, когда весь смысл существования крестьян земледельцев видит лишь в том, чтобы доставлять пропитание классу лиц, имеющих право носить оружие, и отрицает за крестьянами право частной собственности на землю и сработки ее лично для себя. Разве не тот же порядок воспевается и в критской военной песне? Разве не тот же самый идеал вдохновляет и певца крепостничества мегарского аристократа Феогнида, выражавшего только этот идеал с большей

определенностью и партийною страстью? По словам Геродота, все греки его времени воспитывались в этих сословных предрассудках. Им с молодости внушали, что единственное достойное лиц знатного и благородного происхождения призвание—это военное дело.

Восьмой век был временем расцвета господства землевладельческой знати. В ее руках сосредоточивались земельные богатства страны, она образовала военную силу, она совмещала в своих руках власть законодательную, административную и судебную. Аристократия правила таким образом совершенно бесконтрольно, руководясь исключительно выгодами своего класса. Поэт — аристократ Феогнит после изгнания своего из Мегары с сожалением вспоминает то время, когда простолюдины «не знали ни права, ни законов». «Лишь благородным подобает обладать богатством, простой же народ должен трудиться в нужде». В этих словах Феогнита заключается вся политическая мудрость и основной принцип управления землевладельческой знати. Разумеется, и средства управления соответствовали этому принципу. «Попирай ногами пустого головый демос», обращается Феогнит к членам своего класса: «коли его острый оружием, надень тяжелое ярмо на его упрямую шею. Среди народов, которым светит солнце, нет другого, до такой степени любящего деспота».

Положение низших классов было безвыходное. Эксплоатируемому и униженному бедняку негде было искать защиты от произвола аристократов. Яркими красками изображается положение народной массы в относящейся к этому времени поэме Гезиода «Труды и дни». Автор — мелкий земельный собственник, следовательно, сам принадлежал к низшему, угнетаемому классу. Безысходным пессимизмом веет от его произведения. Золотой век бога Кроноса, когда люди были счастливы и жили беззаботно, когда мир и справедливость царствовали на земле, остался далеко позади. С тех пор миновало уже еще три века: век серебряный, медный и век героев. Современный же автору есть век железа. Поэт сожалеет, что боги сделали его современником этого ужасного поколения: «позднее родиться, или раньше умереть», — таково его, увы, неисполнимое желание... Зло и порок царствуют на свете, сильный обижает слабого, зло издевается над добродетелью. Вражда господствует повсюду: отец не может доверять сыну, сын — отцу. Поэт ждет еще худшего: «скоро стыд и совесть окончательно покинут людей и в своих белоснежных одеждах вознесутся на небо».

Право и справедливость бегут из судов, где властвуют правители—аристократы, эти бессовестные, ненасытные пожиратели даров». Не боясь божественного правосудия, они творят, что хотят, и постановляют несправедливые решения. В то же время, как они благоденствуют, бедняк трудится и горюет весь день, да и ночью он не видит отдыха. Право сильного—вот единственное право этой эпохи. В образной басне о соловье и ястребе поэт рисует безвыходное положение бедняка. «К чему твои жалобы», обращается ястреб к соловью, которого держит в когтях, «ведь ты во власти сильного и отправишься туда, куда я захочу. В моей власти съесть тебя или отпустить на волю». «Горе безумцу», прибавляет поэт, «который отважится бороться против сильного врага. Не одержав победу, он испытает лишь позор и унижение».

Описанные порядки властного хозяйственника знати, при полном бесправии народных масс, господствовали по всей Греции. Если в стихах Гезиода и Феогнида обрисовывается картина социальных отношений, господствовавших в Мегаре и Беотии, то элегии Солона в таком же мрачном свете изображают положение народа в Аттике. На Крите аристократы управляли не на основании писанных законов, а вполне самовластно. Аристотель сообщает также о деспотическом правлении знати на островах.

Но исключительное господство землевладельческой знати по крайней мере в большинстве греческих городов было недолговечным. Только к половине VIII века царская власть была отменена повсюду и завершился цикл переворотов, передавших власть в руки землевладельческой аристократии, а уже в следующем столетии вся Греция была охвачена новым, несравненно более глубоким кризисом, положившим конец исключительному господству самой аристократии. Причина такой непрочности аристократического правления заключалась не в слабости его. Землевладельческий класс был достаточно силен, чтобы оказать упорное сопротивление, и, напр., в Спарте и на Крите он сумел утвердить свое господство на прочных основаниях. Падение владычества греческой аристократии, также как и ее возвышение, обусловливалось общими переменами экономического и социального характера. Если феодальный порядок просуществовал в Средневековой Европе не одну сотню лет, то этим он был обязан не какой-либо особой устойчивости установленных им социально-политических отношений, но исключительно медленному темпу экономического развития. В Греции, напротив, именно бы-

стрый прогресс и усложнение экономической жизни свели господство земледельческой знати к непродолжительному промежутку времени. Благоприятные географические условия способствовали ускоренному развитию греческой торговли, а это, в свою очередь, выдвинуло против землевладельческого класса новую силу, экономическую и социальную, в лице торгового капитала.

5. Экономический переворот, выступление торговой знати и революция VII века.

Благодаря исключительно благоприятному географическому положению Греции, развитие греческой торговли, подготовленной всем предшествующим колониальным движением, совершилось с необычайной быстротой. Еще в эпоху сложения гомеровских поэм греки едва отваживались выплыть за пределы Эгейского моря. Области за этими пределами изображаются в Одиссее населенными самыми фантастическими существами. Таким образом еще в IX, а может быть и в VIII веке большая часть Средиземного моря была неизвестна грекам и представлялась им совершенно недоступной. Еще во второй половине VIII века торговые сношения находились в зачаточном состоянии, но когда к концу VII века греческие колонии захватили Средиземное море тесным кольцом почти на всем его протяжении, так что, по образному выражению Цицерона, представляли «как бы кайму, подшитую к обширной ткани варварских полей», греки уже держали в своих руках все сухопутные и водные пути, выходившие из внутренних материковых областей к берегам Средиземного моря, и таким образом в течение какого-нибудь одного, много полутора столетий успели приобрести почти монопольное положение в торговле Средиземного моря. Греческие купцы появляются на всех восточных рынках, успешно конкурируя с финикийскими купцами, даже на их собственной родине. Их колония Навкратис в Египте вскоре после своего основания становится главным центром всей египетской торговли. Кирена ведет торговые сношения с Египтом и с ликийскими племенами. Посредством своих колоний, раскинувшихся по берегам Западной половины Средиземного моря, греки вступили в постоянные торговые сношения с населением Сицилии, Италии,

с племенами, населявшими современную Францию и Испанию, и даже с отдаленной Британией. Наконец, колонии на Гелеспонте и Понте служили для торгового обмена с народами Фракии и Южной России. Таким образом уже к VI веку в руках греческих купцов сосредоточивалась торговля почти всего известного в то время как культурного, так и варварского мира. Такого широкого распространения торговли не наблюдалось за все предшествующее тысячелетие. До этого времени все торговые сношения на Востоке обходились без помощи монетной системы. На Востоке, правда, металлы уже употреблялись в качестве средства торгового обмена, но до сих пор были в употреблении только куски драгоценных металлов определенного веса. Такие куски еще не представляли собою монет в собственном смысле слова, так как ни вес, ни содержание в них чистого металла никем не гарантировались. При каждой сделке поэтому приходилось производить новое взвешивание, а так как это сопряжено было с большими затруднениями, то обычно и предпочитался простой обмен продуктов на продукты. Потребности широко разросшейся торговли потребовали чеканки монеты. Только около начала VII столетия изобретена монета, т. е. меновая металлическая единица определенной формы и с определенным штемпелем; свидетельствовавшим об ее доброкачественности. Что возникновение монетной системы отвечало потребностям именно греческой торговли, об этом можно судить по быстрому распространению ее во всем греческом мире и на западе и по сравнительно медленному и позднему проникновению ее в страны Востока. Успехи, какие сделала чеканка монет и быстрое распространение денежного обращения в Греции, способствовали скоплению в качестве торговой прибыли значительных свободных денежных капиталов в руках греческих торговцев, и это не могло не отразиться на всей общественной жизни областей и городов, лежавших на пути торгового движения.

До тех пор единственное богатство, единственное имущество, как низшего класса, так и знати, составляла земля и отчасти скот; теперь рядом со скотом и землей, в качестве важной составной части имущества, появляются еще деньги. С появлением же денег вся картина общественной жизни резко изменяется.

«В богатстве сила», «честь следует за богатством», «богатство составляет душу смертного», «деньги делают человека», и «у бедняка нет и чести»,—таковы немногие примеры многочисленных характер-

ных для этой эпохи поговорок и изречений. Деньги становятся теперь необходимыми не только в торговых оборотах, но и в каждом крупном частном хозяйстве. Землевладение и сельское хозяйство оказываются недостаточными, и знать начинает стремиться к накоплению денежного богатства. В современной литературе неоднократно встречаются жалобы на страсть к наживе, охватившую высшие классы. «Вожди народа, говорит Солон, не умеют сдерживать своей жадности к деньгам и к богатству: им мало мирно наслаждаться богатством». «Из нас, говорит он в другом месте, кто имеет более других, хочет иметь еще больше. Кто мог бы их всех удовлетворить?» Эти жалобы находят себе полное подтверждение в словах поэта — аристократа, который откровенно признается, что невозможно когда-либо насытить свое сердце богатством. Однако, в богатстве, и именно в денежном богатстве, заключалась и другая, обратная сторона, которая особенно возмущала аристократически настроенного Феогнида — это его нивелирующая сила. «Большинство, негодует поэт, признает одну только добродетель — быть богатым: ни мудрость, ни знание, ни красноречие — ничто перед богатством». Но особенно возмущает его то обстоятельство, что деньги перемешивают сословия и что перед новой силой не могут устоять никакие сословные перегородки: знать охотно роднится и сближается с людьми более низкого происхождения, если только это сулит ей выгоды, предпочитая, по словам Феогнида, богатство «добродетели». «С богатством и простолюдин становится благородным», — возмущенно восклицает поэт — аристократ.

В результате всего описанного процесса, рядом с прежней социально-экономической силой, какую представляло до сих пор почти исключительно землевладение, выросла новая сила, сила денежного капитала и прежде всего капитала торгового, т. е. не тех денежных средств, которые служили для удовлетворения страсти к роскоши и, таким образом, растрачивались бесплодно, но капитала, который вкладывался в торговые операции, совершаил все новые и новые обороты, имел наклонность не уменьшаться, а, напротив, беспрепятственно возрастать и увеличиваться. Торговый класс, в руках которого оказалась новая экономическая сила, не представлял собою, по крайней мере, в это время в сущности какого-либо нового социального образования, так как складывался, как мы видели, из отдельных элементов того же землевладельческого класса.

Греческая морская торговля с самого начала была, по пре-

имуществу, в руках царей и земельных аристократов. Они одни располагали достаточными средствами для снабжения судов и могли снабжать их вооруженной охраной, без которой в то время ни один корабль не отваживался выйти в море. Они же в сущности только и нуждались в получении продуктов иноземной промышленности. Наконец, они одни обладали и достаточным количеством продуктов, напр., сельского хозяйства, для того, чтобы обменивать их на восточные товары. Их суда отправлялись таким образом в чужие земли для приобретения нужных предметов путем обмена, а где представится случай, и силой. Торговля в ту эпоху вообще носила хищнический характер и близко граничила с пиратством. С развитием торговли и с вытеснением пиратства правильными торговыми сношениями и греческие аристократы, занимавшиеся морским разбойничеством, из пиратов превращаются в торговцев. Они продолжают принимать участие в торговле в довольно широком размахе. Фалес и Солон торговлей поправляют свои расстроенные дела, брат Сафо, принадлежавший к одному из виднейших аристократических родов на острове Лесбосе, лично везет груз вина в Египет, даже Феогнид мегарский, в своих стихах так резко восстающий против нового духа времени, принимает участие в торговых операциях. Участие это большую частью не личное: обыкновенно аристократы участвуют в торговых предприятиях, ссужая капитанов судов капиталами или доверяя им свой груз. Вместе с переходом к правильной и постоянной торговле вырастает класс профессиональных торговцев, но несмотря на это, торговая аристократия, по крайней мере, еще в течение долгого времени сохраняет за собою руководящую роль в торговых сношениях, так как и капиталы и предметы торговли в значительной мере исходили из нее.

Хотя новая торговая аристократия, таким образом, и вышла в большинстве случаев из рядов того же землевладельческого класса, но она, по крайней мере, в лице большей части своих представителей, проникнута уже совершенно новой психикой, новыми общественными идеалами. «Деньги делают человека»—вот ее девиз и лозунг, погоня за богатством и прибылью—главная цель жизни. В то время, как та часть родовой знати, сила которой по прежнему заключалась в землевладении, образовала собственно землевладельческий реакционно настроенный класс, другая все более увлекалась на путь торговой прибыли и наживы, и если не

порывала окончательно со своими земельными владениями, то и не придавала уже им прежнего исключительного значения. Самое занятие сельским хозяйством являлось для нее не источником средств существования, но лишь одним из средств получения торговой прибыли. Опорой ее силы и влияния было уже не скотоводство и сельское хозяйство, как до этого времени, но крупные денежные капиталы, вырученные на торговых операциях.

По мере того, как представители торговой аристократии все более склонялись в сторону приобретения денежных богатств, естественно, что и политические задачи и стремления их все дальше расходились с интересами старой землевладельческой аристократии, пока, наконец, не оказались в резкой противоположности с этими последними. Так прежде всего в интересах торгово-аристократических кругов знати было развитие торговли и промышленности, тогда как землевладельческая знать, настроенная и^е в отношении экономической политики консервативно, видела в таком развитии только подрыв экономического фактора, на котором накопилось ее собственное благосостояние. В интересах торговой фракции, успевшей, как мы видели, освободиться от своих сословных предрассудков, точно также было устранение различных внешних стеснений, мешавших экономическому развитию страны, и установление с этой целью правовых отношений, чьему, конечно, не могла не противиться аристократия землевладельческая, упорно державшаяся за свои сословные права и привилегии. Институт родовой собственности, наряду с другими родовыми учреждениями составлявший опору силы и влияния землевладельческого класса и обеспечивавший устойчивость занимаемого им положения, в глазах торговой аристократии представлял препятствие к свободному обращению имущества—препятствие, которое в первую голову должно было бы быть устранено. Наконец, что касается области внешней политики, то аристократическая фракция, образовавшая новую торговую партию, стремилась перенести центр тяжести военного могущества на море, тогда как землевладельческая аристократия, оставшаяся верною прежним политическим принципам, видела свою опору прежде всего в вооруженной сухопутной силе.

Столкновение интересов аристократических фракций делало неизбежной борьбу за власть и влияние между ними, исход которой в конце концов при приблизительном равенстве сил обеих сторон зависел от того, на чью сторону при этом станут народные

массы и какая из сторон успеет привлечь их к себе и использовать их силы в своих интересах.

Положение низших классов населения при новых экономических условиях также значительно изменилось к худшему. Когда с расцветом торговли и ростом денежных богатств внутри страны в среду греческой аристократии начала проникать восточная роскошь в одежде, в обстановке и во всем образе жизни, когда и не принимавшая участия в торговых операциях землевладельческая знать уже ради одного поддержания собственного престижа должна была стремиться не отставать в этом отношении от аристократии торговой, эксплоатация бесправной крестьянской массы достигла крайней степени. В Афинах, напр., крестьяне должны были теперь довольствоваться лишь одной шестой долей урожая, отдавая остальные пять в пользу землевладельца. В случае же неисправной уплаты — а просуществовать с одной шестой части урожая почти не представлялось возможным — он по всей строгости долгового права подлежал продаже в рабство вместе со всей семьей, и в лучшем случае просто сгонялся со своего участка и заменялся новым арендатором, обеспечивавшим землевладельцу и более высокую, и более верную ренту. Нужда в деньгах, которую теперь все в большей и большей мере должен был испытывать и крестьянин, заставляла его еще более запутываться в долгах и делала его положение окончательно безвыходным. Развитие денежного хозяйства сопровождалось, таким образом, или обезземелением крестьянства, или самой бесчеловечной его эксплоатацией. И в том и в другом случае массы народа одинаково обрекались на голодное или полуголодное существование.

В то время, как на одном полюсе общественной жизни росли богатство и роскошь, на другом скаплялось все более нищеты и горя. Результатом этого двойного процесса было быстрое и резкое обострение классовых противоречий. При этом, естественно, народное озлобление направлялось не столько против аристократии торговой, являвшейся лишь отдаленной виновницей бедственного положения, в каком очутились народные массы, сколько против непосредственно их эксплоатировавшей и разорявшей землевладельческой знати. Озлобление народных масс не могло быть одинаковым против обеих аристократических фракций уже по одному тому, что часть аристократии, обратившаяся к занятию торговыми операциями, не видела уже в землевладении, а вместе с тем и в эксплоатации крестьян-

ства главной статьи дохода. Напротив, как мы видели, она выскажалась за установление правовых отношений, в том числе и за смягчение долгового права, причем ради привлечения масс на свою сторону готова была даже итти на полную отмену долгов.

Озлобление и раздражение, вызываемые притеснениями землевладельческого класса, нашли себе выход наружу в виде целого ряда крестьянских восстаний. Движение городского населения, руководимого торговой аристократией, переплеталось, таким образом, почти повсюду с движением крестьянской массы, и лозунг борьбы за право и за политическое освобождение от исключительного господства землевладельческого класса во многих случаях даже отступал на задний план перед требованием конфискации земельных имуществ знати и раздела их между неимущими. Большинство тиранов VI века успели достичь власти и упрочить свое положение, именно, благодаря тому, что выполняли хотя бы частично это главное требование голодного и обезземеленного крестьянства.

И конечная победа торговой аристократии зависела в значительной мере от того, что она сумела использовать это крестьянское движение в свою пользу. Поскольку это движение направлялось против исключительного господства и произвала землевладельческой знати при одновременно полном бесправии всего остального населения, поскольку его цели соответствовали интересам торговой аристократии, поскольку эта последняя видела в массе крестьянского населения своего союзника; поскольку же дело шло об удовлетворении требований, вроде требования раздела земли, она обещала все или почти все, чтобы в конце концов ничего не исполнить или, в крайнем случае, отделаться полумерами. Так, относительно Солона мы читаем у Плутарха, что он «обманул обе стороны, чтобы спасти государство: бедным он тайно обещал раздел земли, богатым—признать их долги». Аристотель в своей «Политике» обстоятельно рассказывает о тех демагогических приемах, к каким прибегали аристократические партии в борьбе друг с другом в стремлении привлечь симпатии народных масс на свою сторону.

Собственно городские демократические элементы были еще слишком слабы и малочисленны, чтобы на них могла опереться торгово-аристократическая фракция в своей борьбе с землевладельческой партией. Развитие городов и городской жизни в Греции не поспевало за лихорадочным и в то же время единственным прогрессом экономической жизни, и городское население не успело еще поэтому,

слиться в замкнутое и обособленное целое. Крестьянство, напротив, по той же самой причине, т. е. благодаря быстрому темпу экономического развития, уже очень рано почувствовало на себе все гибельные последствия, связанные с распространением новых де-некно-хозяйственных отношений на жизнь деревни, рано пришло в движение и представляло собою активную политическую силу. Поэтому вполне естественно было со стороны торговой аристократии искать себе опоры не в собственно городских элементах, а в массах земледельческого населения. Забегая невольно вперед, нужно указать, напр., на то характерное обстоятельство, что все три боровшиеся в Афинах после Солона партии вербовали своих членов, главным образом, среди сельского населения, а также и на тот факт, что большинство тиранов, являвшихся, как известно, выразителями наиболее радикальных течений эпохи, должны были искать себе поддержки не столько среди городского, сколько среди сельского люда.

Греческий кризис VII века был не столько коммунальным движением в собственном смысле этого слова, сколько общим восстанием народных масс и, главным образом, крестьянских масс против господства землевладельческой знати,—движением, во главе которого, благодаря своей большой интеллигентности и политической активности, с одной стороны, и различным демагогическим приемам, с другой, стала торговая аристократия, и которое она таким образом сумела использовать в своих классовых интересах.

Землевладельческий правящий класс оказался при таких условиях совершенно изолированным, причем против него были направлены соединенные усилия всех остальных общественных классов. Однако, несмотря на это, борьба с землевладельческим классом, все еще располагавшим весьма значительными силами, была нелегкая, и, во всяком случае, падение его господства нигде не прошло само собою так же гладко и незаметно, как раньше падение царской власти. Сила землевладельческой аристократии заключалась не только в обладании земельными владениями, но, как было отмечено выше, не в меньшей степени также и в том, что она повсюду выступала, как военный класс, составляя ядро военной силы и образуя привилегированные и наилучше вооруженные военные отряды конницы и гоплитов. Повсюду новым общественным элементам пришлось сломить упорное сопротивление землевладельческой знати, прежде чем им удалось захватить политическую власть в свои руки и направ-

вить внешнюю и внутреннюю политику греческих городов в своих интересах. Обычным последствием такой победы было изгнание и конфискация имущества наиболее видных представителей побежденной аристократии.

«Простолюдины добились должностей и почестей, простолюдиям принадлежит теперь то, что составляло раньше достояние знати», негодует изгнанный мегарский аристократ: «город—тот же, но народ стал иным. Те, что раньше не знали ни закона, ни права, те, которые со своими козьими шкурами на плечах, подобно стаду оленей, паслись за городскими стенами, теперь—благородные. Прежние же благородные стали теперь простолюдинами. Кто может снести подобное зрелище? Изданы невыносимые законы. Стыд исчез, бесстыдство и наглость торжествуют победу и царят в стране. Страна погибла и досталась воронам... Нас постигло страшное бедствие. О, если бы умереть!..» При таком настроении естественно, что Феогнид мечтает о мщении и о том, чтобы напиться черною кровью врагов.

Повсюду, во всех известных случаях народных восстаний во главе восставших народных масс стоит либо торгово-аристократическая фракция в целом, либо отдельные ее представители, личное честолюбие которых побуждало их с целью захвата власти в свои руки переходить за те пределы, на коих останавливалась власть в целом. Эти т. наз. «представители» массы представляли, таким образом, как бы радикальное крыло торговой аристократии, разделявшее в общем те же политические идеалы и воззрения и отличавшиеся от нее только большой энергией и настойчивостью при проведении этих идеалов в жизнь.

Политический кризис VII века завершился в конце концов в большинстве торговых городов победой новых общественных элементов и переходом власти или, точнее, руководящего влияния на дела управления из рук землевладельческой знати в руки торгово-аристократической фракции. Захватить в свои руки руководство всем движением и затем использовать его результаты в своих интересах для торговой аристократии было тем легче, что данный активный элемент движения составляли крестьянские массы; крестьяне же, при своей обычной инертности, косности и разрозненности, способны только на стихийные вспышки, но никак не на длительное участие в политической жизни и в политической борьбе. Поэтому, когда, с одной стороны, господство землевладельческой аристократии было

сокрушено, с другой же стороны, вспышка крестьянского движения стихла, у власти в результате этого и оказалась именно торговая аристократия. Приобретала ли при этом такое руководящее влияние на дела вся торгово-аристократическая фракция в целом, или же отдельные ее представители в лице тиранов,—это, в сущности, мало изменяло положение дела и не имело большого значения.

Первым практическим результатом торжества торговой аристократии было установление новых правовых отношений и кодификация господствующего права, необходимость которой сделалась особенно настоятельной в виду изменившихся экономических и социальных отношений. Прежняя родовая собственность сменилась теперь собственностью личною; рядом с недвижимым имуществом видную роль в экономической жизни начало играть имущество движимое: участившиеся частные сделки и постоянные столкновения интересов, которые должны были возникать при этом, требовали установления известных, точно определенных и общеобязательных правовых норм. Наконец, вообще господствовавшие до тех пор условия родового быта, в частности, напр., институт родовой мести, не только не отвечали новым требованиям жизни, но и находились с ними в прямом противоречии.

Соответственно с этим мы видим всюду, где только победило новое течение среди аристократии, усиленную законодательную работу. Почти в каждом городе сохранилась память о человеке, с именем которого связывалась эта законодательная работа. Вполне последовательно при этом было, что в качестве таких законодателей, обозначаемых обычно специальным термином эсимнетов-посредников, выступали, по преимуществу, лица, выходившие из рядов торговой аристократии.

Из всех этих многочисленных законодательных работ сколько-нибудь полные сведения сохранились лишь относительно законодательства Солона. Законодательство Солона не составляло какого-либо исключения, и анализ его может показать общий характер и общую тенденцию всей законодательной работы этой эпохи. Что законы Солона не были продуктом только его личного творчества, но соответствовали общему духу времени и господствовавшим в современных ему законодательствах течениям, видно уже из того, что он не был даже единоличным создателем афинского законодательства и имел предшественника в лице Дракона.

Принаследжа по роду занятий к среде торговой аристократии,

Солон, естественно, разделял и все его политические идеалы, и из его биографии видно, что он был в то же время и одним из наиболее видных деятелей торгово-аристократической фракции. Наставая на войне с Мегарой и на завоевании Саламина, он действовал, именно, в интересах торгово-аристократической партии и притом в согласии с другим, но более крупным представителем этой партии, Гисистратом. Классовая тенденция в законодательстве Солона очень прозрачна и при внимательном анализе ее не трудно проследить. Неслучайно поэтому, что впоследствии, в эпоху Пелопонесской войны, политическое устройство Солона продолжало оставаться идеалом торгово-аристократического класса.

Первой мерой Солона была так называемая «сисахфия», или сложение долгов. Это была полумера. Требованием народных масс в Аттике, как и повсюду в Греции, был раздел земель, составлявших собственность аристократии, и потому вполне естественно, что полумера Солона, как это признает и он сам, не могла удовлетворить масс крестьянства и не устранила главной причины ее недовольства. Освобождением крестьянства Солон имел в виду, главным образом, подорвать экономическую силу землевладельческой знати.

Реформа государственного устройства достигала той же цели в области политической жизни. Она положила конец исключительному господству землевладельческой аристократии и в то же время, устранив все более демократические элементы от занятия наиболее важных должностей, обеспечивала на будущее время руководящую роль в политике за торгово-аристократической фракцией, и дальнейшая судьба Афин в течение двух последующих столетий лучше всего показывает, насколько успешно Солон выполнил эту задачу.

По взгляду Солона, демос попрежнему нуждался в руководстве общественных верхов, но только эта руководящая роль, согласно его плану, должна была перейти от старой землевладельческой аристократии к аристократии торговой — денежной.

Этой цели и должно было достигнуть государственное устройство, созданное Солоном. Народу были предоставлены некоторые политические права, но лишь в тех ограниченных пределах, какие были допустимы и желательны с точки зрения торговой аристократии. Все население Аттики, по своим политическим правам, разделено было на классы, согласно своему имущественному положению. Установление, именно, земельного ценза вполне понятно, если принять во внимание, что все представители торговой аристократии, к которой

принадлежал Солон, происходя, подобно своим противникам, из старых аристократических родов, были не только крупными торговцами, но одновременно и крупными землевладельцами, и, таким образом, земельный ценз не устранил их от власти. «Словом», как говорит Плутарх,—Солон ввел между гражданами ценз, имея в виду предоставить все высшие должности попрежнему богатым, но в то же время дать некоторую долю участия в правлении народу, который ранее не имел ее». Этим он достигал двух целей. С одной стороны, высшие должности, как и до произведенной им реформы, оставались в руках аристократии, и, таким образом, Солон, говоря его собственными словами, «не обидел ничем тех, кто пользовался влиянием и имел в своих руках большие богатства». С другой же стороны симпатии народного собрания должны были обеспечить занятие этих должностей за представителями торгово-аристократической фракции. Впрочем, с точки зрения торгово-аристократической фракции, и народное собрание являлось слишком ненадежным союзником, чтобы вполне положиться на него, а потому и против него одинаково были приняты специальные меры предосторожности. Ареопаг, учреждение, составлявшееся из лиц, занимавших должность архонтов и вступавших в него по оставлении этой должности, и оставленное Солоном в неизмененном виде, рядом с советом четырехсот, избиравшимся из граждан высших трех классов на основе принадлежности к древним родовым филам, по собственному выражению Солона, должны были служить двумя якорями, удерживавшими народное собрание от нежелательного для солоновой партии направления, какое могло придать его решениям неимущее население, принадлежавшее к четвертому классу фетов.

Параллельно с реформой политического строя Солон предпринял и обширную законодательную работу. Он обратил главное внимание на кодификацию гражданского права. И здесь его целью было прежде всего создать законы, отвечающие новым имущественным положениям и, соответственно этому, предоставляющие более свободы личной инициативе к личному распоряжению имуществом. Из этих законов наибольшее значение имел закон, касавшийся права свободного распоряжения имуществом по завещанию. В досолоновское время все движимое и недвижимое имущество должно было в качестве родовой собственности оставаться в роде умершего. Солон же разрешил людям бездетным завещать свое имущество кому угодно. Солон разработал также впервые обязательственное право и

ввел по гражданским делам апелляцию на решение судей к собранию присяжных — гелиею, избирающейся по жребию из всех граждан старше 30 лет, положив, таким образом, конец господствовавшему до той поры произволу судов, в которых преобладало влияние землевладельческой знати.

Солон не был бы представителем торговой аристократии, если бы не обратил особого внимания на вопросы экономической политики. Подобно законодателям и тиранам других городов, он предпринял ряд мер с целью поднять торговое и промышленное процветание города. Так, упорядочение монетного дела и замена эгинской монетной системы эвбейской, пользовавшейся в Греции гораздо большим распространением, соответствовало расширившимся торговым сношениям Афин. И другие меры Солона в области экономической политики также касались, преимущественно, внешней торговли, или, во всяком случае, прежде всего имели ее в виду. Вывоз естественных продуктов из Аттики, ввиду малой ее плодородности и ввиду недостаточности продуктов сельского хозяйства для прокормления туземного населения, был воспрещен. Исключение составлял только вывоз оливкового масла, успевшего уже к этому времени сделаться одним из главных продуктов афинской торговли.

Солон стремился привлечь в Аттику иностранных ремесленников. Далее, специальный закон имел целью побудить самих афинских граждан к занятию тем или иным ремеслом. «Замечая, что население города увеличивается, — говорит Плутарх, — и видя, кроме того, что область эта никогда не дает урожая и отличается бедностью почвы, между тем, как моряки считают правилом не привозить ничего туда, где они ничего не могут получить в обмен; Солон заставил своих граждан заниматься ремеслом, издав закон, согласно которому сын имеет право отказать отцу в пропитании в том случае, если отец не выучил его какому-либо ремеслу». Приведенные слова показывают, что меры покровительства ремесленной промышленности имели в виду не удовлетворение роста внутреннего потребления (последний был относительно очень незначителен), но прежде всего интерес вывозной торговли.

Законы Солона осуществляли и воплощали в жизнь идеалы не только афинской, но и всей вообще торговой аристократии греческих городов, как в области государственного устройства, так, в особенности, в области гражданского законодательства и в области экономической политики, и мы имеем полное основание предполо-

жить, что законодательная работа, которая происходила в это время по всей Греции, по своему общему характеру более или менее приближалась к законодательству Солона и, во всяком случае, преследовала те же цели, руководясь прежде всего интересами торговой аристократии.

Благодаря популярности, какую успели приобрести в народных массах отдельные «предстатели» из среды торговой аристократии, тирания представляла в эту эпоху еще более чистое явление, нежели эсминетия. Только немногие города избежали ее: При этом большинство тиранов описываемой эпохи происходили из демагогов, и, именно, из демагогов — аристократов. Демагогия была для них только средством к достижению власти, но, за вычетом некоторых демагогических приемов, позволявших им удерживать захваченную власть в своих руках, действительная политика их диктовалась прежде всего интересами того класса, к которому они сами принадлежали, т. е. торговой аристократии.

В Афинах именно Писистрат начал колонизационную деятельность и положил основание афинскому флоту, который, спустя всего пятьдесят лет по смерти Писистрата, стал во главе всех морских сил Греции.

Возникновение тирании в большинстве случаев было равнозначуще победе торговой аристократии, и, как в эпоху господства олигархии, характер правления оставался тем же, независимо от того, стояла ли во главе его группа олигархических родов или отдельные олигархические семьи, так и теперь в сущности мало имело значения, победила ли торгово-аристократическая фракция в целом или в лице отдельных своих представителей.

Значение тирании сводилось к тому, что она расчищала путь для торговой аристократии, которая в большинстве случаев после ее падения и оказывалась у власти. В свою очередь и тирания могла возникнуть уже после победы торговой аристократии и ликвидации исключительного господства землевладельческой знати, как результат неудовлетворенности народных масс половинчатыми реформами законодателей — аристократов. Таково было, например, происхождение тирании Писистрата в Афинах, сумевшего использовать в своих расчетах недовольство беднейшей и наиболее обездоленной части крестьянства — диакриев, что не помешало, однако, Писистрату, как мы видели, проводить в сущности ту же политику, как и предшествовавшие ему руководители торгово-аристократиче-

ской фракции. Он не только оставил в силе конституцию Солона и сохранил с этим последним дружеские отношения, но даже нередко пользовался его советами. Обеспечив свое положение внутри, торговая аристократия отдельных городов стремилась теперь равным образом использовать свое политическое влияние в целях удовлетворения и своих внешнеполитических интересов; в погоне за внешними рынками сосредоточила все свое внимание на вопросах внешней политики, занимаясь внутренней политикой лишь постольку, поскольку это представлялось необходимым для сохранения за нею и впредь руководящего влияния на направление всей политической жизни города. Именно этой борьбой за внешние рынки и обусловились те постоянные усобицы, которые представляют такую характерную особенность всей греческой истории.

С победой новых торгово-аристократических элементов политическая борьба, таким образом, не только не прекратилась, но, наоборот, приняла еще более широкие размеры, перейдя из области внутренней политической жизни отдельных городов в сферу внешнеполитических отношений и образуя с этого времени, наряду с торговым соперничеством, один из наиболее частых поводов для возникновения столкновений между греческими городами. Теперь уже, таким образом, не только население отдельных городов, но и вся Греция разделилась на два противоположные лагеря, аристократический и демократический, из которых первый представлял собою сторонников землевладельческой знати, второй же отстаивал интересы прежде всего торгово-промышленных элементов.

6. Отражение жизни общества VII и VI веков в литературе.

Новые условия экономической, общественной и политической жизни обусловили и новое направление духовной жизни. Богатства, какие стали скопляться у торговой аристократии, стоящей во главе государства, дали основу для пышного развития аристократического искусства и науки. Благодаря обилию средств, в крупных городских торговых центрах могли сосредоточиваться ученые, художники и поэты; только при возможности тратить большие средства могли воздвигаться великолепные здания, собираясь памятники искусства и поэзии.

Эти новые условия жизни определили и новые вкусы. Эпические поэты, слабые подражатели Гомера и Гезиода, не могли удовлетворять новым запросам ума и сердца. Люди начали анализировать свои собственные чувства и мысли, им хотелось обмениваться теми думами, которые были порождены напряженной социально-политической работой, начавшимся научным движением, а также досугом, который получился у многих разбогатевших людей в результате развития промышленности и расширения торговли. Появление демагогов и тиранов вызвало необходимость пропаганды, а борьба между отдельными греческими общинами, сопровождавшая процесс образования нового государственного строя, требовала возбуждения воинственных чувств и местного патриотизма. Нужно было обращаться к мирной массе и к воинам в наиболее доступной и действительной форме, а между тем настоящей прозы еще не было, и поэзия становится средством и законодателя, и военачальника, и философа — моралиста. Писанные законы облекаются в форму стихов дидактической поэзии, военные приказы и призывы превращаются в пламенные воинственные песни. Солон — одновременно и поэт, и законодатель; певец Тиртей ведет спартанцев к победам. Немногие эпохи могут соперничать с VII и VI веками в Греции по разнообразию мотивов поэзии, по глубине и прочности связи между литературою и жизнью. Мы застаем здесь широкую развитую политическую поэзию, отражающую чаяния отдельных общественных групп. В ней слышится и голос обездоленных классов, требующий социальной и политической справедливости и призывающий про克莱тие на голову богачей-аристократов; в ней звучит и голос этих последних. Аристократы, вроде Феогнида, тоже зались новым оружием, стали в ряды пишущей братии, отстаивают свои старые привилегии и изощряют свое остроумие в насмешках над грубыми мужиками, поднимающими голову и требующими себе равного с дворянами места. Далее мы находим образцы воинственной лирики, зовущей на бой, на защиту родины. Военные экспедиции, бывшие в гомеровских поэмах затеями царей, становятся теперь общенародным делом. Граждане, когда-то отвечающие на запросы сильных кратким «да», теперь призваны обстоятельствами к политическому рассуждению, к думам над судьбой государства; во всех классах общества пробуждается сознание своей личности и чувство собственного достоинства, которые в эпосе были свойствами исключительно царей и героев. Поэзия Сафо и Алкея отразила и те

эпикурейские и эротические вкусы, которые развились во многих местах Греции, благодаря свойствам климата, а также под влиянием сближения с изнеженным Востоком, под влиянием тиранов, создавших у себя приюты искусств и утонченных наслаждений, наконец, под влиянием общего роста богатств, вызванного развитием торговли и промышленности. Это эпикурейское направление греческой поэзии иногда переходит границы нормального веселья и отражает ту жажду нездоровых наслаждений, то упоение пороком, которые возникают на почве пресыщения. Этой же эпохе мы обязаны ярким расцветом обличительной и сатирической поэзии. Поэзия должна была вести войну на два фронта: она не только приветствовала новые идеалы, отражала новые вкусы и понятия, ей приходилось вступить в решительную схватку со всеми формами отживающего строя. Наконец, напряженная работа мысли, начавшаяся в эту эпоху выработки нового мировоззрения, была также началом крушения мифологического периода. Во все эпохи человеческий дух стремится уяснить себе связь и причины окружающих нас предметов и наблюдаемых нами явлений. В первобытную эпоху мифы являются единственным средством удовлетворения этой потребности. Но в эпохи высокого умственного развития научное объяснение видимых явлений вытесняет мифическое толкование их. «Тот, кто знает истинную причину видимого движения солнца вокруг земли, уже не будет рассказывать о Гелиосе, который каждое утро восходит на свою огненную колесницу, поднимается по крутой небесной дороге и вечером, спустившись к западу, уходит на покой». В VII и VI веках мы находим уже заметные следы рационализма, начало критического отношения к традиции, попытки рационалистического объяснения мифов и исторических преданий.

Расширение содержания поэзии требовало новых форм. Гекзаметр, монотонно-величавый стих эпоса, не мог вместить всего разнообразия новых чувств и настроений. Требовался более подвижный и изменчивый стих, требовалось разнообразие размеров, в которые могли бы выливаться и пламенный воинственный призыв, и ядовитая сатира, и нежное любовное чувство. Новые поэты создали новые разнообразные размеры: в VII и VI веках гекзаметр уступает свое место элегическим, ямбическим, трахеическим и другим формам стиха. Поэмы Гомера не были забыты: напротив, они распространились теперь по всей Греции, из дворцов аристократии они переселились на улицу; их перестали петь, как встарину, под аккомпанемент

кифары, а читали на площадях и рынках. С другой стороны, не следует думать, что до VII века греки не знали иных размеров, кроме гексаметра. Изменяющиеся размеры, краткие, прерывистые ритмы для веселых поэм, смелый анапест для поэм, певшихся во время войны или процессий, были известны в народе. Но только в VII веке начинается широкое применение новых размеров.

7. Развитие денежного хозяйства и рабской промышленности.

Чтобы судить об основной тенденции экономической и социальной жизни Греции в V и IV веках нам приходится иметь главным образом в виду Афины, так как для Афин мы обладаем наиболее полными данными. Это обилие данных не случайно: в Афинах различные стороны экономической и социальной жизни нашли себе наиболее яркое развитие.

К половине V века в греческой торговле, охватившей чуть ли не весь древний мир, исключительное, почти монопольное положение заняли Афины, как благодаря своему выгодному расположению на перекрестке морских путей с востока на запад и с юга на север, так и еще более благодаря той роли и тому значению, какое Афины успели приобрести в возникшем после отражения персов морском союзе, объединившем почти все крупные торговые города Греции. Торговый расцвет Афин достиг своего апогея в эпоху Пелопонесской войны. Хотя эта война нанесла Афинам удар, от которого они никогда уже вполне не могли оправиться, тем не менее, и по окончании Пелопонесской войны торговая деятельность Афин все же была еще очень значительна. Даже в тяжелое для Афин время, около 400-го года, общий оборот афинской торговли достигал крупной цифры 2.000 талантов и по своим относительным размерам, считая на душу населения, почти равнялся довоенному обороту внешней торговли современных западно-европейских государств. В течение почти всего V столетия Афины являлись главным средоточием всей греческой торговли. «Все, что есть лучшего в Италии, в Сицилии, на Кипре, в Египте, в Ливии, в Понте, в Пелопонезе и в других местах, — все стекается сюда, в Афины, благодаря нашему владычеству на море», с гордостью мог сказать афинянин того времени. В экономической жизни этого времени преобладающее значение получило торговое и товарное обращение, а это имело своим последствием значительное развитие денежного хозяйства и денежных отношений, нуждавшихся для своего осуществления в наличности крупных денежных средств. В степени развития денежного хозяйства

в это время греческие города пошли далее всех других стран и народов древности. Афины же — дальше всех остальных греческих городов. «В большинстве других городов», пишет автор трактата о доходах Аттики, «морские торговцы, за отсутствием на месте денежных знаков, находящихся в обращении, вынуждены бывают обменивать привезенные ими с собой товары на товары же туземного происхождения; у нас же, напротив они могут приобрести в обмен все, чего только ни пожелают и, если они не хотят мены, то могут за свои товары получить одинаково и наличными деньгами».

Естественно, что именно в Афинах, представлявших главный центр как всей греческой торговли, так и монетного дела, и характер частных имуществ под влиянием новых денежно-хозяйственных отношений претерпел наиболее существенные изменения. Здесь постепенно все большее значение приобретали денежные капиталы. Частные имущества, достигавшие нескольких десятков тысяч, даже после пережитого Афинами, в связи с Пелопонесской войной, кризиса, разорившего многих афинян, представляли обычное явление. Имущество же отдельных богатейших афинян, по слухам, быть может, несколько и преувеличенным, достигало ста и даже двухсот талантов. В IV веке, как можно убедиться из многочисленных данных судебных речей, имущество почти всех сколько-нибудь состоятельных людей состоит не только из недвижимой и движимой собственности, но обычно также и из более или менее значительных денежных сумм.

В связи с этим государственное хозяйство, почти вовсе незнакомое предшествовавшей эпохе, теперь развивается в систему, причем оно также уже очень рано испытывает на себе влияние новых денежно-хозяйственных отношений. Прежние системы натуральных податей и повинностей естественно не могли уже удовлетворить всем возникшим потребностям и запросам усложнившейся государственной жизни. Общий рост государственных потребностей и прежде всего необходимость содержания сильного военного флота, многочисленная администрация, жалование должностным лицам и гелиастам, общественные постройки, система денежных раздач народу и, наконец, позднее необходимость содержать наемные войска, взамен приведшего в упадок народного ополчения, все это требовало постоянных и притом заметно и быстро прогрессировавших денежных расходов. В связи же с развитием денежно-хозяйственных отношений обложение и сборы с населения были переведены на деньги. Постоянные и притом важнейшие из доходов Афин, союзные сборы,

с самого начала взимались исключительно в виде денежных взносов, причем общая ежегодная сумма их в течение V столетия возросла с 400 до 1300 талантов, так что к началу Пелопонесской войны, несмотря на огромные государственные расходы эпохи Перикла, афинская союзная казна в Акрополе все еще располагала свободной наличностью, достигавшей 6000 талантов. Незадолго же до того в союзной казне насчитывалось даже до 9000 талантов.

Если данные относительно государственного хозяйства могут служить лишь косвенным показателем того значения, какое успели приобрести в Афинах денежно-хозяйственные отношения, то более прямо и непосредственно о том же свидетельствует и целый ряд таких явлений, как введение в обращение золотой монеты рядом с серебряной, как понижение общей ценности денег и в зависимости от этого повышение цен на все продукты. Но наиболее яркий факт в этом отношении представляет быстрое развитие в Афинах совершенно до того неизвестного банкирского дела.

По мере того, как росли торговые обороты, по мере того, как участие в них начали принимать все более и более широкие круги населения, нужда в денежных капиталах становилась все более настоятельной. Богатства, скоплившиеся прежде в храмах и прежде лежавшие там в течение многих десятков лет, впервые теперь нашли себе применение и были пущены в оборот под проценты. Но и их вскоре оказалось недостаточно. В результате к началу IV столетия образовались банки. Насколько крупную роль играли банки в развитии денежного обращения в Греции, показывает уже одно разнообразие выполнявшихся ими функций: они брали на себя переводы и пересылку денег, производство различных уплат, открывали текущий счет для свободных капиталов, ссужали деньгами как частных лиц, так и городские власти. Рядом с единоличными существовали и акционерные банкирские предприятия. Афины служили центральным денежным рынком для всей Греции, и неудивительно, что увлечение денежной спекуляцией охватило здесь самые широкие круги общества. Многие частные лица отдавали имевшиеся у них свободные капиталы в банк и пользовались за это известными процентами от прибыли. На случай возможного банкротства деньги размещались не в одном, а в нескольких банках. Отец Демосфена, напр., положил 2400 драхм в банк Пасиона, 600 у Пилада, 1600 у Демомела (драхма — 40 довоенных копеек).

Но этот, достигавший крупных размеров, торговый оборот не

имел прочной базы. Афинская торговля, как и вся греческая, была обязана своей широтой не столько вывозу произведений собственной промышленности, не столько своему ввозу вообще, сколько, главным образом, и прежде всего тем посредническим операциям, которые производили купцы, скупая произведения и продукты в одних местах с тем, чтобы перепродавать их в других. Из Пирея выходили пустые суда, по дороге они забирали груз и по пути же сбывали его.

Чем дальше, тем больше потребность в местном производстве для сбыта толкала к интенсивному развитию собственной промышленности. Естественное всего было бы обратиться к местной ремесленной промышленности, но для развития ремесленной и местной промышленности необходим и местный внутренний рынок, а именно, этот последний и не успел развиться в греческих городах в сколько нибудь широких и достаточных размерах даже в эпоху их наивысшего экономического расцвета. Слабое развитие ремесла и сравнительно незначительная роль, какую оно играло в экономической жизни античных городов, сказывалось и в отсутствии в Греции каких-либо следов ремесленного законодательства. Менее развитая и технически слишком низко стоявшая ремесленная промышленность Греции ни качественно, ни количественно, даже при величайшем напряжении, не могла удовлетворять быстро нараставшим требованиям внешнего рынка, и торговый капитал на нее опираться не имел возможности: развитие ремесла очевидным образом отставало по сравнению с быстрыми успехами внешних торговых отношений. При таких условиях, для того, чтобы промышленность могла удовлетворительно справляться с требованиями и запросами местных рынков, приходилось отыскивать иной, ускоренный путь к ее развитию, такой путь мог быть только один — именно путь заимствования. И вот, готовые методы и техника производства берутся с Востока. Рабочие руки также приходилось искать на стороне, так как в городах не только не было сколько-нибудь опытных и пригодных для новых впервые вводимых в Греции отраслей торговли и промышленности ремесленников и рабочих, но и вообще не успел еще образоваться достаточно многочисленный класс пролетариев, которых можно было бы эксплуатировать в качестве наемных рабочих. Вполне естественна была мысль обратиться к приобретению обученных ремеслам рабов.

Во всех больших городах Греции, где промышленность достигла сколько-нибудь значительного развития, рабская мастерская сдела-

лась в конце концов господствующей формой промышленности. Так в числе афинских промышленников, державших рабские мастерские, в документах и литературных памятниках V и IV веков упоминаются портные и фабриканты хламид, фабриканты ламп, фабриканты щитов и вообще оружейники, фабриканты разного рода музыкальных инструментов, лир, флейт, кроватей, обуви, затем ткачи и полотнянщики, позументщики, торговцы паклей, торговцы москательными товарами, парфюмеры и фармацевты, горшечники, корзиночники, наконец мельники, кузнецы, кожевники, также плотники и каменщики. С применением рабского труда мы встречаемся и в области изготовления и росписи художественных ваз. Отличительную особенность рабского производства составляло, между прочим, то обстоятельство, что оно уже очень рано и притом нередко принимает характер и размеры крупного производства. В эпоху же наивысшего развития рабской промышленности в конце V и в IV веке многие рабские мастерские достигали очень значительных для того времени размеров. В Афинах мастерские, в которых было занято по несколько десятков несвободных рабочих, представляли очень частое, чтобы не сказать почти постоянное, явление. В мастерских отца Демосфена, в одной было занято 20, в другой 33 человека. В мастерской щитов, принадлежавшей оратору Лизию и его брату Полемарху работало 120 рабов. Мастерская известного банкира Пасиона, приносившая до 100 мин ежегодного дохода, точно также должна была заключать не менее 100 рабов.

Крайняя дешевизна и многочисленность рабов, постоянно в большом количестве доставлявшихся на рабские рынки, позволяла владельцам мастерских примиряться с малой производительностью рабского труда и делала для них совершенно излишними какие-либо технические усовершенствования. В то же время меньшая обученность и старательность несвободного рабочего, крайне небрежно, а иногда и прямо враждебно обращавшегося с орудиями труда, исключала и самую возможность таких усовершенствований. «Рабочий, говорит Маркс, по меткому выражению древних, только как «орудие, одаренное речью», отличался от животного «орудия, одаренного голосом» и от неодушевленного орудия труда, «орудия немого». Но сам раб дает чувствовать животным и орудиям труда, что он не подобен им, что он—человек. В дурном обращении с ними и в порче их «с любовью», он выражает сознание своего собственного превосходства над ними. Поэтому экономическим принципом этого способа произ-

водства является употребление самых грубых, самых неуклюжих орудий труда, так как вследствие своей неуклюжести они менее подвержены порче». Трудность иметь достаточное число хорошо обученных рабов — специалистов, не допускали и сколько-нибудь значительной степени разделения труда в рабских мастерских. Поэтому известная специализация, уже успевшая до некоторой степени проявиться в свободном греческом ремесле, не получила, как можно было бы ожидать, в крупных рабских мастерских дальнейшего развития, и благодаря этому рабские мастерские древнего мира никогда не превратились и не могли превратиться в мануфактуры в собственном смысле этого слова. Неудивительно, что техника греческой промышленности не развивалась, что древняя Греция не знала специальных орудий производства, и человеческий труд оставался в сущности главнейшим средством производства. Даже помол хлеба, обычно составлявший занятие рабов, до самого позднейшего времени производился исключительно помощью ручных мельниц. Водяные мельницы появились впервые лишь в римскую эпоху, ветреные же совершенно не были известны в древности. Точно также и техника ткацкого дела настолько низко стояла в Греции, что, например, даже древний египетский ткацкий станок был много совершеннее греческого. Последний не подвергался никаким изменениям до эллинистической эпохи, когда египетский станок был заимствован и греками. Таким образом греческая промышленность оказывалась технически отсталой даже по сравнению с техникой производства на древнем Востоке, и причину этого обстоятельства можно именно видеть в том различии условий производительной деятельности в Греции и на Востоке, где, как известно, рабский труд, по крайней мере в промышленности, никогда не занимал такого места, как в Греции.

Таким образом то, что греческая промышленность выигрывала от эксплоатации рабского труда в количестве изготавляемых продуктов, то она теряла в их качестве. Но помимо этого непосредственного разлагающего действия рабство пагубно влияло на греческую промышленность и в другом отношении, задерживая, как мы сейчас увидим, образование внутреннего рынка и создавая вместе с тем самые нездоровые условия для дальнейшего экономического развития.

8. Влияние новых экономических отношений на социальный строй и выступление промышленного класса и пролетариата.

Запросы торговли вызвали к жизни рабскую промышленность и тем определили путь дальнейшего промышленного развития Греции и судьбу свободного ремесленного класса. Вначале рабский труд применялся в промышленности только в силу необходимости, вследствие слабого и недостаточного для обслуживания запросов внешнего рынка развития ремесла. Впоследствии, получив широкое распространение, рабская мастерская сама превратилась в не-преодолимое препятствие для развития ремесленной промышленности. Рабский труд, благодаря своей дешевизне допускавший крайнюю степень эксплоатации рабочей силы раба, вследствие своей сравнительно высокой доходности, быстро распространился и на те отрасли промышленной деятельности, которые не требовали ни специальных знаний, ни даже массового производства и, обслуживаая преимущественно местных потребителей, успели уже сравнительно рано выделиться из сферы натурально-хозяйственного производства и принять ремесленный характер. Борьба с крупными рабскими мастерскими, постепенно распространявшимися на все промышленные отрасли, была не под силу разрозненным и не имевшим прочной организации ремесленникам. Под постоянно висевшей тяжестью конкуренции дешевого рабского труда греческий ремесленник должен был проводить в усиленной работе весь день, вставая с петухами и работая до поздней ночи. Но и при таком почти невероятном труде он едва зарабатывал себе скучное дневное пропитание и никогда не мог быть уверен в завтрашнем дне. «Рабочие-ремесленники, читаем мы у одного современника, надрываются над работой, от одной ночи до другой. При этом, однако, они только-только в состоянии добывать себе необходимые средства пропитания, проводя бессонные ночи в слезах и сетованиях на свою горькую участь». Отдельные меры против использования рабского труда с промышленными целями, равно как и протесты общественного мнения против замены свободного труда рабским, лишавшей многих граждан средств существования, оказывались тоже мало действительными, и в результате в течение V и IV веков большинство ремесленников по крайней мере в городах с наиболее развитой промышленностью опустилось

до положения наемных рабочих и лумпенпролетариев, или в лучшем случае вели полуогодное существование. Чтобы жить сколько-нибудь сносно, масса таких пролетариев и полупролетариев нуждалась в настоящей поддержке со стороны государственной казны и, когда они в 321 году лишились содержания за счет государства, огромное большинство должно было совершенно выселиться из Афин, так как не могло там найти себе занятий или какого-либо заработка.

Влияние торговли и денежного обращения на сельско-хозяйственную жизнь, на положение сельско-хозяйственных классов и их взаимоотношения было не менее существенно. Прежде всего это влияние отразилось на характере эксплуатации земельной собственности и в переходе к более высоким и интенсивным культурам. Подобно всякому имуществу, и на землю стали смотреть, как на доходную статью, стремясь извлечь из нее возможно высокую ренту. И это стремление было тем понятнее, что вообще средний доход с земли был значительно ниже, чем доход с какого-либо иного имущества. В целях извлечения высшего дохода, землевладельцы стремились заменить неблагодарное при неблагоприятных условиях почвы Аттики хлебопашество разведением так называемых «торговых» растений, приносивших более высокие доходы и к тому же лучше произраставших на сухой аттической почве: прежде всего оливковых и фиевых деревьев и виноградников. В конце V века Фукидид утверждал, что земля, служившая раньше только для пропитания, обратилась теперь в источник дохода.

В связи с этим коренным образом должны были измениться и взаимоотношения между сельскими классами. Отношения задолженности массы, приближавшейся к настоящему крепостному праву, которые были отменены еще Солоном, не могли уже и фактически возродиться в Аттике, так как крестьянская аренда, по крайней мере, в том ее виде, в каком она существовала до Солона, теперь должна была совершенно исчезнуть. Крестьянские запашки не могли обеспечить землевладельцу сколько-нибудь значительной ренты, при том же и натуральный оброк теперь в эпоху господства денежно-хозяйственных отношений утратил уже всякое значение. Вместо того, чтобы раздавать землю крестьянам-арендаторам, которые в конце концов обычно оказывались несостоятельными, крупные землевладельцы находили теперь более выгодным самим обрабатывать свои земли с помощью рабов или же разводить на них приносившие

больший доход виноградники и оливковые рощи. Труд рабов заменил теперь прежнюю барщину и оброк, и в то же время владельческие распашки и еще чаще различные культурные насаждения распространились на земли, некогда обрабатывавшиеся полузависимыми крестьянами-арендаторами. Многие частные владения теперь были сплошь покрыты оливковыми рощами.

Заметнее всего влияние новых экономических отношений отразилось на положении беднейших слоев населения, на которые они, главным образом, и легли всею своей тяжестью. Хозяйство мелкого землевладельца и вообще мелкого собственника не обладало ни той устойчивостью, ни той степенью сопротивляемости по отношению к изменившимся условиям экономической жизни, какую выказывало хозяйство более состоятельных граждан, и потому, однажды, будучи втянуто в денежный оборот, они уже не могли возвратиться к старому. В результате мелкий земельный собственник постепенно оказывался все в более затруднительном положении, впадал в долги и, большей частью, в конце концов окончательно разорялся и превращался в настоящего пролетария. Раньше, по словам Исократа, не было афинянина, который сам не прокармливал бы себя и свою семью, тогда как в его время, т. е. в половине IV столетия, большая часть афинского населения терпела крайнюю нужду и не могла обходиться без поддержки со стороны государства. Что в словах Исократа заключалось не одно только реторическое преувеличение, на это мы имеем массу других доказательств и прежде всего почти полное исчезновение среднего класса в Афинах.

Влияние новых экономических отношений не ограничилось только этим, но изменило положение аристократии как родовой, так и торговой, и выдвинуло новые образовавшиеся общественные элементы.

С того времени, как землевладение перестало быть единственной силой и одновременно с этим и средством политического господства, и центр экономической жизни все более перемещался в сторону торгового и денежного капитала, землевладельческий класс, уже утративший в итоге революции VII-го столетия свое прежнее исключительное значение, приходил вместе с этим все в больший и больший упадок. Экономическое развитие V и IV столетий, лишив совершенно родовую аристократию ее прежнего господствующего положения, в конце концов даже устранило ее с арены политической и классовой борьбы.

Но если новые экономические и общественные условия особенно гибельным образом отразились на положении землевладельческого класса, то и торгово-аристократическая фракция точно так же не смогла на долгое время удержать за собою то исключительное и почти монопольное положение, какое занимала она, как мы видели, в эпоху Солона. Перед нивелирующей силой денежного богатства торговая аристократия еще менее, чем землевладельческая, была в состоянии сохранить свой замкнутый аристократический характер. Торговые аристократы должны были, естественно, все более отступать перед вновь возникшим классом денежных капиталистов, видевших в денежных и, в частности, в торговых спекуляциях свою главную профессию. Отдельным представителям торговой аристократии оставалось или совершенно отказаться от всякой конкуренции с новыми общественными элементами и вместе с этим и от всякого, по крайней мере, непосредственного участия в торговле, или в конце концов раствориться в среде людей, не насчитывавших, правда, много предков в своих родословных, но зато насчитывавших много талантов в своих руках. Обладая наименьшей устойчивостью в отношении тяжелых условий экономического кризиса, торгово-аристократические роды вынуждены были вследствие этого отказаться от всякого дальнейшего активного участия в экономической жизни страны. Одновременно с этим они почти совершенно сходят и вообще со страниц истории.

С развитием рабской промышленности и широким ее распространением, рядом с торговой и денежной аристократией вырастает новый класс богатых промышленников - рабовладельцев, выдвинувшихся в своем большинстве из лиц более или менее низкого и, во всяком случае, не аристократического происхождения. В большинстве случаев владельцы рабских мастерских не были даже хотя бы разбогатевшими профессиональными ремесленниками, но банковыми и торговыми дельцами, затрачивавшими более или менее значительные суммы на приобретение приносивших им крупные доходы и тем оправдывавших сделанные затраты мастерских. Это были, таким образом, не столько настоящие ремесленники, сколько капиталисты - рантье, для которых владение рабской мастерской представлялось лишь одним из способов помещения капитала. При этом обыкновенно на приобретение мастерской такие денежные капиталисты не затрачивали даже всего своего капитала или хотя и большой его части. Так, например, Пасион, главную профессию которого

составляло банковое дело, в которое и была положена большая часть его капиталов, счел для себя выгодным сверх того приобрести оружейную мастерскую, приносившую по сто мин ежегодного дохода. Таким же капиталистом-промышленником, очевидно, был и кожевник Клеон, которого Аристофан изображает простым ремесленником. Подобно капиталистам - владельцам рабских мастерских IV века, и относительно отца Клеона мы встречаем прямые указания, что он «имел» рабскую мастерскую, но сам вовсе не был ремесленником в собственном смысле. В то же время из одной надписи мы знаем, что он однажды исполнял даже обязанности хорега, а так как руководство хорегией, как известно, было обычно связано с большими издержками, то отсюда следует, что, помимо мастерской, отец Клеона должен был располагать еще и значительными денежными суммами.

Но как по своему имущественному положению, так, равным образом, и по составу имущества, по крайней мере значительное большинство промышленников - рабовладельцев стояли ближе к денежной аристократии, чем собственно к ремесленникам, частью даже непосредственно примыкали к первой и выходили из ее среды. Близость класса промышленников-рабовладельцев к капиталистическим, в том числе и торговым кругам, выражалась, наконец, также и сходством политической позиции, которую этот класс занял с первых же своих выступлений на политической арене с позицией этих последних. Если рабская промышленность возникла в связи с потребностями и запросами внешнего рынка, вполне естественно поэтому было, что владельцы рабских мастерских не менее, чем собственно торговые круги, заинтересованы были в возможном расширении внешних рынков. Все отличие их позиции от позиции этих последних заключалось почти исключительно в том, что они не только разделяли все империалистические стремления и мечтания торговой и денежной аристократии, но при проведении этих стремлений в жизнь способны были выказывать несравненно большую энергию и настойчивость, так как ни какими-либо традициями, ни общностью интересов в качестве представителей крупного землевладения и вообще решительно ничем не оказывались связанными, подобно торговой аристократии, с консервативными элементами страны.

Почти полное исчезновение средних общественных элементов, совершенное вытеснение старой землевладельческой и торговой знати, выступление новых денежных капиталистов, близких к крупным промышленникам, и одновременно с этим возникновение городского

пролетариата, выросшего за счет ремесленного и крестьянского земледельческого населения—таковы важнейшие социальные последствия, к каким привели изменившиеся условия экономической жизни Греции к началу IV века. Эти изменения в общественной структуре отразились в политической жизни в том, что новые общественные элементы потребовали для себя участия и на политической арене. Теперь мы видим два класса—пролетариев и капиталистов, бедных и богатых.

Чтобы выяснить характер политической жизни и роль в ней обоих классов, нужно посмотреть, что представляли эти два класса. Никогда раньше Греция не знала такого расслоения общества. Между этими классами была резкая противоположность. У капиталиста — утонченные потребности, великолепная одежда, блестящее обставленный дом и множество прислуги, дивные колесницы. «Он выходил, говорит Феофраст, лишь в обеденное время, закутавшись в складки своего плаща, с остриженными по моде волосами, с выхоленными ногтями. Ему стыдно присутствовать на народном собрании, когда подле него сидит какой-нибудь голодный и оборванный. «Одно из двух», срывается с его уст—«или мы, или они должны удалиться».

Совсем иное у многолюдного пролетариата. Лишь самая незначительная часть граждан могла расчитывать на получение каких-либо занятий от частных лиц в качестве поденщиков или, что случалось еще реже, в качестве ремесленных рабочих. Большинство было обречено на голодную смерть, если им на помощь под тем или иным видом не приходило государство. Плата за участие в народном собрании, в суде, введение жалованья должностным лицам—все это в сущности было замаскированной помощью со стороны государственной казны беднейшей части населения. Существовали и прямые, ничем не прикрытые периодические раздачи хлебом и деньгами, но это выпадало не всегда и не всем, да и тем, кому везло, это было далеко недостаточно. «Теперь нуждающихся больше, чем имущих», пишет Искрат. «Бедняки думают только о том, как просуществовать сегодняшний день». «Сколько граждан ждет жребия перед судилищем ради хлеба насущного», чтобы попасть в присяжные и получить плату. Перед ними стоит роковой вопрос—«будут ли они иметь его, этот хлеб, или нет». Бедняки за плату в золотых одеждах участвуют в хорах, а зиму ходят в одежду, которую я описать не могу». Как живут бедняки, изобра-

жает Аристофан в комедии «Богатство»: от холода они ищут убежища в банях, вместо плаща у них—лохмотья, вместо постели—мешок с соломой, полный клопов; вместо ковров—прогнившая плетенка, вместо хлеба питаются они стеблями мальвы, вместо ячменной лепешки — завявшую зеленью редьки, вместо скамьи им служит горло разбитого кувшина, а вместо квашни—бок проломанной бочки.

Государство раскололось как бы надвое, замечает Платон: на бедных и богатых. Эти люди, живущие вместе, были глубоко враждебны друг другу. Ненависть была взаимная. Богачи клялись быть врагами народа и вредить ему всячески. «Богатым легче бросить бы свои сокровища в море, чем отдать его бедным». Бедные твердили, что «богатые все равно, что иноземный неприятель, прирожденные враги бедного человека». Бедные ничего так не желали, как ограбить богатых. Это было, по выражению Платона, два неприятельские лагеря, находившиеся в состоянии открытой или скрытой войны. Чрезвычайно наглядное представление об этом военном положении мы получаем из интересных рассуждений тактика Энея в средине IV века «о защите городов». Автор уделяет защите интересов собственников, которым угрожают социально-революционные козни внутри города, не меньше внимания, чем обороне от внешнего врага:

При таком положении дел неизбежным было развитие ожесточенной классовой борьбы. Типичную картину социальной классовой борьбы представляет революция на Керкире в 427 году. Центральным пунктом действия служит рынок с прилегающими гаванями, тот квартал, где находились наполненные товарами магазины, где вообще сосредоточивались деловые обороты богатого приморского и торгового города. Там жили богатые люди, там находились их дворцы и дома, приносившие доход, на этот центральный пункт, самое сердце ненавистного могущественного капитала, было направлено нападение массы. Эта масса со дня на день усиливалась, благодаря приливу элементов из рядов низших и беднейших граждан, и благодаря присоединению рабов, которые по провозглашении их свободы большую частью примкнули к народу, на стороне народа даже женщины вовлекались в борьбу под влиянием вспыхнувшей социальной страсти. Они храбро принимали участие в битве, бросая из домов кирпичи «и вопреки женской природе сохранили мужество среди ужасов». Мы не знаем, каким образом

массы экономически использовали свою победу, но, вероятно, конечный результат вполне соответствовал тому, что Фукидид повествует о событиях, разыгравшихся в 412 году в Самосе, где в результате народного восстания 200 человек, принадлежавших к высшему классу, было убито, а 600—изгнано, причем их земли и дома были разделены между народом. Подобный же раздел должен был состояться в Керкире. Другой аналогичный случай имел место в 370 году в Аргосе. «Народ в Аргосе», говорит Искократ, «тешился избиением богатых граждан и, устраивая побоище, радуется сильнее, нежели иные радуются, избивая неприятеля». Чернь избила палками в Аргосе более 1000 богатых.

Но до решительной битвы между пролетариатом и капиталистами, до победы, которая доставила бы действительный мир, дело нигде не доходило и не могло дойти. Повсюду торжествовало буржуазное общество. Отчего?

Описанные социальные условия на первый взгляд напоминают эпоху так называемой новой истории жизни европейских народов. Но сходство здесь только наружное: имущественное неравенство, пролетаризация массы населения и скопление значительных богатств в руках немногих. Но по существу большое различие. Античная жизнь была лишена совершенно той развитой промышленности, которая могла бы послужить основанием для дальнейшего экономического развития и сильного промышленного класса, который явился бы в свою очередь носителем и выразителем социально-экономического прогресса. Античный пролетариат, при полном отсутствии в экономической, а, следовательно, и социальной области каких-либо предпосылок и возможности дальнейшего прогресса, не имел ни возможности, ни каких-либо данных для того, чтобы проявить с своей стороны инициативу в качестве наиболее прогрессивного общественного слоя, и тем более выступить подобно современному пролетариату с определенной социально-экономической и политической программой. Поэтому, во все времена существования Греции, низшие классы оставались без собственной классовой программы и неспособны были к проявлению какой-либо политической инициативы: они оставались послушным орудием в руках командующих классов, какими сначала были члены землевладельческих фамилий, потом фамилий торговых и, наконец, крупных капиталистов — промышленников.

Такое различие стоит в зависимости от различия экономиче-

ских условий, в которых слагался социальный строй античного и средневекового города. Если в экономической жизни средневекового города ремесленной промышленности принадлежало почти исключительное место, то соответственно с этим в социально-политическом отношении почти таким же исключительным значением пользовался сильный ремесленный класс, т. е. именно тот класс, который впоследствии послужил основным ядром при образовании так называемого третьего сословия, и вместе с этим, следовательно, за-ключал в себе в зародыше и современные общественные классы. В древней же Греции, где, напротив, в области экономической жизни собственно промышленное развитие отступало на задний план перед доминирующим значением торговли и торговых интересов, это обстоятельство должно было привести к последствиям двоякого рода. Рядом с крайне печальным состоянием ремесла, а вместе с тем и ремесленного класса, который, вместо того, чтобы усиливаться и приобретать растущее значение в общественной жизни, как это было в Средние века, сам находился в состоянии почти полного разложения, с течением времени все с большой силой и отчетливостью выступали другие, еще более характерные признаки и симптомы, какими обычно сопровождается рост товарного и денежного обращения: прежде всего значительная дифференциация населения, образование денежной аристократии и концентрация имущества на одном полюсе общественной жизни и полное соединение и пролетаризация масс на другом. Таким образом если античная жизнь и напоминала чем-либо жизнь современных европейских народов, то только своими отрицательными сторонами, имущественным неравенством и пролетаризацией массы населения, но была лишена положительных явлений этой последней: развитой промышленности и сильного промышленного класса.

9. Изменение в литературе V и IV веков как отражение социально-экономической и политической жизни общества.

Когда развилась греческая торговля и промышленность, разбогатевшие города стали культурными центрами, где воздвигались всякие памятники искусства, процветали театры, кипела умственная жизнь, писали поэты, работали ученые, кругозор которых расширился по сравнению с их предшественниками. Большие города

заменили тиранов в деле покровительства наукам и искусствам. Как и в торговле, и в промышленности в течение V — IV веков Афины затмили все города. Здесь жили и действовали величайшие из греческих поэтов и мыслителей, и если мы до сих пор связывали в своем представлении расцвет греческой цивилизации с жизнью этого города, то в таком традиционном взгляде нет никакого преувеличения. Афины, занимая первое место в торговле и промышленности, давали тон умственной жизни: они играли главную роль в освобождении Греции от персидского нашествия, на них с любовью и надеждой смотрели греческие патриоты,—словом, они стали почти символом общегреческого могущества. В них нашел себе наиболее яркое выражение и тот идеал внутренней жизни, который получил новый источник жизни в освободительных войнах. Это—идеал свободы. Поколение, выросшее под впечатлением персидских войн, всю жизнь лелеяло идеал свободы. Заменивши в области мысли свободным исследованием прежнюю веру в авторитет и стараясь всюду провести разумное право вместо так называемого исторического права, оно и в области политики и знания стремилось уничтожить существовавшие преграды.

Эпоха такого подъема естественно отразилась на поэзии. В это время лирика заканчивала блестящий период своей истории. Она готовилась уступить свое место новому виду поэзии, который скоро сменил ее, как сама лирика за два века перед тем сменила эпос. Но прежде, чем имена Софокла и Эврипида заставили потускнеть образы Сафо и Алкея, греческая лирика вспыхнула последним ярким огнем в лице двух великих поэтов — Симонида и Пиндара. Их по справедливости можно назвать первыми лириками, говорившими всей Греции. Их лирика перешла далеко за грани личных чувств и настроений. Симонид — певец греческой славы, панегирист героев персидской войны, их подвигов на пользу общегреческого дела. Пиндар избрал предметом своих песен прославление богов и победителей на состязаниях во время общественных греческих игр. Биография Симонида любопытна по некоторым интересным подробностям, указывающим на изменения, которым подверглось социальное положение поэта в Греции. Предание говорит, что он был первым греческим поэтом, писавшим за плату, и его талант котировался на рынке, как всякий другой товар. Словом, поэзия стала профессией и средством заработка. Если правда, что Симонид первый стал назначать плату за свои стихи, то он в сущности фор-

мально закрепил то, что фактически существовало и раньше. Тираны ухаживали за поэтами и всевозможными соблазнами привлекали их к своим дворам. Теперь с этих отношений был сброшен покров бескорыстия, и дело велось начистоту. Несомненно, что этот факт является показателем и других изменений в положении поэтов в V веке. Поэт приобрел больше независимости и влияния. Он получил возможность жить не милостями сильных мира сего, а на средства, нажитые собственным трудом и талантом.

Одна эта перемена в положении поэтов может служить показателем того, какие успехи сделал капитализм в V веке в Греции. Натуральное хозяйство почти везде уступило место денежному, все постепенно переводилось на деньги, в том числе и поэтические произведения. Неудивительно, что при новых условиях жизни, вызванных ростом промышленности и торговли после персидских войн, и люди таланта не избегли общей участи: они принуждены были капитализировать свое единственное имущество—дарование: если можно так выразиться, система натурального хозяйства и здесь должна была уступить место денежной системе. Симонид — яркий пример поэта этого нового типа.

Пиндар, подобно Симониду, был поэтом-ремесленником. Он тоже прославлял за плату. Но подобно своему великому современному, он превращал частное в общее, и подвиг героя служил для него только основой, на которой он сплетал богатый венок поэтических дум и глубоких мыслей.

В общем V столетие было концом лирической поэзии. Это был век быстрого и беспримерного расцвета другого вида поэзии—именно драмы. Как в VII и VI столетиях имена эпических поэтов, потомков Гомера и Гесиода, потускнели перед именами Алкея и Сафо, так в V веке подражатели Пиндара и Симонида должны были уступить свое место Софоклу и Эврипиду. Драма пришла на смену лирике так же естественно, как та в свое время сменила эпос, когда в его величавую форму перестали укладываться подвижные чувства и идеи, рожденные новыми общественными отношениями, требованиями и вкусами. В драматической поэзии эллинский творческий гений нашел свое высшее выражение. После персидских войн, в эпоху широкого размаха торговли, настал период расцвета духовных сил Греции. Врашивавшаяся до сих пор более и менее в определенном круге сюжетов, поэзия теперь расправляет свои крылья во всю ширь, глубоко захватывает коренные основы человеческого

духа, изображает все разнообразие человеческих страстей, решает великие нравственные проблемы. Драматическая поэзия, в которой пластика, музыка и слово сочетаются в гармоническое целое, соответствовала расширившимся задачам поэзии гораздо более, чем лирика. В сущности, в хоровой лирике уже таились зародыши драматического действия. Не было еще отдельных действующих лиц и настоящего диалога, но некоторые из форм лирики приближались к первым неопределенным попыткам создать драматическое действие. Уже в делении на строфи и антистрофи скрывались элементы диалога.

Но только с появлением творений Эсхила можно говорить о настоящей греческой трагедии.

Семья, в которой родился Эсхил, принадлежала к одному из древних аристократических родов. Его детство и юность протекли среди внутренней политической борьбы в греческих государствах и среди великой войны. Он считал самой важной задачей поддержание авторитета религии и государства, которые принуждают граждан к законности и справедливости. С таким политическим и этическим консерватизмом у него соединяется глубокое благочестие.

Эсхилу было 60 лет, когда в 468 году с ним выступил на состязание молодой поэт Софокл. Судьи присудили награду молодому поэту. В его лице победил не только даровитый трагик, но торжествовало новое направление. Сын владельца мастерской, Софокл внес в греческую трагедию некоторый реализм. Трагедия теряет у него в значительной степени тот мистический религиозный характер, который носила поэзия Эсхила. Грандиозные сюжеты сменяются более простыми, боги и титаны уступают свое место более человеческим героям. Поэтому трагедия Софокла представляет более интереса в психологическом отношении, чем трагедия Эсхила. Свободомыслие Периклова века, его философский свободный дух, его гуманистическое направление, стремление дать простор свободному проявлению всех сторон человеческой души — все это отразилось у Софокла.

Проводя параллель между собою и своим младшим современником, Эврипидом, Софокл говорил, что он изображает людей, какими они должны быть, а Эврипид — такими, какими они есть. В общем эта фраза правильно определяет основное различие между обоими поэтами. Если Софокла можно назвать романтиком, если его поэзия все еще проникнута возвышенным идеализмом и религиозным чувством, то Эврипид, сын торговки овощами — реалист в пол-

ном смысле этого слова: он окончательно низвел поэзию с неба на землю, ему чуждо благоговение к словам оракула и таинственным законам судьбы, он не избегает, подобно Софоклу, намеков на злобу дня, не исключает из своей жизни житейского и пошлого. Положение современных классов, современные течения современной философской мысли, внешняя политика, наконец политическая и социальная борьба партий — словом, все волнующееся житейское море современности нашло свое отражение в драматической поэзии Эврипида, который был тенденциозным писателем, проповедником новых идей, «сценическим философом». Не следует забывать, что в эту эпоху театр был политическим клубом и газетой. Софокл свято хранил традицию театра — храма, где шла речь о высших вопросах, о таинственных законах судьбы. Эврипид и Аристофан превратили сцену в место политических дебатов и разговоров на злобы дня. Патриотические думы о славе родного города, ведущего тяжелую войну, субъективная оценка событий, движение против крайностей демократии, несомненно существовавшее в кружках просветителей, страстное искалье выхода из социальной и политической борьбы, раздиравшей Афины, словом, все, чем были полны тогдашние умы, — все это отразилось в поэзии Эврипида и Аристофана и ряде других литературных созданий. Аристофан беспощадно осмеивает все стороны новой жизни, но в то же время он сам — сын этой разнузданной эпохи. Несмотря на грубость сатиры, нередко переходящей в фарс и карикатуру, комедии Аристофана остаются драгоценной картиной афинской жизни, благодаря живости изображенных фигур, богатству и обилию ярких бытовых сцен, всестороннему характеру затронутых вопросов. При жгучести социального вопроса, естественно, что Аристофан откликнулся и на него. В комедии «Женщины в народном собрании» Аристофан дает этот отклик. В пьесе женщины берут в свои руки управление государством и устраивают его на новых началах. Государство, надеются они, станет тогда счастливым, не будет ни грабежей, ни завистей, ни налога, ни бедного, ни за-клада имущества: все будет общим достоянием, каждый будет жить на общий счет. При новом порядке не будет воровства — все ведь общее: кто же станет красть свое. Не будет ссор и тяжб. Если кто пожелает плащ, ему добровольно отдадут: из-за чего же ссориться, когда другой еще лучший плащ можно достать из общего склада? Образ жизни для всех будет общий: город составит как бы один дом. Судебные места и портики превращаются в общественные залы,

на ораторских трибунах сосуды с яствами и питьями, на площади—урны с жребиями, но не для избрания присяжных или должностных лиц, а для распределения пирующих по разным помещениям, соразмерно тому, какую кто букву или номер вынет из урны. Словом, афинянам остается только пировать, а работать будут рабы, без которых не обходится и этот новый строй. О новом строе мечтает и Фалес Халкидонский, стоявший за уравнение поземельной собственности, и в таком имущественном равенстве видевший средство против преступлений, так как тогда людям не придется прибегать к ним от холода и голода. Ту же проблему разрешает «Государство» Платона, у которого, по крайней мере, для правителей и стражей-воинов, вводится общность имущества, так как, по его мнению, этим достигается больше цельности и единства и устраняются несогласия и раздоры, вызываемые существованием собственности. О том же говорят напоминающие утопии Томаса Мора и Кампанеллы, утопии — романы Феопомпа о «Земле меропов», «Священная хроника» Евгемера и «Солнечное государство» Ямбула.

10. Эллинистическое общество, его экономический, социальный и политический строй и духовная производительность.

В IV и III веках греческая торговля еще более ширится и ищет себе еще новых путей на суше и на море и завоевывает еще большую территорию. Греки рассыпаются повсюду, они идут вглубь материка, и во II веке греческие купцы доходят до экваториальной Африки и там завязывают оживленные торговые сношения. Торговля проникает в Азию до Индии и Южной Аравии, в Африку—до Эфиопии, и в Европу—до берегов Северного моря. Расцвет торгового обмена ведет к подъему земледелия и промышленности и к распространению денежного хозяйства и на далекие уголки, ранее им не затронутые. Обширное развитие денежного хозяйства требовало увеличения знаков денежного обмена, что вызывало массовую чеканку монеты, золотой, серебряной и медной, требовало дальнейшего развития банковых операций и роста банков. Многие города заводили у себя государственные банки, сдававшиеся иногда на откуп под контролем государства. В Александрии существовал центральный банк, обслуживающий весь Египет, и были специальные банки в областях. Усиление торгового спроса вызывало оживление промышленности и зем-

леделия, увеличивая число мастерских, способствовало росту городов, но слабо затрагивало деревню, общий сельский уклад менялся мало и не столько сельское население поднималось до уровня городского, сколько в городском быту вытеснялись формы сельской жизни. Особенное развитие получили большие города: Александрия в Египте, Антиохия в Сирии, Селевкия на Тигре, Пергам в Малой Азии, Сиракузы в Сицилии. Большие эллинистические города приняли новый вид: правильные улицы, хорошо вымощенные, прекрасная канализация, каменные дома, иногда в несколько этажей, роскошные площади, богатые храмы и обширные общественные здания. В этом развитии городов и промышленности собственная Греция теперь отступала на задний план перед эллинистическими государствами: главным торговыми-промышленным центром становилась Александрия, служившая посредницей для всей торговли между средиземноморскими государствами и Египтом, Эфиопией, Южной Аравией и Индией. Обмен, все возрастающий, предъявлял к труду производителя требование большой производительности, интенсивности и сознательности, и рабский труд, под влиянием конкуренции отдельных мастерских, городов и государств все более и более вытеснялся из производства, в особенности и потому, что он с прекращением подвоза и развитием спроса на рабов все дорожал, тогда как свободный труд, по мере роста городского населения, дешевел. Характерной чертой производства той эпохи является стремление к монополизации. В Египте, напр., такая монополизация была проведена в широких размерах. Государству принадлежало наибольшее количество земли, в его руках сосредоточивалось производство массы натуральных продуктов. Государственная обработка доставляла большие выгоды, причем она пользовалась трудом исключительно свободным, не принудительным, путем прикрепления людей к месту и делу и стеснения свободы передвижения. Но такая монополизация, даже там, где была монархия, вела к ослаблению частной предприимчивости, но не уничтожала ее. В государствах-городах частная инициатива и собственность всегда играли доминирующую роль. Общий подъем промышленности и торговли, развитие земледельческого хозяйства повели к тому, что класс капиталистов рос, увеличивался класс зажиточных и богатых землевладельцев.

Широкий торговый обмен и разнородный социальный состав населения, шедший параллельно с разнородностью национальностей, естественно должен был вызвать в эллинистических государствах,

такую форму правления, которая заключала бы в себе хотя внешнее единство, и которая издавна была привычна для большинства населения на Востоке. Такой формой была абсолютная монархия. К ней была подготовлена и культурная часть греческого населения после того, как начиная с IV века явилась жажда сильной власти, которая еще до появления Александра многим представлялась в виде монархии. Задача, которую должны были выполнить эллинистические властители, состояла в том, чтобы приспособить монархические начала к политическому быту, как эллинского, так и местного населения. С абсолютной монархией надлежало совместить те принципы, которые свойственны были греческому государству — городу: нужно было и государству — городу дать определенное место и роль в жизни эллинистических монархий. Достигалось это различными способами: или город, так было в Египте, как политическая единица, совершенно устранился из жизни государства и имел значение только в социальном, экономическом и культурном отношении; или, что мы видим в Сирии и Малой Азии, город играл роль административной, самоуправляющейся единицы; или, наконец, город служил центром, объединявшим около себя государство, как это было в Пергаме и Сиракузах. Были попытки совершенно устранить монархическое начало и построить сильное государство на федеративных началах (Ахейский и Этолийский союзы в Греции, союз Ликийских городов в Малой Азии), но эти попытки не могли устоять против победоносного шествия монархизма.

Изменившийся строй хозяйственной, социальной и политической жизни вызвал перемену и в жизни духовной. Люди, которым теперь открылись новые миры и новые горизонты, не могли оставаться «греками» в старом значении этого слова. Новая эллинистическая культура повела к нивелированию сначала в области языка, который стал общим, затем в области права, которое сделалось международным. Выше отдельных племен и наций стоит новое мировое царство, над отдельными странами и государствами возвышается вселенная. Те большие катастрофы, которыми ознаменовалась история эллинизма, те новые формы, которые приняла общественно-экономическая жизнь,—все это перемешало прежние перегородки и уничтожило их. Грек ранее никогда не мог примириться с мыслью, что варвар такой же человек, как и грек: он был убежден, что сама природа создала варваров рабами, греков — господами. Но уже в конце III века это разделение на рабов и господ стало исчезать из

сознания: людей нужно рассматривать не потому или иному расовому происхождению, а по их нравственным качествам. Космополитические настроения — первая отличительная черта эллинистической эпохи.

Великие политические изменения и потрясения подействовали возбуждающим образом и на вялую массу и побуждали всех увлеченных в круговорот новым движением к напряжению всех сил. Эллинистическая эпоха — время, когда люди жили повышенной жизнью, отдаваясь лихорадочной деятельности, когда человеческая личность в борьбе за существование имела полную возможность энергично проявлять свою волю. Свободное развитие и ясное выявление личности, поскольку оно нашло свое выражение в верхних слоях общества, является общим симптомом индивидуалистического направления всей эпохи.

Человек, как таковой, связанный до сих пор крепкими узами с своим государством — городом, дававшим его жизни свои цели и свое направление, почувствовал себя более свободным в применении своих сил, которые ранее почти исключительно отдавались на служение государству. Индивид получил теперь свободу, мог жить сам для себя. Если он не склонен был вести замкнутую жизнь исключительно для себя, для своей деятельности, теперь он мог найти широкое применение. Те задачи, которые прежде возлагались на граждан государством — городом, теперь не в состоянии были удовлетворять личного честолюбия. Новые условия звали человека за пределы города — государства туда, где бьет жизнь ключем. Для эллинистической эпохи является характерным, что большая часть выдающихся сил практических, политических, литературных, ученых покидают свою родину и ищут новых мест, где они могли бы широко развернуть свою деятельность. Политическое честолюбие толкало некоторых искать себе службы в рядах предводителей наемных войск, других манила чиновничья или дипломатическая карьера, третьи обращались к занятиям торговлей или промышленностью. Огромная толпа переселенцев устремляется теперь на Восток преимущественно во вновь основанные города.

Богатство и досуг освободили много сил для литературных занятий. Литература становится силою, с которой считаются эллинистические монархи, которая оказывает свое влияние и на общественное мнение. Не малое число писателей подражали корифеям классической литературы, но произведения их возбуждали гораздо

меньший интерес, чем литература собственно эллинистическая, ставшая в большую и более интимную близость с окружающей средой и природой. Среди жанров эллинистической литературы буколическая и идиллическая поэзия пользуется особенным успехом. Обыденная жизнь проникает и в прозаическую новеллу. Роман сближается с историей, история сближается с романом. Черты реализма присущи памятникам изящной литературы эллинистической эпохи, хотя бы, напр., комедиям Менандра, буколической поэзии Феокрита, бытовым картинам Гереида, характеристикам Феофраста,—этим нашим главным источникам для знакомства с бытовою историей эпохи, дополнением к которому служат произведения изобразительного искусства, воспроизводящие с неподражаемым реализмом обыденную жизнь.

Те богатства и тот блеск, которые наполняли дворы, должны были неминуемо вызвать оживленную художественную деятельность. Она сосредоточивается, главным образом, во вновь возникших городах — столицах эллинистического мира, куда стекаются греческие художники в большом количестве. И в области изобразительных искусств наблюдаются те же явления, что и в литературе. Как классические авторы в литературе, так копии и подражания знаменитых статуй, картин и даже зданий украшают эллинистические города. Творимое искусство продолжает эволюцию различных направлений предшествующего не только V и IV веков, но и архаического, что ведет к созданию так называемого архаистического стиля, подражающего архаическому. Наряду с этим развивается в искусстве особенно заметно реалистическое направление: сцены из повседневной жизни, иллюзионистические пейзажи и стенные декорации дают намеки на действительность. В архитектуре царит с одной стороны шаблон и синкретизм форм, с другой — страсть к эффектам, грандиозности и необычайной комбинации обыденных мотивов. Художественная промышленность процветала: изготавлялась масса терракотовых и бронзовых статуэток; расписные от руки вазы заменились фабричной штамповкой посудой. Развилось широкое производство металлической посуды, достигавшей иногда большого мастерства в выполнении.

Широко развивается и ученая деятельность. Уже Платон и в особенности Аристотель придали ей известную организованность и планомерность. По инициативе ученика Аристотеля, Димитрия Фалерского, в Александрии основаны были впервые государственные институты для разработки различных научных дисциплин, заклю-

чавшие в себе библиотеки и музей, снабженный богатыми средствами. В этих институтах объединялись для производства общей научной работы. Выставленное философскими школами Платона и Аристотеля требование, в силу которого одной из главнейших задач государства является политическое образование его граждан, во многом способствовало процветанию научной деятельности. Уже ученики Платона и Аристотеля сделали по сравнению со своими учителями значительный шаг вперед в том, что они признали необходимым не только общее знание мудрости, но и специальных знаний в отдельных научных отраслях. В эллинистическую эпоху эта специализация знаний стала выдвигаться еще более настойчивым образом. Прежде всего обособились от философии естественные науки, затем и остальные, в том числе математика, астрономия, механика, оптика, медицина, география. В III веке точные науки стояли в Александрии на большой высоте, с этим шло рука об руку развитие наук филологических, изучение языка и истории литературы. В некоторых науках, например, в истории и географии, ученые становятся на мировую точку зрения, которая теперь оттесняет на задний план прежнюю национальную. В общий обиход входит сравнительный метод, например, в этнографии. Широкое поле деятельности отводится для эмпиризма. Особое развитие приобретает применение научных открытий и научного метода к обыденной жизни в области техники. Развившаяся фабрикация бумаги и пергамента давала книге самое широкое распространение, а мировая торговля рассыпала продукты ученой деятельности по всем культурным центрам. Наука, таким образом, становится ближе к жизни и вместе с тем все более разветвляется на различные отрасли и специализируется. С жизнью же все более и более сближается и изящная литература. Связь с жизнью сказывалась с особенной определенностью в философских системах, в которых на первый план выдвигались интересы практической этики, построенные на строго индивидуалистических началах, проповедующих необходимость предоставить свободное развитие индивиду, освободить его от прежней связи с государством, дать ему независимое положение в общественной жизни.

Широкая литературная продуктивность, распространение образования повели к тому, что было обращено серьезное внимание на лучшую постановку дела и элементарного школьного образования и связанной с ним педагогической литературы. В общем нужно подчеркнуть, что с эллинистической эпохи вступают между собой

в тесное общение наука и школа, а это ведет к повышению умственного развития всего общества.

Таковы отличительные черты эллинизма, свойственные, главным образом, восточной его половине. Сицилия, Галльская Массилия, некоторые города в Испании являются, хотя и в менее значительной степени, проводниками эллинизма на Западе. Были попытки объединить и западное эллинство в одно государство эллинистического типа. Особенно задачу эту преследовали сиракузские тираны, но в своих попытках они встретили серьезное сопротивление, сначала со стороны Карфагена, а затем, и главным образом, Рима. Рим, приняв эллинизм, явился проводником эллинизма на Западе.

RIM. Борьба классов в эпоху натурального хозяйства и перехода к денежному хозяйству.

Рим.

11. Борьба классов в эпоху натурального хозяйства и перехода к денежному хозяйству.

Приблизительно около пятого века до христианского летоисчисления среди высоких культур средиземноморья, греческой, ливио-финикской, этруской, южно-италийской, сицилийской и других на Аппенинском полуострове по среднему течению реки Тибра подымается полуварварская община латинов. Сначала незначительная молодая латинская (она же и римская) община, с ростом населения и усилением земельного голода все решительнее обороняется и планомерно наступает на соседние общины. Ее успехи растут и развиваются тем быстрее, чем больше разлагаются соседние культурные государства—Великая Греция, Сицилия, Этрурия и Карфаген.

Как форма поселений, так и политическая форма итальянских народностей определилась природой страны и отношениями к соседям. Частые набеги соседей, вызвавшие концентрацию поселка и обусловившие возникновение городов, требовали также и сосредоточения военного командования в одних твердых руках. Таким образом у латинов и других племен в очень раннюю эпоху появляются полководцы—цари, первое время выборные.

Выделение царской власти и сосредоточение командования, а тем самым на первых порах суда и жречества в одних руках предполагает наличие аристократии, так как одному лицу без ближайших сотрудников и помощников даже в древнейшую эпоху нельзя было обойтись. К числу аристократии и «лучших людей» принадлежали и посредники между богами и людьми, жрецы, влияние которых в Риме было очень велико. Социальное расслоение совершилось, и оно обусловливалось экономическим неравенством.

Земля, основа хозяйственной жизни этого периода, была доступна не всем одинаково. Теоретически, на словах, завоеванная территория, находившаяся в общем владении, фактически принадлежала царскому дому, светской и духовной аристократии; ибо только аристократ, богач, мог приобрести общественное поле, его обработать и на него выгнать скот. Напротив, простой крестьянин принужден был довольствоваться усадебным наделом менее одной десятины. Право на общественное поле для огромного большинства граждан римской общины оставалось понятием без конкретного содержания, просто пустым звуком. Римские археологи и государствоведы, занимавшиеся римской стариной, говорят о наделах землей «по достоинству», упоминают о «царском поле», о «землях жрецов», так как земли покоренных соседей вместе с живым и мертвым инвентарем попадали, главным образом, в руки богатых и знатных.

Подчинение врагов силой оружия и конфискация части, обычно трети, их территории вызвало на свет класс плебеев. Из плебеев, в огромной массе крестьян, сидевших на прежних своих землях и плативших государству ценз, образовался класс клиентов, крепостных римских патрициев. История первых веков римской общины наполнена ожесточенной борьбой патрициев, принадлежавших к родовой аристократии, с плебеями, т. е. крепостными или полукрепостными крестьянами, арендаторами их земель.

Так экономическое неравенство, усиленное войной и порабощением побежденных народов, уже в самую раннюю эпоху римской общины создало резкую классовую дифференциацию и с самого начала на почве малоземелья определенно выдвинуло аграрный вопрос, красной нитью проходящий через всю римскую историю и определяющий ее основное содержание.

Постепенное расширение римской территории, последовательное увеличение и удлинение военных экспедиций вызывают и соответствующие изменения во взаимоотношениях патрициев и плебеев. В конечном итоге плебеи из состояния крепостной зависимости переходят к свободному состоянию и достигают важных улучшений в своем правовом положении. Успехи во внешней политике сопровождаются соответствующими изменениями в отношениях между патрициями и плебеями. Сильный удар патрицианско-родовому строю был нанесен в половине V века — учреждением или реформой округов, разрядившей компактные ряды родовой аристократии. Каждый

житель по этой реформе приписывался к своему округу, трибе, одинаково, аристократы или плебеи, и, следовательно, патриции теперь растворялись в массе плебеев. Во главе вновь образованных четырех городских триб стояли эзарные трибуны и сельские окружные старосты, кураторы. Эзарные трибуны и кураторы являлись главным образом финансово-административными чиновниками. Поставка рекрут и сбор военного налога, взимавшегося поимущественно, производился под их ответственностью.

Дальнейшим этапом в развитии римской общины было введение имущественного ценза. Плебеи, раньше служившие в вспомогательных отрядах, с этого времени допускаются в ряды регулярного войска, легионы, и привлекаются к платежу военного налога. Одним словом, теперь с правовой точки зрения плебс в некоторых отношениях приравнивается к патрициям, ибо верховным суверенным органом власти римской общины является весь вооруженный народ, голосующий за городом, на Марсовом поле, по сотням, центуриям; но в зависимости от степени материального обеспечения более крупные землевладельцы и скотоводы имеют за собой большинство центурий, что дает им перевес при голосовании и определяющее положение в общине.

На этом дело не остановилось: вскоре плебеи добиваются права апелляции на магистратов, выбирающихся из патрициев, к народному собранию, так называемой провокации. Затем патриции соглашаются на дарование плебеям особых, выбираемых из плебейской же среды, ходатаев, лично неприкословенных народных трибунов. Далее ограничивается право консулов налагать штрафы. Наконец, через три года комиссия из десяти фиксирует обычное право, вырезав общие нормы права на двенадцати бронзовых или деревянных досках и выставив их к всенародному сведению на форуме. Законы XII таблиц предполагают уже свободное крестьянство, широкое развитие института частной собственности и ослабление родовых связей. Несмотря на драконовскую жестокость XII таблиц, тем не менее они знаменуют существенный прогресс в деле развития римской гражданственности. Закон (Канулея) о браках, разрешивший брак патрициев с плебеями, в главных чертах заканчивает серию законов «царского периода» истории римской общины.

Агрессивным поведением патрицианской аристократии, принужденной все-таки пойти на некоторые уступки, ненавистью плебеев к патрициям и их тяжелым материальным положением, явив-

шимся как следствие экономического кризиса при смене форм натурального хозяйства денежным, неоднократно пытались воспользоваться некоторые энергичные и честолюбивые люди, думавшие, опираясь на вооруженный народ, произвести реставрацию царской власти по традиции, отмененной в конце VI века. Средством привлечения плебса служило обещание наделения землей, что должно было особенно импонировать малоземельным плебеям. Но все эти попытки согласно традиции, окончились неудачей.

Процесс внутренней трансформации римской общины со всей силой продолжается и в III столетии. Основной движущей пружиной общественно-политического развития попрежнему остается экономически-правовая рознь между патрициями и плебеями. Экономический, главным образом, аграрный кризис по старому разрешается высылкой колонов в завоеванные области и социальный — расширением сферы правового влияния плебса. В 300 г. плебеи добиваются уже высших жреческих должностей, которыми так дорожили патриции, понтификата и авгура. В 287 году после вооруженной сецессии плебса плебисциты получают силу общегосударственного закона. Наконец вырываются из рук патрицианской знати и опубликовываются формулы судопроизводства, и выставляется для всеобщего сведения календарь, имевший большое значение в жизни римлянина.

В конечном итоге, разница между патрициями и плебеями, покоившаяся в значительной мере на родовой племенной основе, исчезает, и на ее месте выступает новое расслоение римского общества по преимуществу на основе богатства, растущего в связи с развитием денежного хозяйства и торговли. Богатые плебеи теперь отходят к патрициям, а бедные патриции опускаются до уровня плебеев. Является вновь сложившаяся имущественная аристократия, так называемый нобилитет.

Образование и рост нобилитета, как имущественной аристократии, толкает римскую общину на путь дальнейших территориальных приобретений и эксплуатации вновь завоеванных территорий, провинций. Столкновением торговых интересов римского нобилитета и плутократически-олигархической республики Карфагена и открывается период жизни римского общества, который с некоторыми оговорками может быть назван империалистическим периодом. Он охватывает III, II и I столетия дохристианской эры.

12. Жизнь римского общества в эпоху развития денежного хозяйства.

До половины III столетия вся римская жизнь сосредоточивалась в Италии. В течение второй половины III века и в течение всего II и I веков империалистическое устремление Рима постепенно подчиняет себе широкий круг земель — Сирию на востоке, Британию и Галлию на западе, Карфаген и Египет на юге.

Выход римлян за пределы Италии и подчинение своей власти или влиянию торговых конкурентов на западе, востоке и юге произвели революцию в самом государстве победителей. В Рим и в Италию нахлынули огромные по тому времени богатства. Завоевания прежде всего сопровождались наложением контрибуций и захватом добычи; уже первая пуническая война дала римлянам 120000 серебряных талантов и 200.000 ежегодной контрибуции. Но это было только начало. В 207 году Клавдий Нерон и Ливий Салинатор дали каждому солдату по 56 ассов и вложили в кассу 3.000.000 сестерций, около 630 т. франков, и 80 тысяч меди; в 200 году проконсул Лентул при возвращении из Испании вложил в государственное казначейство 4 тысячи серебра, 2450 фунтов золота. Претор Фурий привез из Галлии 320 фунтов меди и 170 тысяч фунтов серебра. В 198 году Корнелий из Галлии привез в Рим 237½ тысячи меди и 79 тысяч серебра. В 195 году Марцелл награбил 320 тысяч фунтов меди и 234 тысячи фунтов серебряной монеты, в 194 году Катон из Испании доставил в Рим 25 тысяч фунтов серебра в слитках, 123 фунта чеканной монеты, 1400 фунтов золота; победитель царя Персея Павел Эмилий в 167 году привез в «столицу мира» 250 телег, нагруженных картинами, статуями, оружием, касками, панцирями. 750 ваз при этом были наполнены серебряной монетой и 77 ваз золотой, что в совокупности, по оценке аниалиста Валерия Анциата, составляло золотую и серебряную добычу в 12 миллионов сестерций, т. е. приблизительно 25.000.000 франков. Приведенный реестр добычи может быть без труда значительно увеличен.

Прилив иностранных капиталов и нахлынувшие в Италию толпы рабов, — на главном международном рынке по торговле и покупке рабов, Делосе, ежедневно продавалось и покупалось по де-

сяти тысяч невольников, — произвели прежде всего коренной переворот в аграрных отношениях в самой Италии и провинциях.

Самым сильным и страшным врагом свободного среднего и мелкого землевладельца-крестьянина являлся дешевый труд рабов, разлагавший итальянскую деревню в физическом и нравственном отношениях. Крестьянин, не могший конкурировать с плантационным рабским хозяйством капиталиста, впадал в долги, бросал насиженный участок, уходил в город. Правда, в последнее время европейские ученые старались преуменьшить численность и влияние рабского хозяйства в эпоху республики и империи. Но как ни осторумны в этом отношении доводы Эдуарда Мейера, все-таки факты говорят сами за себя. Так, известно, например, что еще в начале империалистического периода, в III веке до Р. Хр., непосредственно после осады Тарента (209) было продано в рабство тридцать тысяч человек; в сардинскую войну было захвачено около восьмидесяти тысяч рабов, а поражение царя Персея стоило существования семидесяти эпирских городов. Приведенные примеры отнюдь не исключение, а скорее правило. Содержание рабов господину, собственно говоря, ничего не стоило, так как с молчаливого согласия владельца рабы толпами бродили по дорогам и деревням, промышляя разбоем и воровством; содержание же рабов, помещенных в экономиях, как это видно из книги Катона, низводилось в полном смысле до минимума существования. Из года в год повторявшиеся восстания рабов страшным образом потрясали сельское хозяйство и мало способствовали переходу к более интенсивным формам сельскохозяйственной культуры. Поэтому пастушеское хозяйство всего более соответствовало хозяйственным интересам того времени. Невольническая война в Сицилии (143—129), перекинувшаяся в южную и среднюю Италию, стоила жизни многих тысяч рабов (при одной осаде Тавромения пало двадцать тысяч рабов) и на долгое время расстроила сельское хозяйство в Сицилии. В большей или меньшей мере события, имевшие место в Сицилии во II веке, повторялись и в других частях обширной римской державы: в Аттике, Пергаме и др. Мелкое и среднее свободное крестьянство, не располагавшее необходимыми капиталами и не могшее применить улучшенных способов культуры земли, заметно начинает вытесняться крупным капиталистом, помещиком. Выкачанные же из провинций капиталы находят естественное применение в деревне. Занятие сельским хозяйством, рационально поставленная практика по преимуществу

высших видов сельско-хозяйственной культуры, — разведение винограда, оливковые посадки, фруктовые деревья и т. п., — обеспечивавшие значительный и правильный доход, привлекают взоры и внимание римского капиталиста. Вторжение капитала в деревню и революция, произведенная капиталом на местах, как в зеркале отразились в известном сочинении М. П. Катона, «строгого цензора», «О сельском хозяйстве», написанном во второй половине II столетия до Р. Хр.

Проникший и развивающийся в деревне капитал и начавшаяся конкуренция привозного заморского хлеба — сицилийского, африканского и египетского — сбивали цену на итальянских рынках и создавали для мелкого и среднего землевладельца совершенно невозможные условия конкуренции, с одной стороны, с помещиком-капиталистом, с другой — с дешевым привозным хлебом. Цена на хлеб на местных рынках Италии была настолько низка, что она почти исключала всякую возможность прибыльного занятия земледелием вообще; наоборот, культура винограда, оливы и фруктовых деревьев, доступная только людям богатым, приносила в то время высокую прибыль. Этим обстоятельством и надо объяснять чрезвычайно быстрый рост населения итальянского города и, конечно, прежде всего Рима за счет деревни, наблюдавшийся во II и последующих веках до и после Р. Хр.

С головокружительной быстротой развившаяся специфически городская культура и скоро вошедшая в широкий обиход практика всякого рода кормления и подачек со стороны полководцев, соискателей высших государственных должностей, реформаторов вроде братьев Гракхов, манили в город жителя деревни, выставляя на вид все прелести городской шумной и праздной жизни, сравнительно с трудовой и полной всевозможных лишений жизнью в деревне. Известно, что цензоры Т. Кв. Фламининин, М. К. Марцелл и М. Э. Лепид едва успевали заносить в гражданские списки новых пришельцев и соответственно с этим расширять избирательное право с целью навербовать новых сторонников империализма.

Нахлынувшие богатства изменили и духовную и внешнюю жизнь римского общества. Колossalные по тому времени капиталы и баснословные барыши прежде всего вызвали дух спекуляции и наживы, давали возможность повысить требования комфорта и житейского удобства и давали средства к накоплению духовных ценностей, позволяли постепенно приобщаться грубому полуварвар-

скому римскому обществу к высокой эллинистической и эллинской культуре.

Веяния новой жизни дают себя чувствовать особенно резко в обыденной, повседневной жизни, кухне, костюме, в семейных отношениях и т. п. Роскошь стола, дорогие вина, пестрые восточные костюмы, вавилонские ковры, красивые рабыни и мальчики завоевывают прочное место в римском обществе; увлечения играми, гладиаторскими боями, травля зверей—любимые потехи и услады римлян последующих веков—возникают и развиваются именно в этот период, т. е. во время и после пунических войн. Наконец, появляется склонность молодого поколения к восточным оргиям. Мероприятия правительства, старавшегося задержать естественный процесс, оказываются тщетными. Цензор Катон, напр., в 184 году облагает высоким налогом предметы роскоши, в 181 году издается специальный закон против кутежей; несколько позже — закон против оргий и расточительности стола. В 186 году ведется строжайшее расследование по громкому делу об участии в оргиях в честь привезенной с востока матери богов, Кибеллы. Семь тысяч, очевидно, наиболее рьяных соучастников приговариваются к смертной казни, а лет через шесть — возникает новый подобного же рода процесс, стоивший жизни трем тысячам граждан. Само собой разумеется, правительственные мероприятия оказывают едва заметное влияние. С каждым днем становится все яснее и яснее, что начавшейся глубочайшей революции во всех сферах материальной и духовной жизни и умирания всего старого уклада нельзя было остановить ни эдиктами, ни казнями. Зашатались, наконец, и вековые устои римской патриархальной семьи, над пресловутой, прежде священной «властью отца» теперь открыто издевались. С головокружительной быстротой развивается женская эмансипация. Новая культура, новый уклад и темп жизни изменили и самый тип итальянской расы, чистота расы потерялась: образовалась бесформенная масса людей. Родовой аристократии предстояла перспектива или приспособляться к новым условиям, или же обречь себя на вымирание и постепенное захирение. Когда-то гордые, чопорные Элии, Фабриции, Лусцины теперь влачили полуниценское существование.

Древний порядок и дисциплина в сфере военной и гражданской прогрессивно исчезают. Знатная молодежь изобретала всевозможные средства ускользнуть от военной службы, да и самая — то военная жизнь, суровая прежде, резко изменилась: сплошь и рядом

командный состав боялся своих подчиненных, опирающихся на связи и родство с богатыми и влиятельными гражданами.

Наряду с этими изменениями, вызванными ростом империализма, происходит трансформация психики. Во главе культурного общества, ставшегося перенести на римскую почву греко-эллинистическую образованность, стояла фамилия Сципионов, особенно нажившихся и выдвинувшихся в первые годы империализма. Появляется и быстро развивается страсть к изучению греческого языка, литературы и даже философии. Друг Публия Корнелия и Сципиона Африканского — Лелий, пишет мемуары о событиях в Африке и Италии, очевидцем которых он был сам. Внук Сципиона Африканского Сципион Назика на греческом языке описал войну против Персея, сына Филиппа Македонского. К горячим и широким сторонникам и ревнителям греко-эллинистической культуры принадлежал и знаменитый Фламинин. «Строгий цензор» Катон, представитель другого направления и человек иного склада характера, хотя и одобрял осуждение Сократа, как безбожника, революционера и болтуна, и предписывал своему сыну Марку остерегаться греческой философии, тем не менее широкой рукой пользовался греческими источниками при составлении своих записок по медицине, сельскому хозяйству и военному искусству. Двойственность отношений к новым веяниям, отмеченная у Катона, проходит красною нитью через все римское общество II столетия. Слишком велики и непонятны были изменения, чтобы человек мог твердо и решительно перейти в лагерь принципиальных врагов или сторонников новых течений.

13. Аграрный вопрос в II и I веках.

Распыление мелкого и среднего крестьянства, главного поставщика воинских резервов, грозило серьезными последствиями для империалистически настроенных круговnobилитета, базировавшегося прежде всего на крепости и твердости «железных легионов», рекрутировавшихся как раз среди мелких землевладельцев. Поэтому, в полном согласии с идеями империалистического круга Сципионов, народный трибунал Тиберий Гракх предлагал народу, и сенату по возможности задержать прогрессированное разорение крестьян-

ства, чтобы сохранить старые нравы и дисциплину войска. Таковы основные пункты реформистской программы Гракха, некоторыми своими сторонами напоминающей социально-экономические требования умеренно-либеральных партий Западной Европы второй половины XIX века.

Тиберий Гракх, поддержаный некоторыми членами сципионовского круга — Сцеволой и Лелием, в 133 году выступил с обширным проектом аграрных преобразований. Тиберию Гракху без большого труда удалось добиться санкции народного собрания и даже приступить к осуществлению проекта. Не нарушая юридической основы частной собственности, Гракх проектировал взять в казну излишek государственно-общинной земли, оставил владельцам оккупированных участков имения, в общей сложности не превышавшие тысячи югеров; излишek же казенной земли передать в собственность государства и распределить между неимущими и малоимущими римлянами, затем латинами и союзниками небольшими участками, по тридцать югеров каждый, без права передачи. За произведенные мелиорации и образцовые хозяйства собственники римляне получают вознаграждение от казны. Но реализация гракховского проекта, порученная специальной коллегии из трех лиц, встретила неожиданные трудности. Бешеная оппозиция со стороны высшего правительенного органа — сената, представлявшего интересы крупных земельных собственников, фиктивная продажа земель, естественная обида и жалобы затронутых в своих интересах союзников до крайности сгостили общественную атмосферу, в которой пришлось работать триумвирам аграрной комиссии. Однако, несмотря на все эти затруднения, аграрная реформа Тиберия Гракха дала свой благоприятный, с точки зрения империалистических кругов, результат. Перепись 125 года показала значительный прирост населения (394000) сравнительно с предшествующим цензом 131 года (139000). Смерть реформатора, сраженного партией сената, на время задержала начатую реформу. Тем не менее уже в 125 году, в среде самой правящей землевладельческой олигархии, образовался раскол, а через десять, приблизительно, лет брат Тиберия Гай Гракх предложил целый ряд реформ, в конечном итоге опять таки сводившихся к воссозданию среднего крестьянина-легионера. Приведением хлебного, военного, сокращавшего и облегчавшего службу, судебного и других законов Гаю удалось, во-первых, бросить, как он выражался, меч и кинжалы между классами общества и, во-

вторых, привлечь на свою сторону городскую массу и, наконец, новой реорганизацией суда подкупить римскую буржуазию — всадников и поссорить ее с сенаторами. Однако партия крупных аграриев, искусно воспользовавшись одной рискованной, почти дерзкой мерой Гая, необходимой, по его мнению, для успешного проведения аграрного закона, сыграла на инстинктах городской массы, дрожавшей за свои права римского гражданина и не хотевшей даже и слушать о распространении этих прав на союзников. Другой народный трибун Друз, имевший связи с партией крупных землевладельцев, упорно тормозил деятельность Гракха. Последующими законами 118 и 111 годов, отменявшими запрещение продавать полученные участки и превращавшими ассигнированные земли в полную частную собственность, работа реформаторов Гракхов была низведена до минимума.

Борьба за землю, в широком масштабе, начатая Гракхами и продолжавшаяся в течение всей республики, по существу не была решена и империей. Дело в том, что при желании сената удержать гегемонию над всем «кругом земель» необходимо было иметь достаточно сильную армию; но как раз этого-то и нельзя было достичь, вследствие общей апатии и стремления уклониться от военной службы. Поэтому совершенно естественно возникал вопрос о привлечении к военной службе какого-то другого слоя общества, для которого война при известных обстоятельствах могла бы быть не только обузой, но даже привлекательна и выгодна. Таким общественным слоем был пролетариат, т. е. безземельные крестьяне и неимевшие заработка ремесленники, число которых с каждым днем все умножалось. Конечно, новая пролетарская армия требовала награды за службу: единственной же более или менее целесообразной, с государственной точки зрения, наградой солдатам и ветеранам при тогдашних экономических отношениях Рима могла быть земля.

Что же дали в конце концов реформы Гракхов? Через несколько лет все земли, которые раньше были оккупированы богатыми людьми, и над которыми раньше признавалась верховная собственность государства, теперь были признаны собственностью их настоящих владельцев.

Если землевладельческая знать сохранила свою устойчивость, несмотря на реформы, то вследствие реформ сильно выиграл городской класс как его низы, пролетарии, так особенно верхи, торго-

вая аристократия — всадники. Первые получили дешевый хлеб и работу, вторые настолько возвысились, что стали сильными соперниками земельной сенатской аристократии. Суд над провинциальными наместниками, подлежавшими суду присяжных за злоупотребления властью, отнятый у сенаторов, был передан в руки всадников. Это положение власти, контролирующей действия провинциальной администрации, придало всадникам-капиталистам важное политическое значение, почти равное с сенатом. Как судебная реформа явилась средством политического влияния, так реформа откупов еще более укрепила экономическую силу всадников, дав новый источник обогащения. До этого времени римским капиталистам давался на откуп только сбор налогов с государственных полей и косвенные налоги с товаров, привозимых в римские пристани. Но главные подати, именно прямые налоги в провинции, ускользали из их рук: они уплачивались через магistrатов провинциалами прямо в казну. Теперь в половине II века и сбор податей был отдан на откуп римским капиталистам. Компания римских капиталистов стала ворочать огромными капиталами.

Так наряду с нобилями выступили всадники. Эти два класса стояли друг против друга, и так как интересы их сталкивались, то в течение II и I веков борьба между ними нередко вспыхивала и принимала резкие формы. Достаточно вспомнить о 87 году, когда в течение 5 суток в Риме шла настоящая резня, причем в ней особенно деятельное участие принимали вольноотпущенники, истреблявшие своих бывших господ, и всадники, расчитывавшие поживиться от скупки конфискованных у убитых имуществ.

В I веке христианской эры старая знать была значительно ослаблена. Она почти вся погибла в эпоху проскрипций и гражданских войн. Всадники, хотя и были разорены грабежами и расстройством правильных торговых оборотов во время смут, однако держались крепче и в их руках было много силы. Чем дальше, тем сильнее становились они и тем шире развертывали свою хозяйственную деятельность.

14. Торговля и промышленность I—IV веков и влияние новых экономических отношений на социальный и политический строй.

Развитие капиталистического хозяйства и внедрение его в хозяйство натуральное в течение I, II и III веков продолжается, и лишь только к концу IV века обнаруживаются некоторые симптомы падения.

Захват завоеванных владений — провинций сопровождался неслыханными грабежами со стороны римлян — победителей. Часть населения прямо продавалась в рабство, другая же часть облагалась высокую податью. Но и после захвата провинция доставляла непрерывно богатства в виде налога. Сбор налогов с провинций при несовершенстве административно-финансового аппарата римского государства сдавался на откуп частным лицам на аукционе в столице.

Система откупов, выгодная для правительства, как избавлявшая его от многих хлопот и неудобств, связанных с взиманием налога часто в отдаленных и еще незамиренных странах и дававшая в распоряжение правительства сразу определенную сумму, оказалась неизсякаемым источником обогащения для откупщиков. Опираясь на военные эскадроны, откупщики — публиканы сплошь и рядом совершенно разоряли и опустошили провинцию. Управители же провинций, наместники, обычно так или иначе, непосредственно или через своих друзей и знакомых, были близко заинтересованы в успешном поступлении налога, и таким образом, между публиканами и наместниками создавалось нечто в роде круговой поруки. Единовременный значительный взнос правительству и масса хлопот, связанных с откупной системой, оказывались не под силу одному человеку, как бы богат и деятелен он ни был. Приходилось образовывать целые общества, своего рода акционерные компании.

В успехах общества публиканов была заинтересована и значительная часть римского и главным образом столичного общества. Акции этих обществ, по словам Полибия и Цицерона, бойко продавались и покупались на римской бирже — форуме. С практикой публиканов и взаимоотношением наместников провинций и откупщиков прекрасно знакомят нас письма Цицерона к его многочислен-

ным друзьям и особенно к небезызвестному в римских биржевых кругах Аттику.

Цицерон советует к римским откупщикам и негоциантам, действующим в его провинции, вообще относиться с величайшей внимательностью, прибавляя, что и он сам по отношению к публиканам и в частности к Спурию Луцио всегда настроен «с величайшою благожелательностью», а тем более в данном конкретном случае, когда во главе общества стоит его высокоуважаемый друг Публий Рутилий. В известной речи за «Манилиев закон» Цицерон публиканов, действовавших в Малой Азии, величает самыми почетными и пышными именами. Такое теплое и сердечное отношение к буржуа известного писателя, талантливого адвоката и влиятельного политического деятеля весьма показательно для эпохи. По речам и письмам Цицерона можно определить силу и значение капитала в глазах высшего интеллигентного и, косвенно, всего римского общества.

До какой степени участие в откупных операциях считалось делом общим всем более или менее состоятельным людям, явствует из замечания осторожного историка Полибия, что в римском обществе не было ни одного человека, который прямо или косвенно не был бы заинтересован в деятельности и успехах компаний публиканов. А насколько римская биржа зависела от успешных операций откупщиков и негоциантов, дают понять замешательство и паника, имевшие место на римской бирже в связи с неожиданными успехами pontийского царя Митридата около 66 года. Цицерон со всей силой своего огненного красноречия убеждает народное собрание послать в Малую Азию на борьбу с Митридатом лучшего полководца Помпея: «надо же вдуматься», патетически восклицает Цицерон, «в настроение плательщиков податей и акционеров, когда доходы Малой Азии, страны в высшей степени благодатной и роскошной, подвергаются величайшей опасности».

Параллельно с откупами в провинциях питало капитал и прямое ростовщичество. Между прочим, к числу ростовщиков, не говоря уже о пресловутом богаче Марке Крассе и «тираноубийце» Бруте, принадлежал и отец небезызвестного по судебному процессу Целия, друга и клиента Цицерона. Далее известно, что проконсул Сирии Габиний, путем ростовщичества, выжал из своей провинции 10.000.000 динариев; сужением же денег под ростовщические проценты египетскому царю Птоломею Августу, вечно нуждавшемуся в деньгах, Габиний «заработал» еще 10.000.000. Что же касается

Марка Красса, то он попросту ограбил иерусалимский храм и захватил золотой добычи на десять миллионов. В ростовщических операциях не гнушался принимать участие и «строгий цензор» нравов М. П. Катон, так сильно ненавидевший и проклинавший «новый дух времени» и эллинистическую культуру; не чужд ростовщичества был, как о том свидетельствуют его письма, и рафинированный Плинний Младший и философ-стоик времен Нерона Сенека, принципиальный ревнитель бедности.

Военные захваты, откупа и ростовщичество никоим образом не исключали более или менее планомерной коммерческой деятельности. Нахлынувшие в Рим капиталы дали мощный толчок развитию широкой внешней и внутренней торговле, т. е. к накоплению торгового капитала, уже самого по себе выходящего за рубрику «докапиталистических отношений». Прежде всего развивается торговля живым товаром, рабами. На международном рынке, на острове Делосе, еще в раннюю пору империализма ежедневно получалось и перепродаивалось по десяти тысяч невольников. При римской системе завоеваний иногда буквально целые области продавались в рабство, и жители их в качестве рабов отправлялись на итальянские рынки. Царь Вифинии, напр., жаловался, что римские работорговцы скупили туземную молодежь, и его страна осталась без военной защиты.

На втором за рабами месте стоит торговля хлебом и предметами роскоши. Римские торговцы обменивали мануфактуры итальянских и эллинистических фабрик на продукты Дальнего Востока и Индии, на сырье южно-русских степей в гаванях Черного и Азовского морей. В далеком Майнце, как показывают найденные там надписи, продавались плащи римского производства, а найденная в Германии, Англии, Дании, Скандинавии посуда, предметы гончарного производства и оружие со штемпелями римских и итальянских фабрик свидетельствуют о широте торгового обмена на Севере.

Римские купцы отправляли в Индию медь, олово, свинец, стекло, одежду и, главным образом, серебро, получая в обмен продукты богатейшей индийской природы и предметы роскоши. Крупными торговыми центрами римского государства, кроме самого Рима, славившегося бронзовыми и гончарными изделиями, и Александрии, в которой «все можно достать, кроме снега», считались Путеолы с их железоделательными мастерскими и складочным портом египетско-alexandrijских товаров. Через Сирию велись ожив-

ленные торговые сношения караванным путем с Месопотамией, Индией и Аравией. На развитие транзитной международной торговли в Сирии указывают: однообразный чекан серебряной монеты на римском Востоке и в Парфянской Вавилонии, многочисленные фактории сирийских купцов в Далмации, Дакии, Италии, в разных местах найденные и к разным периодам относящиеся надписи римских купцов, а также число римских купцов, убитых во время Митридатова погрома. Это число определяют в 80.000, а по другим сведениям в 150.000 человек. Гиеропольский купец Флавий Зевксид съездил в Италию 72 раза.

О значении римской внешней торговли свидетельствуют и данные другого рода: нахождение римских монет в Пенджабе и в передней Индии, таможни в Миос-Гормосе, Беренике, путь в Индию, о котором пишет Плиний: «купцы нашли кратчайшую дорогу, и таким образом Индия, благодаря стремлению к наживе, приблизилась к нам»; караванный путь в Китай, детально описанный Марином Тирским (II в.), посольство на остров Цейлон от императора из Та-Тзина, т. е. из Рима, частые сношения с Эфиопией, Аравией, поездки за янтарем на берега Балтийского моря и пр. Совершить три - четыре океанических путешествия для крупного негоцианта вообще считалось делом заурядным. «Берегись, обращается Гораций к купцу, чтобы другой не занял прежде тебя гавани и ты не потерял вифинских и кибаритских товаров (железных изделий и курений)». «Спеши», говорит Алчность у поэта Персия, «привези соленую рыбу, паклю, черное дерево, ладан и косские ткани с Черного моря, первый снимай мешки с перцем с жаждущих верблюдов». Ради наживы малоазиатские купцы испортили свой родной язык, восприняв много латинских слов и названий, облегчавших им коммерческие сношения с жителями, говорившими на латинском языке. О размерах торговли и мореплавания, между прочим, можно составить представление и по тому громадному судну, на котором из Александрии в Рим везли огромный обелиск с его фундаментом, и кроме того 200 матросов, 1.200 пассажиров, 34.000 гектолитров пшеницы, груз полотна, стекла, бумаги и перца. В одном документе III столетия говорится, что Александрия есть город довольства, богатства и роскоши, в котором никто не проводит времени без дела: одни занимаются стеклянными изделиями, другие - бумажными, трети - ткацким ремеслом; там только один бог - золото. И все же как ни значительна была египетская промышленность, она

в общем хозяйственном строе страны занимала второе место по сравнению с той обширной внутренней и внешней торговлей, которую вел Египет. В императорскую эпоху особенно развилась вывозная торговля с востока: из одной только гавани Миос-Гормос ежегодно отправлялось в Индию 120 больших купеческих кораблей, между тем как при Птоломеях всего на всего из Аравийского залива в течение года не выходило и двадцати судов. Искусство и отвага египетского капитана Гиппала времени Нерона сблизила Индию и Египет. Уже в эпоху Веспасиана жаловались на отлив денег в Индию и Аравию, поглощавших около ста миллионов сesterций ежегодно. К западу от Калькутты при археологических раскопках был найден большой запас золотых римских монет эпохи императоров Гордиана и Константина. Так называемый тариф Зараи 202 года говорит о вывозе вина, винных ягод, фиников, рабов и скота из Мавритании. Духом наживы и спекуляции были заражены все без исключения слои населения; даже клирики и монахи, как сообщает Сидоний, занимались торговлей и ростовщичеством. На промышленную и торговую деятельность населения указывают также и многочисленные кооперации ремесленников и торговцев, о которых так часто говорят памятники поздней империи.

На ряду с крупной торговлей, само собой понятно, в Италии процветала и мелкая торговля: в этом отношении, как и во всем другом, тон давала столица великоледжавной империи. Раскопки Помпеи пролили яркий свет в частности и на эту сторону дела. Всякого рода лавки, магазины, уличные торговцы и т. п. скоплялись в столице и в провинциальных центрах, вроде Помпеи. Из переписки Цицерона с Аттиком узнаем, какую большую роль, напр., играла торговля книгами, книжное дело в Риме, а Ювенал говорит об одном вольноотпущеннике с «дырявыми ушами», владелеце пяти доходных магазинов; примерами подобного рода вообще богата современная литература и эпиграфика.

Несколько сложнее, чем с внутренней и внешней торговлей, в науке стоит вопрос о римской промышленности капиталистического периода. К большому сожалению, до сих пор нет еще работы, которая давала бы общую картину римско-италийской промышленности, выраженную по возможности в терминах политической экономии. Далее отдельных, часто друг с другом мало связанных фактов или, в лучшем случае, обзоров, касающихся отдельных частей обширной мировой державы, дело еще не пошло.

Археологические находки произведений эллинистической и римско-италийской промышленности, сделанные в разных, иногда друг от друга очень отдаленных странах, хотя, правда, и дают некоторое, но все же далеко не полное представление о степени ее развития. Так, напр., предметы военного снаряжения с клеймами путеоланских металлических заводов найдены в Германии; посуду со штемпелями некоего П. Цепия Полибия отрывают в Помпее, Геркулануме, Дании и Англии. К гончарным заводам надо прибавить еще полотняные и шелковые заводы и фабрики, заводы кирпичные, дегтярные и другие, с владельцами и продуктами которых нас знакомит эпиграфика. В Помпее открыты мастерские кожевника, дубильщика, парфюмерные магазины, мельницы, пекарни. А избирательные афиши, найденные в большом количестве в Помпее, упоминают целую серию мастеров, видимо организованных в цехи, или коллегии—красильщиков, золотых дел мастеров, шорников, валяльщиков, портных, мастеров и продавцов плащей, булочников и других.

Далее на развитие промышленности указывают разделение и квалификация рабочего труда, о чем мы узнаем из эпиграфического материала; напр., найденные в Помпее сосуды для питья, которые поражают пышностью отделки и разнообразием форм. Из сосудов особенно ценились мурринские сосуды. Кухонная же посуда, украшенная драгоценными камнями и художественно расписанная, в большом количестве сохранившаяся в Помпеях, по мнению Овербека, в значительной степени была сделана руками туземных мастеров. То же самое надо сказать и о всевозможных сортах и видах бронзовых канделябр, висячих ламп, подсвечников, столах из дорогого (лимонного) дерева и пр. Но Рим и Италия не были главными центрами промышленности.

На международном рынке ценились фландрские сукна, вырабатывавшиеся в области атробатов и нервьев. Сирийский холст [говорится в одном документе IV века] рассыпается из Скифополя-Лаодокии, Тира, Берита по всему свету. Диоклетианов закон 301 года сирийские полотна ставит на ряду с египетскими: беритские и тирские фабрики вместе с сидонскими стеклянными заводами пользовались известностью далеко за пределами римского «круга земель». На этих фабриках перерабатывался привозимый из Китая в большом количестве шелк-сырец.

В свою очередь, Малая Азия славилась своими шерстяными и ткацкими изделиями: милетская и галатская шерсть, перерабаты-

вавшаяся на фригийских фабриках, не имела себе конкурентов во всем мире. Кварталы ткачей и башмачников Филадельфии, крупного города Лидии, равно как и христианские надписи Киликии, называющие христиан ремесленников — золотых дел мастеров, медников, инструментальных дел мастеров, ткачей, башмачников, подтверждают свидетельства других источников.

В Африке Александрия издавна гордилась своими изделиями из хлопка и льна, а александрийские ткани, стекло и папирус вообще не имели себе конкурентов во всем мире: недаром Аврелиан (II века) принудил египетских купцов доставлять в столицу империи стекло, папирус и полотняные изделия. Далее известно, что роскошные золотые и узорчатые ткани и материи египетских фабрик шли в Аравию, Индию и Абиссинию, а стеклянные сосуды александрийских фабрикантов возбудили сильное удивление даже при китайском дворе. Важную статью египетской торговли составлял также и вывоз дорогостоящего строительного материала, добывавшегося в египетских каменоломнях: красный гранит, базальт, алебастр и порфир.

Широкий охват римской торговлей почти всего древнего мира, оставивший позади даже греческий размах торговли IV века, и значительное развитие промышленности повлекли за собою перемены в положении классов, подъем одних, опускание других. Сенаторская знать окончательно потеряла социальный вес, первенство в политической жизни и свою чистоту. Реформы сената, произведенные Суллой, Цезарем и триумвирами, поставившими туда своих любимцев, часто людей низкородных и мало известных, разредили аристократию. Гражданские войны стоили жизни многим сенаторам: целые сенаторские фамилии вымерли, опустились или влачили жалкое существование, поддерживаемое подацами императора. Запретительные меры по отношению к сенаторам, стеснявшие свободу их коммерческой инициативы, также неблагоприятным образом отражались и на их материальном благосостоянии. Эти меры свидетельствовали о том, что всадники, приобретавшие значение, желали гарантировать себе торговую деятельность, отбрасывая от нее сенаторов.

Место старой аристократии теперь заняли новые люди, главным образом принадлежавшие к сословию всадников, социально политическая роль и влияние которых достигли кульминационного пункта при императоре Адриане, когда они стали во главе государственного управления.

Дело в том, что с разложением старой сенатской аристократии и низведением сената изменился внутренний и внешний механизм управления государством. Олигархическое управление через ежегодно выбираемых магistratov, пополняемых главным образом из состава сенатской знати, было заменено принципом бюрократизма, управления через посредство назначаемых и сменяемых верховною властью чиновников. Новый механизм управления государством создается постепенно в течение всего I столетия и получает свое завершение во II столетии при Адриане. Параллельно с изменением управления растет и участие в нем всадников. В самом начале I века, со временем Августа, всадники стали превращаться в служилое словие. В средине II века, когда бюрократический строй развивается в настоящую систему и назначенные чиновники совершенно заслоняют собой уцелевших, но потерявших всякое значение выборных магистратов и самий сенат организуется в особый совет при императоре для совещания по важнейшим административным, законодательным и судебным делам, членами этого совещания являются после сенаторов и всадники, получающие за это жалованье. Также должности начальников отдельных департаментов замещаются всадниками. Так, класс капиталистов, выдвинутый ростом торговли и промышленности, делается служилым и становится у власти.

Сильное развитие капиталистических отношений, в связи с подъемом торгово-промышленной деятельности, имело еще одно прямое последствие—неравномерное распределение жизненных благ в обществе, скопление больших богатств в руках меньшинства и ужасающую бедность у большинства. О богатстве отдельных семей и лиц можно судить уже потому, что в начале II века некоторые семьи, кроме доходов натурой, имели чистый годовой доход, равный, по вычислению Маркварда, 10—15 центнерам золотом, что, по приблизительному расчету, составляет более полумиллиона рублей по довоенному курсу. Доходы же наиболее богатых промышленников, купцов, спекулянтов и ростовщиков сплошь и рядом доходили до 40 центнеров золота, т.-е. до 1.700.000 рублей. Девизом жизни оставалась фраза одного из персонажей диалога Лукиана «Нигрин»: «О злато, для людей ты лучший дар, словно огонь ты светишься в ночи и среди дня».

С другой стороны рост крупного производства и повышение эксплоатации рабочей силы рабов и свободных в деревне вызывают естественный отлив населения из деревни в город и меры закрепо-

щения сельского населения. В свою очередь крупное производство, мастерские и промышленные заведения в городе, обслуживающие трудом рабов и свободных, давят и разоряют мелкое производство ремесленников, выбрасывают их и их семьи на улицу и пополняют кадры городской черни, лумпенпролетариата в настоящем смысле этого слова.

Как же боролись с этими отрицательными явлениями в жизни общества и что делали для устранения их? Что делал прежде всего сам рабочий класс?

На основании изучения литературного и эпиграфического материала мы можем в Риме видеть зачатки профессиональных союзов взаимопомощи, организации рабочих, так называемые, коллегии. Коллегии располагали известными денежными суммами, составленными из определенных денежных взносов членов коллегии, и из пожалований и подарков патронов. Основная задача коллегии—забота о погребении своих членов и значительно реже помочь во время болезни и даже во время безработицы. Коллегии имели определенный устав, знамя, покровителя святого и патрона из местных богачей: хорошо известна, например, коллегия, почитавшая Диониса и Антиноя в Ланувии. Нередко коллегии со знаменами, как это изображено на одной помпеянской фреске, в известном порядке дефилировали по городу. Помпеянские избирательные афиши говорят о живом участии коллегий в избирательной кампании, выступавших с рекомендацией желательных кандидатов, хотя и не из своей среды. Во время политической кампании деятели и лидеры борющихся партий старались воспользоваться более или менее организованной силой профессиональных коллегий мастеров и подмастерий в целях произвести соответствующее давление или получить лишние голоса в народном собрании. Правительством с своей стороны по отношению к коллегиям принимался ряд мер, урезывавших их политическое значение. Так в связи с волнениями 70-х годов I века некоторые коллегии были закрыты, но народный трибун Публий Клодий Пульхр, развивая агитацию среди мелкого буржуазного городского населения, восстановил закрытые коллегии. Несколько лет спустя Юлий Цезарь, боясь всякой оппозиции и движений снизу, снова закрыл коллегии. Последовавшая же с его смертью анархия снова их воскресила. В эпоху императорского режима коллегии могли открываться исключительно с разрешения правительства. Нелегальные коллегии, которых, кстати сказать, было очень много,

сурово преследовались законом. В одном месте юрист Ульпиан напоминает, что всякий вступивший в нелегальную коллегию наказывается так же, как и те, которые вооруженной рукой захватывают публичные здания или храмы.

Но эти коллегии не имели большого реального значения для улучшения жизни трудящихся и мало вносили существенных изменений в жизнь рабочего класса. Процесс обнищания продолжался, и при таком положении вещей правительству приходилось брать на себя анну, т. е. снабжение провиантами городской бедноты, так как в противном случае правительство вместе с богачами и аристократами рисковало быть растерзанным голодной беднотой. Необходимо было беспрестанно успокаивать массы, обитавшие в столице мира, и это успокоение совершенно откровенно признается мотивом, побудившим цезаризм признать право этих масс на хлеб и забавы. Раздача денег и хлеба, полагает Фронтон, успокаивает только часть народа и притом всякого индивидуума, отдельно взятого, а зрелища удовлетворяют народ в его совокупности. Действительно, к концу империи раздачи народу все более и более увеличиваются и становятся разнообразнее. При Александре Севере, сообщает историк Лампидий, народ жаловался на дороговизну говядины и свинины в Риме и «требовал более дешевых цен», и император помог этому делу, совершенно запретив колоть коров и свиней. Аврелиан пошел дальше Александра, присоединив к обычной анноне Рима также и свинину: «пусть доставляется даровая свинина также, как масло и хлеб». Строгий, скупой и бережливый Аврелиан собирался раздавать народу и вино, но его отговорили придворные: «не достает еще только того, чтобы черни летали в рот жареные голуби», иронизировал префект претории. Константин осуществил желание Аврелиана и ввел в норму анноны вина. Легко понять, в какую зависимость от урожаев и подвоза из хлебородных провинций, обязанных поставкой хлеба в столицу, попадали римские власти и император. Задержка прибытия провианта грозила бунтом столичного пролетариата; с другой стороны, с каким напряженным вниманием императоры должны были следить за всем происходившим в этих провинциях и охранять пути подвоза! Раздачи и кормления не были особенностью только Рима: во всех больших городах, напр., в Александрии и Антиохии, т. е. в двух больших индустриальных и коммерческих центрах, заботу о снабжении города взяла на себя городская аристократия, как наиболее заинтересованная в мирном на-

строении пролетариата. Впрочем, в этом отношении империя, кроме некоторого упорядочения дела, не внесла ничего существенно нового, сравнительно с республикой: украшение города, устройство церемоний, игр и зрелищ, забота о народном благосостоянии, как показывают дошедшие до нас уставы некоторых городов, всегда составляли предмет особой заботы городского совета. Рост капитала, сопровождавшийся усилением пауперизма, обострением классовой ненависти, наконец, как естественное следствие капиталистического способа производства — голод и вымирание населения заставили правительство принимать ряд мер экстраординарных в виде кассации долгов, учреждения института алиментаций, доставки мелким землевладельцам дешевого кредита и т. п. Не говоря уже о мерах Нервы-Траяна, связанных с помощью малосостоятельным детям и их родителям, не лишне упомянуть об аналогичных попытках Нерона, широко известной филантропии императрицы Faustины, вторичном восстановлении института алиментаций Константином. И все же, несмотря на заботы и старание правительства, остановить процесс обнищания не удавалось. В лучшем случае только задерживали наступление грозного конца. Голод, эпидемии все более и более усиливались. В эпоху поздней империи общественные противоречия — богатство, пресыщенность культурой и апатия, на одной стороне, нищета, невежество и озлобленность — на другой, в связи с тяжелым внешним положением государства, достигают своей кульмиационной точки. Толпы пролетариата разных национальностей и различных общественных состояний наполняют крупные города империи: еще в эпоху Flavиев Дион Христостом описывает толпы нищих, заполняющих улицы Антиохии, а Амвросий в IV веке констатирует факт переполнения нищими и бродягами города Милана. Императоры Valentiniан и позже Юстиниан принимали ряд строгих мер, направленных против нищенства и бродяжничества, но безуспешно. Один эпизод времени Константина, обычная социальная картина капиталистического режима, дает отчетливое представление о том положении, в каком находилась большая часть населения империи. Епископ Амвросий описывает тяжелую душевную борьбу отца, который лишь продажей одного из своих сыновей может спасти себя и других детей. «Что мне делать? Никого не продавать. Но если я сохранию одного, мне придется видеть гибель всех от голода. Если я продам одного, какими глазами я буду глядеть на остальных, ведь мой позор создаст у них подозрение, что я и их продам. С каким

стыдом вернусь я домой!» Развившаяся практика церковной благотворительности, помохи и кормления нищих таким образом были продиктованы самой жизнью.

Однако, никакими этими мерами не удавалось добиться полного успокоения. Поэтому вплоть до последних времен империи буйные скопища неистовых народных масс и всевозможные насилия составили постоянные явления в истории города Рима. Там скоплялась постоянно масса опустившихся и слабых элементов, разорившихся крестьян, ремесленников, торговцев, поденщиков, рабочих, литераторов, мелких буржуа, опустившихся аристократов, людей обедневших вследствие конфискации, мошенников, воров, бродяг и всевозможных бояек. Протекавшая вне дома жизнь этих людей, политические массовые собрания, товарищеские единения в многочисленных уличных клубах и союзах, массовые увеселения театра, ристалищ и арены, регулярные массовые раздачи зерна, хлеба и тому подобного удерживали все элементы четвертого сословия в непрерывном соприкосновении друг с другом. При постоянном общении с себе подобными пролетарий должен был скоро распознать общие интересы, связывавшие его с массой других обездоленных. Такие сцены, как те, которые Дионисий переносит в эпоху сословной борьбы III века, когда бедные стекались на форум и выражали негодование по поводу своего жалкого положения в страстных оживленных речах, конечно, довольно часто происходили в Риме и в позднейшее время.

Обыкновенно возмущения масс вызывались их затруднительным экономическим положением, жалобой на высокие цены съестных припасов и озлоблением против действительных или мнимых виновников этих высоких цен. Иногда страстное возбуждение доходило до такого ожесточения, что толпа прямо старалась ворваться в дома неугодных ей лиц и поджечь их факелами и зажигательными стрелами. Яростные толпы народа как-то раз подожгли дом префекта Симмаха только потому, что какой-то злонамеренный человек из простонародья уверил их, что Симмах как будто бы сказал: «Я скорее вылью свое вино на груды негашеной известки, чем соглашусь его продавать по той цене, на которую они расчитывают». Достаточно было какого-нибудь экономического или политического кризиса, какого-нибудь разжигающего классовую ненависть слуха, чтобы таившиеся в массах страсти вспыхивали ярким пламенем.

15. Сокращение торгово-промышленного размаха, поворот к натуральному хозяйству и социальные и политические последствия этого.

В IV и V веках размах римской торговли и промышленности сокращается. Население, разоренное непомерною тяжестью налогов, лишается почти покупательной способности, вследствие чего товары не находят себе сбыта. Пути сообщения подвергаются более сильному, чем раньше, расстройству. Варвары постепенно заполняют империю и затрудняют движение по суше; на морях хозяйствуют пираты и грабят купеческие суда. Постепенно сокращается не только внешняя, но и внутренняя торговля. Города и их округа отгораживаются экономически друг от друга. И раньше промышленность работала для местного сравнительно небольшого рынка, теперь она ограничивается одним городом. Недостаток монеты также мешает торговле.

Под влиянием всех этих причин в империи происходит поворот к натуральному хозяйству. Обмен сокращается до самых незначительных размеров. Обедневшее и поредевшее население предпочитает обходиться без покупных товаров, заменяя их предметами собственного производства. Город IV и V веков уже не похож на тот оживленный центр торгово-промышленной и духовной жизни, каким он был в I—III век. Размеры городов сокращаются, чтобы легче было оборонять город. Исчезают обширные рынки, широкие улицы, храмы, библиотеки, театры. Взамен этого появляются высокие стены, крепкие башни, глубокие рвы для защиты. Город превращается в крепость.

Этот новый облик города отражал коренной поворот в экономической жизни к натуральному хозяйству. Город как торгово-промышленный центр замирал. Дороговизна и недостаток съестных припасов, возникшие под влиянием расстройства подвоза и сокращения производства, разгоняли горожан в деревни, где было легче жить предметами собственного хозяйства. Нарастание развития натурального хозяйства отражало и правительство. Так как обнищавшее население не могло справляться со все усиливающимся налоговым бременем, и недоимки часто достигали колоссальных размеров, то правительство, чтобы поправить дело, все чаще и чаще прибегало к сбору податей натурой. В IV и V веках большинство

податей стали получать продуктами земледелия и ремесл — хлебом, вином, мясом, солью, платьем, мебелью и другими нужными для жизни предметами. Кроме того, государство стало часто возлагать на своих подданных разного рода натуральные повинности, например: доставку строительного материала и рабочих рук для постройки общественных зданий и дворцов, починку мостов и дорог, привоз казенного хлеба. Собирая подати натурой, государство постепенно переходило и к натуральному способу расплаты: в виду недостатка денег и обесценения монеты, оно расплачивалось с солдатами по большей части не деньгами, а натурой, выдавая им на руки пищевые продукты. При Диоклетиане и после него такая же натуральная система расплаты была принята и по отношению к чиновникам: они стали получать от казны не только мясо, масло, хлеб, соль, уксус и другие предметы питания, но и платье, посуду, мебель и все другое, нужное для жизни. В одном документе времени Валериана, половины III века, исчисляется ежегодно содержание одного трибуна легионов, за особые заслуги получавшего жалованье предводителя. Норма жалованья определяется приблизительно следующим образом: 3000 модиев пшеницы, 6000 ячменя, 2000 фунтов сала, 3500 сектаров вина старого, 3500 масла первого и 500 — второго сорта, 20 модиев соли, 150 фунтов воску, определенное количество сена, мякоти, уксусу, свежей зелени, дров для топлива кухонь и бань, штат домашних рабов, две красивых женщины, столовая и кухонная посуда, и, наконец, десять фунтов серебра, сто пятьдесят золотых филипий и некоторая сумма меди. Двор также содержался по преимуществу на натуральные поступления и только самим важным чиновникам выдавались на руки сверх того и деньги.

Таким образом, государственное хозяйство в последние два века империи приобретает в значительной степени натуральный характер. Укрепление натурального хозяйства, опирающегося на землю, выдвигает снова класс землевладельцев и тем дальше в этом направлении развивается хозяйство, тем более растет экономическая, социальная и политическая сила земельных магнатов.

При столь напряженном состоянии государства, слабеющего экономически, раздиаемого внутренней борьбой классов, поражаемого эпидемиями и сдавленного кольцом варваров, приходилось обращать исключительное внимание на организацию правительенного аппарата, приходилось брать на учет каждую мельчайшую статью дохода и труда, все подвергать регулированию, контролю и перейти

на путь постепенного закрепощения сословий. Так члены правительства, сенатов — куриалы прикреплялись к своей курии, представители свободных профессий — к своим профессиям, ремесленники — к своим коллегиям, рабочие — к своему заведению, крестьяне и арендаторы — к земле (колонат). В половине IV века процесс закрепощения наблюдается в полной силе. Куриалы, в списки которых заносили всех землевладельцев, имения которых доходили до 25 югеров, под страхом штрафа и конфискации имущества удерживались в своей курии. Куриал, бежавший из своей курии, водворялся силой на место прежнего жительства, даже если он уходил в солдаты или записывался в число клириков. С течением же времени в курии стали записываться все без разбора, просто в качестве наказания. Без уведомления и санкции своей курии декурион не мог даже продать всего имения или приписаться к другому сословию. Члены известной профессии были связаны круговой порукой. Тяжесть закрепощения и несения государственных повинностей увеличивалась еще широкой практикой иммунитетов.

Процесс закрепощения сословий и профессий особенно удобно проследить на ходе закрепощения сельского населения, другими словами, на образовании колоната. Зачатки формы этого института нужно искать в императорских латифундиях. Императорский земельный фонд, увеличивавшийся частными конфискациями «подозрительных» вроде шести африканских богачей при Нероне, присвоением выморочных земель, дарением друзей (Сенека завещал свои латифундии императору) и другими подобными путями, с течением времени разросся до огромных размеров. Существовали даже целые округа, занятые императорскими латифундиями. Эти императорские латифундии, носившие техническое название сальтусов, имели и собственное, независимое от местных властей управление. Сальтусы представляли из себя как бы автономные экстерриториальные административно-правовые единицы. Практика автономных экстерриториальных сальтусов, возникшая сначала на императорских землях в силу того принципа, что император не связан общественно-правовыми нормами, со временем перешла и на частно-владельческие латифундии и сыграла важную роль в процессе распадения римской империи.

В эпоху Диоклетиано-Константиновой монархии императорский земельный фонд еще более увеличился, чему способствовали особые причины. Непрочность земельных владений в виду частых

смут и военных передвижений в государстве, с одной стороны (Либаний, напр., сообщает о разграблении поместий в Селевкии пьяными солдатами), и обременительность налоговых обложений средних помещиков декурионов, за бесценок продававших свои владения—с другой, отбивали охоту у многих землевладельцев продолжать оставаться помещиками, что выразилось в сильной земельной мобилизации, особенно наблюдавшейся в последние века империи. Земельные же участки, по каким-либо основаниям не проданные, сплошь и рядом просто оставлялись на произвол судьбы, т. е. бросались; вот из этих-то заброшенных участков и образовался к концу империи огромный принадлежавший императору фонд «заброшенных» земель. Нуждавшееся в деньгах и терявшее почву под ногами императорское правительство напряженно изыскивало меры для поддержания разрушавшегося сельского хозяйства посредством привлечения к обработке заброшенных и пустующих земель, площадь которых была, очевидно, чрезвычайно велика, если в некогда цветущей Кампании в V веке насчитывалось около 2528 т. югеров пустующей земли. Средства же привлечения и поощрения к обработке заброшенных участков были в зависимости от обстоятельств весьма различны.

Недостаток же в рабочих силах создавал острую конкуренцию среди землевладельцев. Писатели того времени не раз упоминают о настоящей погоне и ловле людей, об увозах крестьян агентами крупных помещиков, между прочим, живо напоминающих разъезды боярских приказчиков Московской Руси XVI—XVII веков, т. е. также эпохи развития крепостных отношений. Само собой понятно, что при такой обостренной нужде в живой рабочей силе и острой конкуренции между землевладельцами больше страдал мелкий и средний собственник, на которого как раз и думало опереться правительство. Поставив себе цель, с одной стороны, обеспечить землевладельца рабочей силой и, с другой стороны, защитить мелкого арендатора от каприза и произвола более крупных землевладельцев, правительство от регулирования взаимоотношений между различными категориями земельных собственников начинало постепенно переходить к принудительному удержанию за арендатором арендуемого им участка. Земельный участок и его арендатор мало-помалу сливаются в одно неразрывное целое. Таким образом, одним из важных моментов в образовании римского колоната надо считать необходимость для власти обеспечить себе правильное поступ-

пление продуктов сельскохозяйственного труда и аккуратное выполнение муниципальных обязанностей средним землевладельцем — куриалом. Что же касается самого процесса закрепощения сельского населения, то при настоящем состоянии источников он может быть прослежен даже в деталях. Практическим средством осуществления этого стремления послужили писцовые книги, уже по самой своей природе выдвигавшие опасный для гражданской свободы принцип приписки; экономические отношения предшествующей эпохи с своей стороны шли навстречу публично-правовым нормам правительства. В самом деле, концентрация земли в руках крупных магнатов еще в республиканское время заставляла мелкого собственника, лишившегося своего участка, вступать в арендные отношения с крупным помещиком. Материальная же необеспеченность съемщика, не могшего без поддержки владельца земли наладить собственное хозяйство заарендованного участка, сплошь и рядом вгоняла его в долги помещику, которые он не был в состоянии выплатить; отсюда и образовались те недоимки, о которых беспрерывно повторяют Дигесты и Кодексы.

От беспрерывно нараставших долгов съемщик земли мог избавиться или бегством, т. е. путем нелегальным, или же легальным путем перехода на аренду и службу к более богатому и влиятельному землевладельцу, бравшему на себя вместе с колоном и его недоимки. Переход колона к крупному помещику для него самого был, по весьма понятным причинам, выгоден, а для собственника куриала, небогатого помещика, особенно нуждавшегося в рабочих руках, разорителен; следовательно, разорителен и с точки зрения интересов фиска. Конечно, не в интересах правительства было допускать такого рода анархию в земельных отношениях, грозившую серьезными осложнениями всему государственному организму. Отсюда неустанное и настойчивое подчеркивание императорскими декретами необходимости возвращения бежавшего раба или колона его прежнему владельцу под угрозой наложения большого штрафа за укрывательство. Принявший беглого колона или его укрывший, гласит декрет императора Валентиниана от 386 г., «платит штрафу 6 унций, если колон частно-владельческий, и фунт золота, если колон принадлежит казне или императору». «Взявший колона, с своей стороны, платит штрафу 12 фунтов серебра», читаем в одной из конституций времени Аркадия и Гонория. Императорский эдикт от 365 г. предписывает производить внимательное расследование о бег-

лых и бродячих колонах. В общем же процесс развития колоната направлялся в сторону реставрации прежнего рабства, но теперь к прежним рабам еще прибавился многочисленный класс некогда юридически свободных арендаторов - колонов. Бежавших колонов закон предписывал, подобно рабам, наказывать цепями и тюрьмой. С своей стороны помещик, получивший всю полноту власти над людьми его имения, естественно нес и ответственность перед правительством за причитающиеся с его колонов налоги и за своеевременное выполнение налагаемых на них различных обязанностей. Рекрутские повинности, падавшие на колонов, теперь распределялись опять-таки самим барином, причем ему предоставлялась полная возможность отделаться денежным взносом и таким образом сохранить рабочую силу. Вообще же рекрутские наборы при существовании особого состояния «солдатских детей» и варварских когорт, на которых также распространялось действие «места прописки», были не очень значительны и не обременительны для сельского населения.

В последние века империи, параллельно с ослаблением центральной власти и переполнением больших городов, образовались и новые центры жизни в деревнях, в больших усадьбах (сальтусах) помещиков. Господа сальтусов, подобных описанному Сидонием Аполинарием поместью в 1050 юнгеров, мало-по-малу переставали обращать внимание на распоряжения центральной власти и образовали из своих поместий особые государства в государстве. В зависимость от богатого и влиятельного помещика мало-по-малу становились соседние более мелкие землевладельцы, от них еще более мелкие и т. д. Земля же, за выделением барской виллы, дробилась на небольшие участки, обработка которых предоставлялась отдельным крестьянским семьям. Одним словом, в IV и V веках в Римской империи начинается настоящий процесс феодализации со всеми его последствиями, т. е. ослаблением центральной власти и постепенно, но правильно развивавшейся зависимостью сидевшего в поместье населения от его хозяина, как от своего доминуса или сеньора. Процесс земельной концентрации в последние века империи продолжал развиваться тем более, что во избежание всякого рода городских и столичных треволнений аристократия нередко предпочитала жить в свое удовольствие в деревне, занимаясь сельским хозяйством и удовлетворяя свою ненасытную алчность все новыми и новыми приобретениями.

При таком неудержимом росте силы и авторитета земельных магнатов у средних и мелких еще свободных землевладельцев, в виду высокого податного обложения и насилий со стороны крупных земельных собственников, оставался единственный выход из их положения, если они желали сохранять хотя бы тень прежней свободы: вступить в прекарные отношения к светским или церковным магнатам и признать их патроциний. Мелкие собственники - землевладельцы действительно начинают охотно добровольно отдавать свои земельные клочки влиятельному магнату и, признав его патроциний, т. е. высшую власть над своей землей и косвенно над своей личностью, получают ее обратно на прекарном праве и таким образом становятся его держателями - прекаристами.

Императорское правительство, очень боявшееся усиления могущества феодалов на местах, с своей стороны решительным образом выступает против образования такого рода зависимости и, следовательно, против всякого рода патроциниев вообще. Но все это не останавливало процесса феодализации.

16. Идеология римского общества, как отражение социально-экономической и политической жизни I—V веков.

Перестройка всего римского общества на капиталистических началах нашла соответствующее отображение в общественно-политическом укладе и преломились в прозе, поэзии, науке и философии I—IV веков.

«Спаситель» римского общества, «возвестивший миру новый принцип управления», Октавиан-Август сделался литературным центром, около которого собирались поэты, ученые и писатели, и даже своего рода литературным героем, которого наперебой восхваляли и воспевали поэты и прозаики.

Прославлению Августа посвятил свой недюжинный талант один из самых блестящих поэтов ранней империи Виргилий Марон (70—19 г.), нарисовавший в «Энеиде» образ идеального римлянина и правителя, мудро действующего по воле и указанию богов. Композиция «Энеиды» такова, что герой Эней в глазах читателя представляет опоэтизированный портрет Августа. По мысли Виргилия консервативно настроенный и осторожный принцепс ближе, чем кто либо другой, подходит к идеалу благочестивого и мудрого правителя.

И в этом превознесении Октиавиана едва ли можно усматривать только одну грубую лесть и совсем не замечать искренних чувств усталого человека, пережившего глубокий общественно-политический и личный кризис. Восхваление нового порядка и обоготворение Августа находим также и у младшего современника Виргилия, Горация Флакка (6 — 8 г.), сына вольноотпущенника из южно-италийской Венузии. «Не довольно ли пролито крови!» восклицает Гораций, и в этой фразе сказалось все настроение общества, измученного долгой гражданской войной. Август, полагает Гораций, восстановил и укрепил древнюю, почти уже забытую и утраченную добродетель и вдохнул в душу римского народа новую жизнь. Не обходит молчанием Августа — спасителя, «юного бога — Октиавиана», Овидий Назон (43 — 18 г.), сам пострадавший от императора, «прославлявший прошлое, а живший настоящим». Достославный предок Августа, которым новый император так гордился и ставил себе за образец во всех своих начинаниях, Юлий Цезарь в «Метаморфозах» Овидия был превращен в блестящую звезду.

Так поэзия под покровительством императора и его друзей тем самым вступала на очень скользкий путь зависимости от сильных и власть имущих и превратилась в хвастливую придворную поэзию.

Нервность жизни, погоня за деньгами, невольная тяга из деревни в город, развивающаяся городская жизнь, отрывавшая человека от природы, и вместе с тем наступивший период политического затишья вызвали в обществе, особенно в высшем, вполне естественную реакцию: пробуждается любовь к природе, простой сельской обстановке и идилической пастушеской жизни. Реакция против городской шумной жизни с ее заботами, нервностью и идеализация деревни находили яркое отражение в литературе раннего императорского периода. Содержание восхитительных «буколических» эклог Виргилия, собственно, и сводится к состязанию в песнях пастухов и пастушек, прославлению «молодого бога» Октиавиана и восхищению перед красотами и спокойным величием природы. Другое произведение Виргилия «Георгики» рисует тип благочестивого крестьянина, в котором видят некоторые опору политического и этического порядка нового режима. Много внимания описанию природы и деревенского уюта уделяет Гораций, великий мастер в подборе красок для рельефного изображения природы. То же самое относится и к другим поэтам, современникам Августа — Тибуллу, Овидию и многим

другим.. Усталость, отвращение к общественной жизни, сужение идеалов и перенесение центра внимания от общественно-политической жизни в личную, как в тончайшем зеркале отразились в творчестве Горация и Тибулла. Воспевая жизнь в деревне на лоне природы, среди виноградников, на берегу журчащего ручья, Гораций советует ничему не удивляться — довольствоваться малым, «золотой серединой», а Тибулл желает воспевать только вино и любовь и ничего не хочет знать о войне и политике.

Порожденные роскошью капитализма нервная чувствительность и неприкрытым разврат нашли свое отражение в «Любовных элегиях», в «Науке о любви» и в «Лекарстве от любви» салонного поэта Овидия.

Моральный уровень эпохи, погоня за наживой, разложение прежних устоев и замена родовой аристократии денежной с полным реализмом изображены в сатирах Ювенала и в огненных эпиграммах его друга Марциала. Законченную фигуру нового человека, аристократа денежного мешка, разбогатевшего заморской торговлей, скопкой и эксплоатацией земель, вольноотпущенника Тримальхиона дает Петроний, писатель времени Нерона, в знаменитом романе «Сатирикон», ставшего образцом подобных романов и в позднейшее время.

Словесно-художественное творчество в общем не ослабевает и в следующие века, но изменяются сюжеты, стиль и форма художественных произведений. Таланты не исчезали, но менялись точки и сферы их приложения. Борьба за этико-философские, религиозные и политические идеалы породила совсем иные виды и жанры литературных произведений — богословско-философские трактаты, поучения, проповеди, сатиры, апологии, панегирики правителям, исторические компиляции; а необходимость в связи с усложнением общественных отношений усовершенствовать аппарат управления и создать стройную систему права привела к систематизации и составлению единственных в своем роде кодексов римского права (кодекс Феодосия V в. и Юстиниана VI века), впитавших в себя юридическое творчество предшествующих столетий, и, наконец, широкое распространение образования путем целой сети школ вызвало обширную литературу учебников, учебных пособий, бревиариев, компендиев, компиляций.

Чрезмерное увлечение архаизмом и филологией с настоящим культом формы и буквы, усиливавшееся с каждым столетием, особенно в последние три века империи, в конечном итоге создало весьма благоприятные условия для развития уже настоящей средневековой сколастики. При этом прежде всего бросалось в глаза вошедшее в

практику злоупотребление поэтической формой и стихотворным размером.

Широкий торговый обмен с различными народами, раскрывший новые горизонты, в сочинениях римских историков языческой империи (Ливий, Дионисий, Плутарх, Тацит и др.) сказался в их стремлении оправдать современный порядок вещей всем предшествующим ходом исторического развития, подчеркнуть преимущества латинского духа и, наконец, историю Рима привести в связь с историей других культурных народов и даже излагать всемирную историю по этнографическому принципу. В большом разнообразии методов, которыми пользуются римские историки, сквозит уже тенденция изучать историю не только в художественно-эстетических соображениях, но и в научно-практических целях. Правда, как правило, художественно-эстетическое направление у древних преобладало, чем, между прочим, они отличаются от историков нового времени, собирателей, археологов и так называемых исследователей по преимуществу.

На ряду с мусикальными искусствами в эпоху языческой империи можно говорить также и о развитии наук, хотя недостаточность и фрагментарность наших источников не дают возможности составить ясное представление о движении мысли в этой области. Несомненно лишь одно, что первые века империи ознаменовались некоторым прогрессом в области точных наук, — в математике, астрономии, географии, медицине, сельском хозяйстве.

Но оригинальное творчество в научной области к началу христианской эры почти прекращается. Переход внимания людей в другие сферы жизни и мысли влечет за собой замирание научного творчества. Чудесное и фантастическое начинают в это время брать верх над всем рациональным и научным. Так, «История» Элиана затмевает научную систему Аристотеля, безымянный Александрийский «Физиолог» (II век) — «Естественную Историю» Плиния, гелиоцентризм Аристарха Самосского затмевается геоцентризмом Птоломея (Птоломеева система). Самым характерным и глубоко показательным для эпохи было распространение и широкая популярность в разных слоях общества новой науки, астрологии, этого родного детища старого Вавилона. Исчисления конstellаций и генитур, развитие все новых и новых астрологических дисциплин, вроде астрогеографии, астрозоологии, астроботаники, астромедицины и т. п., были настоящими предвестниками надвигающегося на Рим мистического Востока. «Халдеи и математики» становятся господами римской пуб-

лики и придворный астролог является принадлежностью императорского двора.

Мистический колорит в заметной степени пробивается и в сочинениях так называемых младших софистов, наиболее одаренный из которых Дион Хризостом (начало II века) произнес и написал массу речей на самые разнообразные и безобидные темы: об опасностях, грозящих городам Черного моря от скифов, об идиллической жизни охотников на острове Евбее, о роскоши в Александрии и многое другое. Мистическая струя, сильная и у первоклассных представителей римской литературы II века и следующих, несравненно сильнее и грубее проступала в речах и писаниях странствующих риторов-софистов. Проповеди странствующих софистов сплошь и рядом были пустым набором фраз, и тем не менее широкой публикой они слушались с большим вниманием и воспринимались. Так сильно было желание нового слова.

Наивысшего же напряжения, что и вполне естественно, мистицизм и религиозность—отличительные признаки разочаровавшегося во всем земном общества—достигают в философии и богословии того времени. Материально устроенные и пресыщенные верхи римского общества, не находя удовлетворения стремлению к деятельности, предаются игре ума и чувства, создавая замысловатые философские концепции или погружаясь в тайны «возрождения на века», другими словами в ущемляющую и взвинчивающую нервы религиозную каббалистику таинства.

С другой стороны, пролетаризированное большинство, не видя никакого просвета на земле, не менее охотно искало успокоения и отдыха от мирской несправедливости в «царстве небесном». Национальный культ и религия римлян, несмотря на реставрационную попытку первых императоров, в особенности Августа и Тиберия, уже не отвечали новым потребностям верующих. Рационалистическая же наука с ее сухими и строго логическими построениями также мало удовлетворяла запросам изменившейся психики людей уже в первом столетии империи. И чем дальше, тем это настроение неудовлетворенности становилось все острее и болезненнее. Чувствовалось, что для усталого ума, все же не решавшегося и, может быть, не бывшего даже в состоянии отрешиться от рационалистического знания, требовался какой-то своеобразный синтез научного и религиозного мышления и мироощущения. Такой своеобразный сплав науки и религии как раз и представляла римская философия, в лице ее вид-

нейших школ. Сильная примесь элементов восточных мистерий и религиозных концепций в философских системах II и III веков бесспорна. Это явление станет совершенно понятным, если припомнить, что гражданин римского государства с Востоком встречался на каждом шагу: в эмпориях больших торговых городов — Александрии, Антиохии, Карфагена, Аквилеи, Путеол, Остии, в деловых и увеселительных прогулках по достопримечательным странам: Греции, Малой Азии и Египту, и, наконец, знакомился и приобщался к восточным мистериям и философии на улицах и в храмах своего родного города во время всенародных весенних и осенних празднеств великой матери богов, египетской богини Изиды, кappадокийской Беллоны, парфийского, по преимуществу бога солдат, Митры и т. п. Таинственные обряды и мистерии восточных богов, связанные с сложным и шумным ритуалом и с очень острыми переживаниями, приходились по вкусу римлянам, мужчинам и женщинам. Религиозно-мистический колорит, как сказано, с особенной силой проявлялся в области этики, философии и богословия.

Желание найти, как тогда выражались, единое во множестве, замечается и в наиболее популярной философии того времени — стоицизме, видевшем настоящего бога в добродетели: с точки зрения стоика высшее благо не божество, а добродетель, она же и единственная цель всех человеческих стремлений. Знакомство с стиической школой, хотя бы в лице ее наиболее видных и типичных представителей, Сенеки и Марка Аврелия, важно для понимания настроения интеллигентных верхов и, следовательно, ретроспективно, и других слоев римского общества в эпоху «кризиса античного мироизогерцания» и зарождения христианства. Тяжелая действительность вызывала у Сенеки альтруистические и космополитические чувства: «природа сотворила нас равными, и мы — члены одного общего тела, сотворены из одной материи и для одних и тех же целей». «Я — человек, и ничто человеческое мне не чуждо». — «Наше общество подобно каменному своду, где необходима взаимная поддержка, — не страх, а любовь». Раз признано положение, что душа человека — бог, заключенный в человеческом теле, то Сенека должен был логически притти и к признанию принципа всеобщего равенства и, следовательно, к отрицанию рабства. «Не презирай человека за низкое происхождение, поучает Сенека своего друга Люцилия, ибо завтра и ты можешь перейти в такое же состояние душа же одинакова в римских гражданах и рабах».

С другой стороны, Сенека с его философией пессимизма и отказом от актуальности — настоящий предвестник надвигающегося «кризиса античного миросозерцания». «Необходимо, чтобы человечество опустилось до дна, а затем настанет время, когда день и работа более долгого века озарят своим светом то, что ныне от нас скрыто».

Не менее мрачной, скептической и безотрадной была философия другого стоика Марка Аврелия. Император Марк в своих рассуждениях приходит уже к полному отчаянию, беспроблемной тоске и меланхолии: телесные удовольствия изменчивы, душевые радости призрачны, и жизнь — сплошная борьба. Это не более, как пребывание на чужой земле, посмертная же слава — забвение.

Напряженная работа философов и мыслителей, страстные споры о боге, смысле земной жизни, загробной жизни, душе и т. п. — отличительная черта II века нашей эры, вызывала по временам злую улыбку и сарказм Лукиана, атеиста, скептика, беспринципного, но исключительно даровитого и острого писателя. «Философия, — говорит он, «спор о пустяках, а этика — праздная выдумка». Развившийся в обществе критицизм и скептицизм (в III столетии знаменитый скептик Секст Эмпирик, последователь и продолжатель эллинистического философа Пиррона) в свою очередь находит достаточное объяснение в общих условиях и духовной атмосфере того времени.

В результате ознакомления с общим настроением и философией языческой империи с ее режущим сознание пессимизмом, меланхолией и скептицизмом, получается впечатление полного распада в интеллигентных верхах и полной неудовлетворенности в низах. Все говорило за то, что нужна какая-то новая более практическая, простая, жизнерадостная философия: всем этим условиям как раз,казалось, и удовлетворяла система древнего христианства. Христианство по самой сути своего учения было приоровано к двум не одинаковым во всех отношениях элементам римского общества — для интеллигентных верхов оно предлагало сложную философскую мозаику, составленную из частей всех наиболее популярных в то время учений, для широких же народных масс, задыхавшихся в атмосфере материальной нужды, бесправия и невежества, христианство сулило социального мессию, рай на небе и на земле, в котором будет изобилие яств, вина и веселье, словом все то, чего большинству как раз недоставало в действительности. Отмеченный дуализм — характернейший, отличительный признак раннего христианства. Таки образом, согласно всему вышесказанному, появление, развитие и

успех христианства надо приписать общему перелому в настроении римской интеллигенции и всей массы населения, в конечном итоге вызванном своеобразным распределением материальных благ и организацией производства, другими словами «кризису античного мироизмерения», в значительной мере совпавшему с общим кризисом, экономическим, социальным и политическим, переживавшимся Римом в III веке нашей эры.

Христианство, таким образом, может интересовать прежде всего как явление социально-психологического порядка. Социально-психологическим же явлением христианство должно быть названо, во-первых, потому, что оно возникло в определенных социальных и психологических условиях и, во-вторых, с своей стороны способствовало их видоизменению и затем, изменения внешнюю среду, дало серьезный толчек к изменению всей психики человека, создав новый взгляд на самую природу человека, его цели и указав средства достижения нового культурного идеала.

Причина большого интереса к проблемам, связанным с христианством, весьма понятна и естественна: как ни относиться к самому христианству, как религиозной системе, все же остается несомненным его огромное влияние на всю последующую культуру Европы вплоть до наших дней; даже и в наше время борьба с христианством — один из важнейших фактов социально-политической истории.

В конце концов основной причиной зарождения и сравнительно быстрого распространения христианства надо считать противоречия римского общества, в значительной степени построенного на капиталистических началах, создавших имущественные и культурные контрасты. Скопление богатства, политическое влияние и хотя бы чисто внешняя культурность на одной стороне, в верхах, ужасающая бедность и невежество в низах, неминуемо должны были вызвать как в лучших людях эпохи, так и в угнетенной массе рабов и полурабов соответствующий социально-политический и культурный идеал, мечты о лучшем царстве и ином справедливом мире. В силу специфических культурно-социальных условий римского государства такой идеал «лучшего царства» вылился в потустороннее царствие Христа. Простота и примитивность раннего христианского учения обусловлена прежде всего той своеобразной социально-политической средой и обстановкой, среди которой оно возникло и сложилось.

Попав на благодатную почву, христианство быстро усилило свой авторитет и увеличило число своих сторонников; большую роль при этом сыграла необыкновенная гибкость и эластичность христианского, как и всякого жизненного учения. Все, что можно и нужно было взять из богатого арсенала языческой религии, ее культа, науки и философии, христиане взяли и выдали за свое «богооткровенное наследие»; первое время смешению языческих и христианских элементов способствовало и отсутствие определенной фиксированной программы нового учения. Приспособив для своих «божественных» целей чудеса, суеверия, веру в загробную жизнь и т. д., христианство мало-по малу и весь свой ритуал построило на основе ста-ринных чисто языческих мистерий.

Силу и сущность христианского учения и сравнительно быстрое распространение апостольской проповеди во всех частях греко-римского мира скорее всего надо видеть в практическом характере этого учения. Первые христиане не замыкались, подобно старым языческим системам, в узком кругу догматических споров, но вели самую ожесточенную агитацию против несправедливостей социального строя империи и против запутавшейся в собственных противоречиях старой языческой науки. Особенно резко бросается в глаза критика неравномерного распределения между людьми материальных благ и затем самого богатства. Но на этом дело не остановилось.

От спекулятивного обсуждения вопроса о богатстве и бедности и брани по адресу богатых апостолы и апологеты христианства очень скоро переходят к угрозам по отношению ко всему языческому миру, к проповеди скорой социальной революции, страшного суда божия, пришествия Мессии и установления тысячелетнего царства на земле, т. е. к так называемой эсхатологии. Резче всего проповедь скорого конца мира выражена в одной из самых старых книг Нового Завета, «Апокалипсисе» Иоанна, время написания которого с большою вероятностью относят к концу первого века нашей эры. Автор «Откровения» описывает «великий город» святой Иерусалим, стены которого украшены драгоценными камнями,— ясписом, сапфиром, халкедоном, смарагдом, сардоликом, хризолитом, вериллом, топазом и др. «Святой город не имеет нужды даже в солнце и луне, ибо его освещает свет божий и светильник ангелов, городу поклоняются народы и цари земные; ворота города не будут запираться и не будет там ночи; слава и богатства всех народов перейдут Святому Иерусалиму». Но право на древо жизни и на вход в ворота

города получают лишь те «блаженные», которые соблюдают заповеди божии, не поддаются соблазну и творят правду. Основанию святого «города Иерусалима», пророчествует Иоанн, предшествует не только социальная революция, но полное истребление языческого мира и, прежде всего, само собой подразумевается, богачей и правителей. «Семь чаш гнева божия выпльется на землю». «Дым мучения жителей нечестивого Вавилона (т. е. Рима) будет восходить во веки веков, и они не будут иметь покоя ни днем, ни ночью», на людях появятся жестокие и отвратительные раны, солнце будет жечь людей огнем, затем померкнет солнце и люди от страдания будут кусать свои языки, разразятся молнии и громы, земля сотрясется. В результате всех ужасов падет «авилонская блудница», город Рим, а его место заступит святой город Иерусалим. Возбужденной и необузданной фантазии автора-агитатора падение Рима рисуется как бы уже совершившимся фактом. «И город великий распался на три части, и города языческие пали, и Вавилон великий вспомянут пред богом, чтобы дать ему чашу вина ярости божией», или в другом месте ангел восклицает: «пал, пал Вавилон, город великий, потому что он яростным вином своего блуда напоил все народы». Заканчивается откровение грозным предвещанием скорого конца языческого мира, мира богатых и умных людей. Свидетельствующий сие говорит: «Ей гряди скоро. Ей, гряди, Господи Иисусе». Послание Иакова, также одно из ранних христианских сочинений, принадлежащее, повидимому, началу II века, повествуя о скором пришествии Господа, в раздражительных тонах обращается к богатым: «послушайте, вы богатые, плачьте и рыдайте о бедствиях ваших, находящих на вас: богатство ваше сгнило, и одежды ваши изъедены молью»; вина богатых в том, что они роскошествовали на земле и наслаждались, удерживали плату у рабочих и убили праведника. Аналогичные мотивы о гибели мира и скором пришествии избавителя чувствуется и в Евангелии Луки, особенно в седьмом и восьмом стихах 18 главы. «Бог ли не защитит избранных своих, возвращающих к нему день и ночь, хотя и медлит защитить их, сказываю вам, что дам им защиту вскоре». В учении XII апостолов, так называемой Дидахе, евхаристическая молитва содержит уже как бы ставшую революционной формулой просьбу о пришествии: «Да приидет Царствие твое». В том же «Учении XII апостолов» заключительная глава повествует о втором пришествии, перед которым явится антихрист, появятся знамения на небесах, трубный звук возвестит о

воскресении мертвых и т. п. Апологет II века Тертуллиан также нередко и не менее отчетливо говорит о приближающемся конце мира. С проповедью конца мира обычно связывалось описание будущего тысячелетнего царства Мессии на земле, причем это будущее царство сплошь и рядом изображалось самыми реальными грубо земными и чувственными красками, а участниками этого рая на земле, так сказать его полноправными гражданами, по мысли Климента, епископа Александрийского (конец II века), могли быть только одни христиане, «потому что они добры». В Царстве Божием царит бесконечное веселье и потому, следовательно, отсутствует труд, как повествует 65 глава (17—18) книги пророка Исаии: «Я творю новое небо и новую землю и прежнее уже не будет воспоминанием и не придут на сердце. А вы будете веселиться и радоваться во веки... Я вижу Иерусалим веселым и народ его радостным».

О скором и притом внезапном пришествии Мессии находим указания и в I «послании» Климента, римского епископа, около 180 г., а в популярном в христианских кругах половины II столетия «Пастыре» Ермы церковь сравнивается с башней, постройка которой близится к концу. Правда, «башня все еще строится, но она скоро будет окончена». Учение христиан о конце мира и веру в хилиазм, т. е. в тысячелетнее царство на земле, глава протестантской ученой школы Адольф Гарнак называет собственно характерным признаком христианства.

Призыв к социальной революции и заострение, путем агитации, проклятия богатства и угрозы богатым, классовых противоречий время от времени давали себя чувствовать и в реальной жизни, разрывая веками освященные социально-экономические отношения и привычки. Как, например, сбитые с своих мест вторгшимися варварами и обобранные местными крупными землевладельцами (сенаторами) обезземеленные крестьяне Галлии в III веке образовали большие полуразбойнические шайки, которые, объединившись с римскими перебежчиками, тоже крестьянами, и поддержаные городским проletариатом, под предводительством неких Элиана и Аманда, повели настоящую партизанскую войну, нанеся огромный ущерб ненавистным им аграриям. Движение галльских мятежников багавдов в конце концов все таки было подавлено императором Максимилианом, но «нивы и виноградники были опустошены, дороги разрушены». Лет же через тридцать приблизительно нечто подобное произошло в Африке.

Две ненавидевшие друг друга христианские секты вступили в открытую борьбу и втянули в свои дела центральное правительство. Недовольные решением Арелатского собора 311 года и рескриптом императора Константина, донатисты (по имени епископа Доната) подняли восстание нумидийских и мавританских крестьян иnomadov и, руководимые избранными и «святыми», как называли себя наиболее крайние и фанатичные донатисты (циркумцеллионы), выставили ряд требований политического и социально-экономического характера — отделение церкви от государства, организация жизни на коммунистических началах, развивая при этом ту мысль, что бог дал землю всем в общее владение и т. п. Как в движении багавдов, так и в движении «церкви святых» (циркумцеллионов) интересно и характерно переплетение социально-экономических идей и требований с постулатами религиозной свободы,—обстоятельство, между прочим, указывающее на сходство религиозных движений древности с крестьянскими восстаниями эпохи германской реформации и сектантскими движениями первой английской революции. Низводя на нет государственную и военную службу, христианство в самом принципе подрывало авторитет античного мира, для которого политическая и военная карьера считалась главным смыслом существования человека, выражавшимся в достижении почета и славы в общественной жизни.

Коммунистические идеи составляли отличительную черту и всей вообще ранне-христианской литературы. В этом отношении христиане с небольшими вариациями продолжают традицию языческих писателей. Проповедь коммунизма слышится, например, в словах «Учения XII апостолов», рекомендующего иметь все общее со своим ближним и не называть ничего своим, «ибо если вы участвуете в непроходящем сообща, то тем более в вещах проходящих». Затем живший на рубеже II и III столетий Климент Александрийский с глубокой верой в правоту произносимых слов и с большим пафосом высказывает общую многим людям его времени мысль о том, что бог создал людей для взаимного братства и потому все у людей должно быть общим и богатые не должны иметь больше, чем бедные, ибо бог повелел всем пользоваться необходимыми благами сообща. К Клименту в этом отношении примыкает ревнитель монашеской жизни Василий Великий, писатель и проповедник IV века, в подкрепление своих коммунистических симпатий указывающий на пример язычников-греков, у которых практико-

вался человеколюбивый обычай иметь общий стол, общие яства, создавшие таким образом из многочисленного народа почти единую семью. У первых христиан также было все общее: жизнь, душа, согласие, общий стол, одним словом царило нераздельное братство. В анализе социальных несправедливостей дальше Василия Великого идет другой христианский писатель того же приблизительно времени—Лактанций. По теории Лактанция источник всех зол—алчность: в самом деле имевшие излишek не только не давали им пользоваться другим, но даже похищали чужое добро и все обращали в свою личную пользу. «Люди не должны иметь ничего своего собственного, а должны власть всем сообща для того, чтобы они могли быть равны между собою, как то требует суть справедливости», заключает свою проповедь Лактанций.

«Если бы теперь», убеждает третий идеалистически настроенный пастырь Иоанн Златоуст, «последовали добруму примеру иерусалимской общины, то разве мы не сделали бы землю небом?» «И далее разве люди, имея общий стол и составляя одну семью, нуждаются в большем, нежели живя порознь». «Действительно, разделение всегда ведет к уменьшению, единодущие же и единомыслие—к увеличению». Что же касается до членов иерусалимской общины, то, по словам оратора, они вели прямо таки ангельскую жизнь, несмотря на свою малочисленность и враждебное к ним отношение со стороны окружавшего их языческого мира. И все же несмотря ни на что—ни на печальную действительность в настоящем, ни на ангельскую жизнь в прошлом—Иоанн Златоуст принужден сознаться, что «теперь люди (очевидно имеется в виду аудитория богатых и средне-зажиточных граждан Антиохии и Константинополя) этого коммунизма боятся больше, чем упасть в неизмеримое и беспределное море».

Коммунистические мотивы в сочинениях христианских писателей, не исключая и посланий Павла, в настоящее время, кажется, уже не оспариваются ни одним ученым специалистом. Иначе обстоит дело с попытками осуществления или реализации так высоко ценимых в среде пролетариев и части римской интеллигенции коммунистических принципов. И это прежде всего относится к самой иерусалимской общине, о которой упоминают «Деяния апостолов». «Все же верующие были вместе и имели все общее: и продавали имения и всякую собственность, и разделяли всем, смотря по нужде каждого». В пользу положительного решения вопроса, кроме прямых свидетельств традиции, которые все же до сих пор никем убеди-

тельно еще не опровергнуты, является и тот факт, что история сохранила нам сведения и о некоторых других общинах, построенных приблизительно на тех же коммунистических началах, как и первая христианская община в Иерусалиме. Таковы секты или общины ессеев, терапевтов, пифагорейцев и других. Помимо того, если припомнить, как много коммунистического духа было в целом ряде общественных учреждений империи, религиозно-профессиональных союзах, институтах алиментаций, в крестьянских общинах и т. п., то допущение существования небольшой (по одним предположениям человек в 120) религиозной общины совсем не представляется полетом досужей фантазии. Наконец, в большей или меньшей степени коммунизм был проведен и в других христианских общинах, сведения о которых представляют, главным образом, письма или послания Павла.

Таким образом, при наличии сходно организованных религиозно-созерцательных общин, профессионально-охранительных коллегий ремесленников, общих трапез и т. п., представляется вполне правдоподобным и допущение существования иерусалимской общины, построенной на коммунистических основах, о которой, повторяем, все же упоминают и наши источники.

Интересен при этом вопрос о численности христианских общин в первые века распространения христианства, но, за неимением более или менее надежных данных, приходится ограничиться лишь общим замечанием, что численность последователей Христа до II столетия нашей эры, по крайней мере, на римской территории, была незначительна. С половины же II века христианские общины заметно начинают увеличиваться в числе и крепнуть: поэтому Тертуллиан и мог говорить об успехах в половине II века христианской агитации среди мелкобуржуазных классов населения, купцов-торговцев и ремесленников, а по словам Юстина - мученика, умершего в 167 году в Риме, в его время в империи не было ни римского, ни элинского, ни варварского народа, где бы не возносилась молитва к отцу и творцу вселенной, т. е. к христианскому богу: это подтверждается и сообщением учителя Ипполита, и лионского епископа Иринея о существовании христианских общин в Германии, Иберии, Галлии и других странах севера, хотя, как свидетельствуют те же источники, в первые два века распространение христианства сильно тормозилось неустойчивостью в среде самих христиан, расколом, невысоким нравственным уровнем сестер и братьев, злоупотреблением коммунистическим имуществом и т. п.

При настоящем состоянии науки одним из важных и основных вопросов — считается вопрос о социальном составе первохристианских общин. По нашему мнению основным ядром, заполнявшим собою христианские общины в первые века их существования, надо считать пролетариат, т. е. ремесленников, рабов и женщин, — одним словом все наиболее обиженные и материально угнетенные слои римского общества, но с половины II века, по многим данным, усиливается прилив в христианские общины людей богатых и интеллигентных. В доказательство того, что в составе христианских общин находились также и люди богатые, пользовавшиеся даже и привилегированным положением при дворе, может служить вторая глава «Послания» Иакова, датируемого приблизительно половиной II века. «Братья мои», пишет Иаков, — имейте веру от Иисуса Христа, нашего Господа славы, не взирая на лица. Ибо, если в собрание наше войдет человек с золотым перстнем, в богатой одежде, войдет же и бедный в скучной одежде, и вы, смотря на одетого в богатую одежду, скажете ему: «тебе хорошо сесть здесь, а бедному скажете ты стань там, или садись у ног мсих». Дальше следует обычная ламентация на тему о вреде богатства (2, 1—7). Прилив богатых и знатных в христианские общины заметно усиливается по мере выветривания революционных и коммунистических элементов в общинах, с одной стороны, и полного распада языческих религий и потери кредита умозрительной рационалистической науки и философии, с другой.

Изменение состава и увеличение числа членов первых общин повело к их сравнительно быстрому перерождению и наконец исчезновению самых основ первых общежитий. Богатые и интеллигентные, вступившие в христианские общины, на ряду с развитием неравенства внутри самих общин, в конце концов разложили эти общины, вытравив из них коммунистический принцип обязательности для всех без исключения физического труда, импровизированной проповеди, всеобщего равенства и простоты. Процесс расслоения общин продолжался долгое время, пока не достиг своего завершения в образовании католического клира. Уже в послании к коринфянам Павел определенно становится на точку зрения этих «святых» или «совершенных» членов общины, имевших преимущественное право учить и наставлять своих младших более скромных сотоварышей, обязанных внимать и покорно исполнять наставление старших. «Если мы посеяли в вас духовное, — задает вопрос Павел, —

велико ли то, если мы пожнем у вас телесное? Если другие имеют часть в вашем имении, то не лучше ли мы их». По посланиям Павла, состоящим из частей, написанных в разное время и, может быть, даже разными лицами, можно проследить постепенный переход от суверенной общине к ее бюрократической организации. В первом послании к коринфянам, например, клирики уже одни поют псалмы, а певчие члены только вторят аминь. В позднейшем же из четырех главных посланий Павла — в «Послании к Галатам» — процесс раслоения и дифференциации уже значительно продвинулся вперед: теперь уже видимо прочно вошли в обычай приношения клирикам, окончательно закрепленные «Учением XII апостолов», предписывающим членам общине дарить учителям и наставникам половину своего имущества.

Итак, начав с проповеди братства, равенства, свободы, внутреннего психологического перерождения и полного отрицания какой бы то ни было догмы и ритуала, с течением времени, особенно по мере налаживания отношений с государством, христианство совершает быструю эволюцию, иногда незаметно для себя идя на компромисс с традицией и впитывая в себя «дух времени». Таким образом мало-малу устанавливается догма, вырабатывается «символ веры», простота и непосредственность в рамках христианства все более и более уступают место строгому церемониалу, возглавляемому целой иерархией жрецов, организованных по системе римской языческой бюрократии; рассказы о демонах, ангелах, святых и чудесах затемняют самую «сущность христианства». Коммунистические же принципы искажаются в самой основе, самодержавное царство Мессии, «царство божие» на земле постепенно возносится на небо и из земного превращается в «высшее», небесное, а на земле появляется «наместник Христов» — папа, окруженный «солью земли» — кардиналами, архиепископами, епископами, аббатами. Одним словом, со временем признания церкви государством христианство из силы творческой, революционной превращается в силу консервативную, ведущую борьбу не на жизнь, а на смерть со своими многочисленными врагами — язычниками и сектантами, в частности, с гностиками. Воскресает теперь и испытанная практика гонений и конфискаций, резкая при Грациане (375—383) и достигшая своего апогея в пресловутом эдикте Феодосия I (381 г.), предписывавшем обязательность для всего римского государства учения Афанасия о трех единствах, уничтожавшем остатки языческого культа, объявлявшем

конфискацию земель и имущества языческих конгрегаций и сильно стеснявшем свободу религиозной мысли и совести. И все-таки, несмотря на все старания изгнать остатки языческого культа, именно с IV века язычество на всех фронтах одерживает крупные успехи в борьбе с христианством. Языческая наука и философия, главным образом, реторика, с одной стороны, языческий ритуал, праздники, посты, жертвоприношения, очищение водой и, наконец, весь строй и внешний порядок богослужения и иерархии с небольшими модификациями переходят к христианам по наследству от старого языческого мира.

Но все же было бы большой методологической ошибкой эволюцию христианских общин и образование католической церкви со всеми хозяйствственно-экономическими и социально-культурными особенностями объяснить сознательной злой волей жрецов. Дело не в жрецах и не в их злой воле. Разложение общинного коммунизма и развитие церковных монастырских братств вызывалось прежде всего потребностями хозяйственно-экономического порядка. Дело в том, что слабое развитие производства в христианских общинах, как правило, бывших коммунами потребления, с другой стороны невозможность организовать распадавшееся хозяйство империи на других, помимо коммунистических, принципах, приводило к созданию каких-то иных компромиссных между капиталистическими и строго коммунистическими форм жизни. При таком положении вещей католическая церковь для своего времени являлась необходимой хозяйственно-экономической организацией. Как греко-римская культура могла проникнуть в среду наседавших на империю варваров и оказать на них свое цивилизующее влияние исключительно при посредстве христианской проповеди, так точно и расстроенная безконечными смутами и войнами хозяйственная жизнь империи и организация варварских народностей, очевидно, могли быть выполнены также только с помощью католической церкви. В дальнейшем же с развитием и усложнением форм денежного обращения на Западе, коммунистическая организация католической церкви слабеет и параллельно с этим ослаблением церкви падает или понижается ее авторитет среди народных масс. При таком понимании природы католической церкви становится понятным и коммунистический колорит сочинений и проповедей отцов церкви, да и вообще всей новозаветной литературы. С другой стороны, отчетливо выступает и разница между древне-христианским церковным и современным коммунизмом, стремящимся поставить жизнь на основах крупной машинной индустрии и чеканной строго научной теории.

17. Античный мир и современность.

Среди древних городских ворот живописного городка Перуджии одни особенно поражают своеобразием своей конструкции: на колоссальных фундаментах, воздвигнутых в эпоху этрусков, возвышается римская арка, а грациозная средневековая лоджа венчает постройку. Местные жители равнодушно проходят под нею. Культурный путешественник останавливается в глубоком раздумье: для него слои этого памятника архитектуры являются символом культурного развития города и всей страны. Такую же картину представляет новейшая культура, с той только разницей, что наслаждение ее не вырисовывается для неопытного глаза с такой отчетливостью, и современность с понятной и обоснованной самоуверенностью не всегда любит напоминание о том, скольким она обязана минувшим векам. Тем не менее, только тому доступно всестороннее понимание современной культуры, ее облика и основ, кто уяснит себе ее корни. Часть корней нашей современной культуры идет и от античного мира.

Когда наши предки, полудикие германские и славянские народы, в поисках новых мест для поселения залили своим потоком Римскую империю, казалось, что вся культура, созданная многовековым трудом античных народов, погибла. Города выжигались, разрушались, население местами истреблялось поголовно, все рушилось. Суеверные люди считали все эти бедствия началом конца мира, ждали с часу на час второго пришествия. Но, несмотря на полное по внешности разложение, греко-римская культура, однако, не уничтожилась. В глубине жизни продолжало существовать то, что было создано веками труда. Изучение хозяйственного строя средних веков привело Фюстель-де-Куланжа в его исследовании «Римский колонат» к выводу, что средневековый общественный строй сохранил те же самые аграрные порядки, какие выработал древний Рим. Верхний этаж христианской церкви, католический клир, получил в наследие от римской бюрократии сложную и стройную иерархию, от языческой интеллигенции — надменное и презрительное отношение к народу, а от античных аграриев-рабовладельцев и их агрономов «систему выжимания пота». Сохранился и административно-политический строй в значительной степени, и термин «Римская империя» с присоединением «Священная» просуществовала до

XIX века. Затем, завоеватели приняли у побежденных письменность все народы Западной Европы пишут латинской, т. е. римской азбукой, и русская азбука есть видоизменение церковно-славянской азбуки, которую балканские славяне переняли у греков; переняли новые народы христианскую религию и календарь. Даже в самую темную эпоху средних веков связь всех народов Европы с художественным античным наследием не изгладилась. То, что греки открыли и почувствовали в области искусства, пока сохраняли свою национальность, то, что само собой приспособилось к новым потребностям жизни во времена их интернациональности, все то, что вслед затем римляне пережили в этом отношении и разнесли со своими легионами по целому миру,—все это продолжало громко и явственно звучать среди моря чужестранных тонов, оглашавших столетия, следовавшие за переселением народов. Достаточно указать, что г сподствовавший архитектурный стиль, охвативший всю Европу в X—XII веках, носил название «романского» от Рома—Рим—романус—римский, ясно показывая свое происхождение и связь с древним Римом. Даже тогда, когда общество стало в резкое противоречие с античными, языческими идеалами, античные сюжеты не исчезли из европейской литературы, а в Аристотеле хотели видеть предтечу Христа. Далее, культурные приобретения, созданные греками и римлянами в виде литературных художественных произведений, сборников законов, научных сочинений, не погибли целиком. Часть их уцелела, лежала заброшенная и забытая в кладовых, в грудах мусора, на чердаках, даже в земле куда во время переселения народов богатые люди закапывали свои драгоценности. Пришло время, когда дикие завоеватели окончательно осели, когда у них появились города и торговля; тогда им понадобилось заводить строгий порядок в управлении, установить правила для торговли, для ремесла, стали нужны для всего этого грамотные и образованные люди. Тогда пригодились остатки греко-римской культуры: они вспомнили, что все затруднения и вопросы, какие стоят теперь перед потомками завоевателей, были прекрасно разрешены завоеванными. Стали искать и нашли: сокровища греко-римской культуры снова увидели свет.

Когда новый вид хозяйственных отношений стал укрепляться, вместо натурального хозяйства стал водворяться обмен, то потребовались новые формы и уже в последней трети XI века Павии стали сознательно пользоваться Юстиниан. кодексом для применения к новым практическим задачам; Болонский университет стал родиной

новых юридических норм, основанных на абстрактном праве римской императорской эпохи. Так, научное изучение древне-римских юридических памятников вытекало непосредственно из ощущаемой практической потребности в правовых нормах, соответствующих хозяйственным отношениям, изменившимся в смысле большого оживления обмена; причем право римских императоров как раз и давало такие нормы внешние, готовые, сложившиеся. Политическая жизнь с начала XIII века толкала на изучение древне-римской литературы: складывались новые воззрения на государство. Коло-ди-Риензи даже пытался возродить к жизни античный государственный идеал, с которым он познакомился в произведениях Ливия и Цицерона. В связи с новым политическим движением и историки работают не как средневековые хронисты, начинающие с сотворения мира, а как античные историки, изображающие исторические события своего века, как люди сами принимавшие участие в них. В изображении материала им служат образцами римские писатели. Светская жизнь и интерес обращали взоры к античной литературе. Когда человеческая личность сбросила с себя путы церковного авторитета и человечество начало освобождаться от оков схоластики и аскетизма, новому городскому обществу показалось, что в античной философии и литературе оно нашло готовое выражение новых идеалов, что языческий мир давно уже выработал те формы жизни, мысли и творчества, которые отвечали новым потребностям и вкусам, что обществу не зачем искать новых путей и достаточно вернуться к утраченной классической цивилизации. В области светской секуляризированной философии рядом с христианскими авторитетами выступает совершенно такой же античный авторитет: рядом с Аристотелем, Платон является наиболее близким спутником. У римских и греческих писателей учились красноречию и умению складно и убедительно излагать дела и мысли, у них старались узнать, каковы пределы и формы земли и куда можно направить европейцам излишки своего населения. Когда соприкосновение средневекового миросозерцания с возродившейся философией древности вызвало конфликт и с ним новое направление научной мысли, освободившийся от традиции Коперник создал свою систему, как показал Иделер в своей работе об отношении Коперника к античности, под непосредственным воздействием древних писателей, именно благодаря сочинениям Цицерона и Плутарха, которые тогда стали известны и в которых сохранились различные элементы пифагорейской философии.

В XVII и XVIII веках греческая трагедия стала образцом для европейского театра, а поэтика Аристотеля — евангелием, по отношению к которому Буало и Лессинг сыграли такую же роль, какую богословы разных школ играют по отношению к священному писанию: они расходятся в толковании его, но не дерзают повергнуть сомнению его авторитет. В то же время Винкельман видит в греках единственных носителей изящного вкуса и в подражании им — путь более короткий и верный, чем в прямом подражании природе. Так происходило усвоение греко-римской культуры. Усвоена была, конечно, не вся культура в целом, она не возродилась целиком, но были восприняты все те ее элементы, которые подходили к практическим нуждам времени: они смешались с культурой завоевателей, приспособились к ней и продолжали развиваться вместе вплоть до нашего времени.

Путем вековых наслоений у нас образовалось громадное наследие античности: ею пропитана наша современная культура. «Вся наша новая культура основывается на культуре греческой», говорит историк Белох. Географ Реклю сравнивает Афины с теми звездами, которые уже потухли, но еще продолжают освещать землю. «Если мы гордимся нашим господством над природою, нашим пониманием ее, если мы признаем закономерную связь человеческих отношений, то в этом предшественниками нашими были творцы греческой науки», замечает историк Бузескул. «Греки создали рациональную науку, освобожденную от тайн и магии, ту науку, которою мы занимаемся теперь», говорит химик Бертло.

Античное наследие у нас — на каждом шагу. Мы постоянно употребляем выражения «Прокрустово ложе», «чары Цирцеи», «обаяние сирены», взятые из античной поэзии. Доселе изучаем мы учение Архимеда о потере веса плавающим телом, о центре тяжести, доселе пользуемся зажигательными зеркалами, водоподъемным винтом, бесконечным винтом, называемым Архимедовым. До настоящего времени физика сохраняет Геронов фонтан, Геронов шар, служащий для демонстрации давления сжатого воздуха. Геронов автомат возобновлен в наше время в автоматах. Элементы Эвклида вплоть до XIX века служили учебником геометрии. Мы постоянно пользуемся философией и в разных науках терминологией, взятой из Греции и Рима, латинскими и греческими словами пестрят и страницы этой книги. Латинские и греческие надписи на зданиях, греческие и римские боги на стенах, афишах, на обложках книг, новейшие ве-

ликолепные постройки всего мира обильно заимствуют свою форму из античных орденов, выдвигают античное искусство программы обучения в наших художественных школах, в которых теперь, как и раньше, срисовывают и воспроизводят греческие статуи. Античное искусство проникло в широкие круги, и на каждом шагу встречаются орнаментальные формы, прямо или косвенно заимствованные из Греции или Рима. Только в новейшее время наблюдаются отдельные попытки, и притом попытки впервые вполне сознательные, совершенно освободиться из-под влияния классических традиций. Причина этого последнего движения не в том или ином капризе традиций, а в том обстоятельстве, что наша новейшая культура, достигшая пышного расцвета техники, развившийся до крупных размеров капитализм и развивающийся социализм обусловливают иные социальные и политические и идеологические стремления, несходные с стремлениями эпохи натурального и капиталистического недоразвитого хозяйства, которым жил античный рабовладельческий мир.

18. Причины и ход упадка рабовладельческих обществ в равнинах Нила, Месопотамии, в Греции и Риме.

Для развития всякого общества необходим некоторый избыток энергии, который можно было бы затрачивать на расширение производства, на улучшение техники и вообще на увеличение производительности общественного труда. Общества, в которых такого избытка энергии нет, или которые растратаивают его непроизводительно, обречены на медленную гибель.

К обществам такого типа принадлежали восточные деспотии, слагавшиеся из двух противоположных элементов — из централизованной бюрократии и целиком подчиненных ей народных низов. Низы, не только многочисленные рабы восточных деспотий, но и остатки самостоятельных или феодально-зависимых мелких производителей, жили при невероятно тяжелых условиях. Задавленные непосильной работой, они непрерывно разорялись безграничными потребностями господ, а если у них и оставалось свободное время сверх того, что необходимо было для поддержания крайне невысокого жизненного уровня, то оно шло на удовлетворение прихотей сатрапов и деспотов. Господа же стояли бесконечно далеко от производительного труда, и общественная роль их сводилась к изобретению

методов эксплуатации. Погрузившись в безделие и утопая в сказочном восточном разврате и роскоши, они превратились в чистых паразитов.

Все это вело к тому, что в восточных деспотиях начинался процесс медленного вырождения, которое завершалось обычно вмешательством более способных внешних сил.

Строение и жизнь рабовладельческих обществ античного мира были значительно сложнее и многообразнее. В соответствии с этим и ход их экономического и общего упадка представляется более сложным.

Технический прогресс — основа всякого развития общества, начал все сильнее замедлять свой ход с того времени, как сословие господ фактически утратило, сложило с себя организаторскую роль в производстве. Действительно, то был единственный класс общества, по условиям своей жизни имевший возможность развиваться: по мере его превращения в группу общественно-паразитическую и его развитие изменяло свой характер, шло уже в паразитическом, потребительском, а не производительном направлении. Рабы же, в силу основных условий своей жизни, почти не могли развиваться и развивать силы общества в борьбе с природой.

Но этого мало — рабы фактически принижались, деградировали умственно и физически. Человек, превращенный в орудие производства, быстро терял свою жизненную энергию. Беспощадная эксплуатация сокращала его существование и приводила его потомство к быстрому вырождению и гибели. При наличии постоянной, систематической торговли рабами, для господ оказывалось выгодным требовать от своих рабов наибольшего возможного напряжения в работе, не заботясь о том, чтобы вполне восстанавливать их истощенные силы отдыхом, пищей и вообще достаточным удовлетворением их потребностей. Правда, живое орудие скоро изнашивалось, но извлеченная из него выгода с избытком покрывала издержки на покупку нового такого орудия.

В результате рабы вымирали, число их неизбежно уменьшалось, смертность преобладала над размножением. Но в течение многих веков это вымирание с избытком покрывалось притоком свежих пленников, которые добывались посредством войны с варварами, соседями культурного рабовладельческого общества. Пока этот источник рабов не иссяк, рабовладельческое общество по крайней мере не деградировало, а держалось на одном уровне: производство не уменьшалось в размерах, потому что рабочей силы было достаточно.

Однако, такое положение дел не могло продолжаться бесконечно. Настало время, когда успешность войн с варварами начала быстро понижаться, а добывание рабов в достаточном количестве сделалось очень затруднительным, а затем и прямо невозможным. Победы над варварами сменились целым рядом поражений, войны из наступательных стали оборонительными, источник рабочей силы иссяк. Какие причины вызвали такой поворот военного счастья?

Причины эти сводятся к быстрому упадку военной силы рабовладельческого общества.

Война — производство рабов — оставалась единственной областью производства, которую никоим образом нельзя было передать рабам и которая оставалась поэтому делом свободных людей. Войско могло состоять только из людей свободного сословия, и поэтому упадок этого сословия означал упадок войска, упадок производства рабов, деградацию рабовладельческого хозяйства. Между тем внутренние экономические условия древнего мира подрывали силу свободного сословия.

Свободное сословие состояло, во-первых, из типичных крупных рабовладельцев, которых было меньшинство, и, во-вторых, из мелких собственников, хозяйство которых нередко имело чисто семейный характер, т. е. обходилось без рабов и всегда держалось по преимуществу личным трудом владельцев и их семейств; наибольшую часть таких хозяйств составляли землевладельческие, меньшую — ремесленные.

Таким образом основную часть военной силы древнего мира составляли мелкие собственники-землевладельцы, иначе — крестьяне. Рим, объединивший под своей властью все античные общества, являлся в эпоху расцвета своей завоевательной политики по преимуществу крестьянским государством. Пока сохранилось сильное многочисленное и свободное крестьянство, до тех пор классический мир, пользуясь своей высокой военной техникой, мог без труда одерживать победы над варварскими племенами — храбрыми, сплоченными, но мало знакомыми с военным искусством.

Крестьянство несло на себе всю тягость войн не только в том смысле, что жертвовало в них своей кровью, но также в том смысле, что на нем лежали почти все государственные налоги и платежи, на счет которых велись эти войны. Высшие классы — крупные рабовладельцы — умели свалить с себя эту тягость, потому что вместе с богатством им принадлежала и политическая сила. Наоборот, вы-

годами войн крестьянство пользовалось лишь в ничтожной степени— наибольшая доля доставалась опять-таки богатым рабовладельцам, и по той же причине они занимали все важные и влиятельные должности в войске: они заведывали распределением добычи, главным образом земли и рабов, они делались правителями завоеванных провинций и т. д.

Разорение крестьянства ускорялось также развитием крупного сельского хозяйства. Применяя к земледелию многие сотни рабов, крупный землевладелец Сицилии и Южной Италии доставлял на рынок массы дешевого хлеба; нередко в виде контрибуции побежденные народы доставляли Риму громадные количества хлеба совершенно даром. Для мелкого землевладельца производство хлеба на продажу становилось прямо невыгодным делом.

Война и конкуренция крупных рабовладельческих латифундий, разорявшие хозяйства крестьян, заставляли их бросаться в объятия ростовщика, который все более и более запутывал в сетях своих должников. Ростовщичество было чрезвычайно прибыльным делом, и к тому же не требовало никакой затраты труда. Вполне естественно, что знатные рабовладельцы, воспитанные в безделии, охотно занимались ростовщичеством. Проценты, которые приходилось платить по займам, были невероятно велики. В Афинах эпохи расцвета 18 % в год были обычной высотой роста. В Риме такие люди, как Помпей, Сулла, Антоний, Брут и Кассий, не стеснялись давать ссуды за громадные проценты, достигавшие 48—70% в год. Кредиторы-рабовладельцы обладали могущественным аппаратом, чтобы заставить своих должников платить положенные проценты. Этим аппаратом было античное государство, которое являлось органом классового господства рабовладельцев. Государство применяло к несостоительному должнику самые суровые меры, вплоть до продажи в рабство и смертной казни. Попавши в руки такого рода кредиторов, крестьянин скоро доходил до полного разорения.

Таким образом, все соединялось против мелкого землевладельца: тягость громадных налогов и постоянных войн, сила ростовщического капитала и сила конкуренции крупного рабовладельческого земледелия с его более высокой техникой. Разорение крестьянства шло быстро: мелкий землевладелец терял свою землю за долги, а нередко даже сам бросал ее в виду невыгодности хозяйства. Его участок переходил к крупному землевладельцу. Так земельная собственность сосредоточивалась в руках богачей. Уже

около рождества Христова вся Италия представляла небольшое число громадных поместий — латифундий.

Параллельно разорению крестьян шло разорение ремесленников. Правда, конкуренция крупных рабовладельческих хозяйств не была так губительна для ремесленников, как для крестьян, потому что техника рабовладельческого производства в области промышленности едва ли стояла выше техники ремесла, где производительность труда зависит по преимуществу от личных навыков и искусства ремесленника. Но рабовладельческая система подрывала экономическую опору ремесленника, разоряя крестьянские хозяйства. Дело в том, что главными покупателями у ремесленников были крестьяне. Пока они не находились еще в сетях ростовщического капитала, пока конкуренция и войны не понизили их жизненного уровня до физиологического минимума, они образовывали широкий рынок для продуктов ремесленного производства. Но когда развился экономический упадок крестьянства, началось и вырождение ремесленников, которое дополнило картину всеобщей деградации античного мира.

Мелкие собственники чем дальше, тем больше превращались в «пролетариев», т. е. в свободных людей, лишенных средств производства. В деревне, где господствовали богачи и хозяйство велось рабским трудом, пролетарию нечего было делать: он бежал в город искать средств к жизни. В городах скаплялись сотни тысяч подобного бездомного люда, для которого и там не было производительных занятий. Государству приходилось поддерживать его: политические партии пользовались им, как средством в борьбе друг против друга. Основными источниками существования являлись для пролетариев подачки со стороны богачей, государственная помощь и продажа голосов политическим партиям. В особенности относится это к тем пролетариям, которые жили в Риме. Они всегда служили тому, кто им больше давал. То был настоящий «пролетариат паразитов», выступавший в роли прислужников и льстецов господствующей политической силы и отдельных экономически сильных лиц. Он еще пополнялся вольноотпущенниками — рабами, которых за особые услуги или за выкуп господа отпускали на волю. Эти низшие элементы пролетариата ускорили его нравственное разложение, присоединяя к тогдашним порокам свободных людей всю низость рабской психологии.

Итак, крестьяне и ремесленники разорялись: они теряли прежнюю общественную роль и деморализовались, переходя в про-

пролетариат паразитов. Вместе с тем таяла военная сила рабовладельческого общества: паразитический пролетарий неспособен заменить в войске энергичного, мужественного крестьянина; паразит не выносит тяжелых трудов войны, ее суровой дисциплины: он не хочет никуда выходить из города, где, не работая, добывает средства к жизни. В этом отношении пролетарий древнего мира вполне сведен со своей противоположностью — изнеженным крупным рабовладельцем.

А варвары, сильные сплоченностью родовых связей, свободные и голые, неутомимо продолжали борьбу против рабовладельческого мира, против его военной организации — римской армии. И этот, когда-то несокрушимый, оплот античной культуры начал понемногу поддаваться под натиском новых и новых волн прилива варваров. Из наступательной войны становится для Римской Империи оборонительной, победы сменяются поражениями. Военное производство рабской рабочей силы чрезвычайно уменьшается, и вместе с тем подрывается самая основа древней культуры.

Начинается общий упадок производства — результат недостатка рабочей силы. Первым пострадало земледелие. Сначала наблюдается в латифундиях замена земледелия скотоводством, которое требует меньше рабочих рук; но на этом дело не останавливается: деревня приходит в запустение, и пастбища, явившиеся на месте прежних полей, в свою очередь превращаются в пустоши. Слабость сельского хозяйства уже сама по себе подрывает другие сферы промышленности, для которых деревня была частью источником сырых материалов и жизненных средств, частью — рынком. Но, кроме того, к упадку обрабатывающей промышленности ведет и непосредственно все тот же недостаток свежих рабов, который расстроил сельское хозяйство. Шаг за шагом древний мир подвигался к полному крушению. Но он еще боролся за свою жизнь и культуру, пытался приспособиться к изменяющимся условиям.

Недостаток рабочих сил в основных отраслях производства — в военном и сельском хозяйстве — Римская империя старалась пополнить свободными варварами.

Состав римских легионов изменяется: туда набирают все больше галлов и германцев; с течением времени начинают даже нанимать для охраны границ целые варварские дружины. Благодаря этому, Рим мог и продержаться некоторое время против варваров, противопоставляя им варваров. Но римская армия перестала быть римской по своему составу, и даже римляне-полководцы были вытеснены

мало-по-малу германцами — вождями германских дружин. И когда в 476 г. варвар Одоакр свергнул римского императора Ромуала-Августула, это было лишь внешним выражением уже совершившегося превращения римской империи в германскую.

Аналогичное явление происходило и в сельском хозяйстве. Правительство империи старалось привлекать на опустевшие земли поселенцев, уступая им участки на льготных условиях, за известные подати и налоги. Подобным же образом поступали и частные землевладельцы, отдавая землю в аренду желающим за определенные оброки. Так возник свободный колонат — сословие мелких землевладельцев, которые вели свое самостоятельное хозяйство на государственной или владельческой земле за установленную сумму повинностей. Большую часть свободных колонов составляли переселившиеся в Римскую империю варвары, из которых создалось, следовательно, основное ядро нового крестьянства.

Рядом со свободным колонатом упадок крупного земледелия породил колонат несвободный: арендаторами-землевладельцами во многих случаях делались рабы. Когда условия хлебного рынка значительно ухудшились, то прежнее массовое производство в латифундиях не могло продолжаться вследствие плохого сбыта, даже там, где не было недостатка в рабах, а производство в мелких размерах удобнее было вести при посредстве арендаторов, которые брали на себя все хлопоты и платили оброк. Таким образом, для господ стало выгоднее предоставить рабам вести за оброк самостоятельное хозяйство, чем непосредственно их эксплуатировать в своем хозяйстве; к тому же относительное повышение свободы труда усиливало его интенсивность и производительность по сравнению с обычным рабским трудом, так что являлась возможность повышенной эксплуатации.

Итак, причины деградации древней культуры сводятся к тому что основу этой культуры составляла военная эксплуатация варварских племен, которые являлись как бы сырьем материалом для производства живых орудий — рабов. Последовательный ход процесса можно изобразить в таком виде: деградация рабов — силой чрезмерной эксплуатации; деградация свободных людей — путем превращения их в паразитические элементы общества; упадок военной силы и военного производства, упадок производства вообще вследствие недостатка рабочей силы; внедрение варварских элементов в старое, разлагающееся общество и окончательная победа этих элементов над его остатками.

Книгоиздательство «СЕЯТЕЛЬ» Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Телеф. № 5-47-76.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОВЕДЕНИЯ.

Под редакцией проф. Н. Г. ТАРАСОВА.

ТОМ I.

Жизнь общества в первичных формах и сложных образованиях в Египте, Месопотамии, Греции и Риме.

Составил Н. Г. Тарасов.

Стр. 251. Цена 2 р.

ТОМ II.

Формы организации труда и общества в эпоху преобладания натурального хозяйства.

Составили Н. П. Грацианский, Е. А. Мороховец и Н. Г. Тарасов.

Стр. 336.

ТОМ III.

Жизнь общества в эпоху океанической торговли, зарождения мировых рынков и капитализма.

Составили А. А. Деконский, К. В. Котрохов и Н. Г. Тарасов.

Стр. 258.

ТОМ IV.

Жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистической промышленности и развития социализма.

Составил Г. О. Гордон.

Стр. 336.

ТОМ V.

Капитализм и социализм. Экономические и государственно-правовые основы общества.

Готовится к печати.

Инициоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

Проф. Н. И. КАРЕЕВ.

ОЧЕРКИ

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ В НОВЕЙШЕЕ ВРЕМЯ.

Стр. 268. Цена 1 р. 50 к.

Из отзывов печати:

„Несмотря на чрезвычайную актуальность изучения западно-европейской истории XIX века, у нас, как это ни странно, почти не имеется ни одной работы, трактующей предмет с точки зрения политики-экономии. „Очерки“ проф. Кареева поэтому в значительной степени восполняют пробел.

„Изложенные в сжатой, популярной форме и вместе с тем строго научно, „Очерки“ являются чрезвычайно ценным пособием. Следует отметить достаточную объективность проф. Кареева при изложении вопросов новейшей истории: развития европейского капитализма, превращения его в воинствующий империализм, роста пролетариата, развития социализма, причин возникновения мировой войны, краха второго интернационала и т. д.“.

«Известия В. Ц. И. К.» от 23-VIII 1923 г.

ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ в историческом романе.

Стр. 154. Цена 90 к.

Содержание: Общие соображения об историческом романе.—Исторические романы Дюма.—„Мопра“, „Нанон“ и „Кадио“ Жорж Санд.—„Шуаны“ и „Темное дело“ Бальзака.—„Повесть о двух городах“ Диккенса.—„Девяносто третий год“ Виктора Гюго.—„История одного крестьянина“ Эркмана Шатриана.—Романы Феликса Гра., „Журдан-Головорез“ Эрнеста Додэ.—„Канонисса“ А. Тёрье.—Роман Анатоля Франса „Боги жаждут“.—Революционные драмы Ромэна Роллана.

ДВЕ АНГЛИЙСКИЕ РЕВОЛЮЦИИ XVII ВЕКА.

Стр. 271, Цена 1 р. 50 к.

ПЕЧАТАЕТСЯ:

ФРАНЦУЗСКИЕ РАБОЧИЕ И КРЕСТЬЯНЕ В ЭПОХУ РЕВОЛЮЦИИ.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

Проф. С. Г. Лозинский.

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕГО МИРА

ГРЕЦИЯ и РИМ.

Стр. 176. Цена 1 р. 10 к.

СОДЕРЖАНИЕ:

ГРЕЦИЯ: Древнейший период греческой истории.—Страна—Религия.—Господство земельной аристократии.—Эпоха великих законодателей.—Освободительные войны.—Рабство.—Расцвет Афинской демократии.—Пелопонесская война.—Эпоха упадка.—Македонский период.

РИМ: Борьба сословий.—Рим—великая держава.—Обострение социальной борьбы.—Падение республики.—Империя.—Распадение империи.

Проф. С. Г. Лозинский.

СРЕДНЕВЕКОВЫЕ РОСТОВЩИКИ.

Стр. 158. Цена 90 к.

СОДЕРЖАНИЕ:

РИМСКАЯ КУРИЯ: Обложение духовных должностей.—Налоги.—Коллекторы.

МОНАСТЫРИ: Коммерческие привилегии церкви.—Земельное имущество монастырей.—Торговые предприятия монастырей.—Кредитные операции монастырей.

ДУХОВНО-РЫЦАРСКИЕ ОРДЕНЫ: Орден тамплиеров.—Орден госпитальеров.—Тевтонский орден.

ПЕЧАТАЮТСЯ

А. ОЛАР.

Культ Разума и Верховного Существа во ВРЕМЯ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

С. ГРОССМАН

ПАРТИЯ.

Перевод А. С. Погоцкой под ред. А. Г. Горнфельда.

Издательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА.

под ред. Н. Л. БРОДСКОГО.

Стр. 320. Цена 2 р. 75 к.

Содержание:

Предисловие Н. Л. БРОДСКОГО. *Н. А. Энгельгардт*.—Мелодика Тургеневской прозы. (Опыт анализа и обобщений). *К. К. Истомин*.—Роман «Рудин». (Из истории Тургеневского стиля). *М. А. Рыбникова*.—Один из приемов композиции у Тургенева. *М. П. Самарин*.—Тема страсти у Тургенева. *А. Белецкий*.—Тургенев и русские писательницы 30—60-х гг. *М. П. Алексеев*.—Тургенев и Марлинский. (К истории создания «Стук...стук...стук...»). *М. О. Габель*.—«Песнь торжествующей любви» (опыт анализа). *М. М. Клевенский*.—Литературные советники Тургенева. *А. Лаврецкий*.—Тургенев и Тютчев. *А. С. Долинин*.—Тургенев и Чехов. (Параллельный анализ «Свидания» Тургенева и «Егеря» Чехова).

Творческий путь Достоевского.

под ред. Н. Л. БРОДСКОГО.

СОДЕРЖАНИЕ.

В. Виноградов.—Сюжет и архитектоника романа Достоевского «Бедные люди» в связи с вопросом о поэтике натуральной школы.—*К. Истомин*.—Из жизни и творчества Достоевского в молодости. Введение в изучение Достоевского. *А. Гизетти*.—Гордые язычницы (к характеристике женских образов Достоевского). *М. Давидович*.—Проблема занимательности в романах Достоевского. *А. Скафтылов*. Тематическая композиция романа Достоевского «Идиот». *Д. Дарский*.—Достоевский—мыслитель.

Книгоиздательство „СЕЯТЕЛЬ“ Е. В. Высоцкого.

Петроград, пр. Володарского (б. Литейный), 34. Тел. 5-47-76.

РОССИЯ и ЗАПАД В ПРОШЛОМ. ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

под РЕДАКЦИЕЙ С. Ф. Платонова, А. Е. Преснякова и Е. В. Тарле.

Редакция исторической библиотеки „Россия и Запад в прошлом“, ставя себе задачей изобразить в ряде очерков, основанных на научно-разработанном материале и изложенных в доступной форме, важнейшие моменты и явления западно-европейской и русской истории, будет, при случае, включать в эту серию также очерки по истории других народов. Вместе с тем, не ограничивая себя какими либо хронологическими рамками. Редакция позабочится о том, чтобы более подробно был освещен ближайший к нам период от середины 19-го века.

Е. В. ТАРЛЕ.—ЕВРОПА ОТ ВЕНСКОГО КОНГРЕССА ДО ВЕРСАЛЬСКОГО МИРА. Стр. 232.

Содержание: Европа от Венского конгресса до революционных движений 1848 года и реакции 1849 г.г.—Европа в 1851—1871 г.г.—Великие Европейские державы от 1871 года до образования Антанты.—Европа от образования Антанты до начала мировой войны.—Мировая война.

С. В. СИГРИСТ.—У ПОРОГА ВЕЛИКОЙ ВОЙНЫ. Балканы, как очаг европейских столкновений. Стр. 122.

Содержание: Проекты раздела Балкан.—Балканские государства до войны 1912—1913 г.г.—Возникновение Балканского Союза.—Война против Турции и отношение к ней великих держав.—Дипломатическое соперничество России и Австро-Венгрии.—Распад Союза, и вторая война.—Мирные трактаты 1913 г.—Новое государство — Албания.—Результаты балканских войн и положение к 1914 г.—Балканы и мировая война.

С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ.—НАРОДНЫЕ ВОЛНЕНИЯ ПРИ ПЕРВЫХ РОМАНОВЫХ. Стр. 223.

Содержание: Наследие смуты:—Борьба общественных классов в смутное время.—Ликвидация смуты—судьба Заруцкого.—Мятеж 1648 г. и „Соборное Уложение“ 1649 г.:—Развитие социальных отношений в первой половине 17 века.—Восстание 1648 г. и его результаты.—„Уложение“ и его влияние на развитие социального строя. Разиновщина:—Шестидесятые годы на Москве и на Дону.—Бунт Стеньки Разина.

Е. КОЦ.—КРЕСТЬЯНСКИЕ ДВИЖЕНИЯ В РОССИИ. (От Пугачевщины до революции 1905 г.).

Содержание: Экономическое положение крепостных крестьян в 18 веке и волнения приписных крестьян.—Пугачевщина.—Крестьянские волнения при Павле.—Отечественная война.—Декабристы и отклики 14 декабря.—Экономическое положение крепостных крестьян в 19 веке.—Николаевская эпоха.—Движение в связи с манифестом 19 февраля 1861 г.—Крестьяне и революционное народничество.—Восьмидесятые годы.—Экономическое положение крестьян после реформы.—Движение в 1902—1903—1904 гг.—Весна и лето 1905 г.—Крестьянский союз.—Октябрьские дни 1905 г.—1906—1907 гг.

А. Н. ШЕБУНИН.—ЕВРОПЕЙСКАЯ КОНТР-РЕВОЛЮЦИЯ В I-Ю ПОЛОВИНУ 19 ВЕКА. (Печатается).

ВЫШЛИ ИЗ ПЕЧАТИ:

Математика

Д. ГИЛЬБЕРТ.	— Основания геометрии. Перевод с немецк. под ред. засл. проф. А. В. Васильева. Стр. 152 + XXXII.	1 20
Я. УСПЕНСКИЙ, академик.	— Введение в Нееевклидову геометрию Лобачевского-Болиана. Стр. 178.	1 —
Е Г О Ж Е.	— Избранные математические развлечения	2 50
Н. Д. ТАМАРКИН и В. И. СМИРНОВ.	— Курс высшей математики.	6 —
А. Р. КУЛИШЕР, проф.	— Методика и дидактика геометрии	1 50
Д. А. БЕМ и В. И. КОТОВИЧ.	— Теоретическая арифметика.	1 40
В. М. КУПЕРШТЕЙН и Е. Г. ШАЛЫТ.	— Зап. по метод. арифмет. ч. I.	— 90
ИХ ЖЕ.	— Записки по методике арифметики ч. II.	1 —
А. М. АСТРЯБ.	— Наглядная геометрия.	1 20
Е Г О Ж Е.	— Курс опытной геометрии	2 —
Е Г О Ж Е.	— Задачник по наглядной геометрии.	1 15
Е. Г. ШАЛЫТ.	— Наглядная геометрия.	1 25
Н. М. ГЮНТЕР.	— Краткий курс тригонометрии	1 10
Н. Н. НАВУНЬ.	— Начальный курс геометрии часть I-я	— 70
Е Г О Ж Е.	» , » , » , II-я	— 70
А. КИСЕЛЕВ.	— Элементарная алгебра.	2 50
Е Г О Ж Е.	— Геометрия.	2 50
Е Г О Ж Е.	— Иррациональные числа.	— 25
Е. Н. КОБЕЛЕВА.	— Сборник задач по геометрии	— 80
Н. А. СИГОВ, проф.	— Начальная математика. Элементы геометрии и арифметики для рабочих	2 —
Д. Ф. СЕЛИВАНОВ, проф.	— Приближенные вычисления (распр.)	— 25
Г. Н. ПОПОВ.	— Культура точн. знания в древн. Перу (в связи с развитием узлового счета и письма)	— 30
Е Г О Ж Е.	— Псаммит Архимеда. Перев. с комментариями и кратким очерком научной деятельности Архимеда	— 35

Физика;

Б. ВЕЙНБЕРГ, проф.—Новое в старом. Беседы по физике.	—	50
Е Г О Ж Е.—Твердые тела, жидкости и газы.	—	1 20
(Из серии «Физика для всех»).		
Б. Л. РОЗИНГ, проф.—Теплота.	(, , , , ,)	— 90
Е Г О Ж Е.—Беседы по физике. Механика в жизни.	—	—
Е Г О Ж Е.—Теплота в природе и жилище	—	90
Р. МИЗЕС.—Основные идеи современной физики и новое мировоззрение. Перевод под редакц. Я. И. Френкеля.	—	40
Я. И. ПЕРЕЛЬМАН.—Физическая хрестоматия. Пособие и книга для чтения по физике ч. I. Стр. 232.	—	1 40
Е Г О Ж Е. Физическая хрестоматия. Часть II.	—	1 50
М. Ю. ПИОТРОВСКИЙ, проф.—Физика в летних экскурсиях.	—	1 —
Е Г О Ж Е.—Физика на открытом воздухе.	—	1 50
Я. И. ФРЕНКЕЛЬ.—Строение материи ч. I.—Расчленение материи. Стр. 151.	—	1 —
Е Г О Ж Е.—Строение материи. Ч. II. Сочленение материи. Вып. 1-й	—	1 75
		Вып. 2-й —
А. ЭЙНШТЕЙН.—Основы теории относительности.—4 лекции, прочитанные в Принстонском университете. Стр. 128.	—	75
ДЖИЛЬБРЕТ.—Психология управления предприятиями.	—	1 80

Естествознание:

Ш. А. БУБЛИКОВ.—Биологические беседы	1 35
Ю. А. ВАСИЛЬЕВ, д-р.—Очерки физиологии духа	— 85
А. Ф. ВИНТЕРГАЛЬТЕР.—Как наблюдать животных	— 55
Ник. ЭРНА.—Строители живого тела. (Очерки физиологии внутренней секреции)	1 25

Б. Е. РАЙКОВ, проф.—Организация практич. работ по природо- ведению. Пособие для преподавателей единой труд. школы	— 75
Е Г О Ж Е.—Книжка для практич. работ по неживой природе. Пособие для учащихся	— 35
Ю. А. ФИЛИПЧЕНКО, проф.—Общедоступная биология.	1 20
Е Г О Ж Е.—Происхождение домашних животных	— 70
П. Ю. ШМИДТ, проф.—Сила жизни. Биологический очерк	— 65

География:

Г. И. ИВАНОВ.—Начальн. курс географии. Части I, II и III по	1 10
География, как наука и как учебный предмет. Сборник под ред. проф. С. П. АРЖАНОВА.	1 30

История:

Н. И. НАРЕЕВ, проф.—Очерки по социально-эконом. истории Западной Европы в новейшее время.	1 50
Е Г О Ж Е.—Французская революция в историческом романе	— 90
Е Г О Ж Е.—Две английские революции XVII века	1 50
С. Г. ЛОЗИНСКИЙ, проф.—История древнего мира—Греция и Рим. .	1 10
Е Г О Ж Е.—Средневековые ростовщики.	— 90
С. И. ТХОРЖЕВСКИЙ.—Народные волнения при первых Романовых. .	1 25
Е. В. ТАРЛЕ, проф.—Европа от Венского конгресса до Версаль- ского мира	1 50
С. В. СИГРИСТ.—У порога Великой войны	— 80
Е. С. КОЦ.—Крестьян. движения в России (от Пугачевщ. до 1905 г.) .	1 30
С. ГРОССМАН.—Фердинанд ЛАССАЛЬ.—Перевод с немецкого.	1 25

Библиотека обществоведения:

Под ред. проф. Н. Г. Тарасова.

Т. I. Жизнь общества в первичных формах и сложных образований в Египте, Месопотамии, Греции и Риме.	2 —
Т. II. Формы организации труда и общества в Европе в эпоху преобладания натурального хозяйства и развития среди- земно-морской торговли	2 25
Т. IV. Жизнь общества в эпоху новейшей мировой торговли, капиталистич. промышленности и развития социализма .	2 50

Литература и родной язык:

ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ТУРГЕНЕВА.—Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского.	2 75
ТВОРЧЕСКИЙ ПУТЬ ДОСТОЕВСКОГО.—Сборник статей под редакцией Н. Л. Бродского.	— —
АНТУАН АЛЬБАЛА.—Искусство писателя. С предисл. А. Гофнебельда. .	1 —
А. АРТЮШКОВ.—Звук и стих. Соврем. исслед. фонетики русск. стиха .	50
М. И. ВОЛЬПЕР.—Справочник по этимологии русского яз. в табл. .	— 40
Е Г О Ж Е.—Новый орфогр. словарь с приложением практических правил правописания	— 50
Е Г О Ж Е.—Правила правописания	— 20
Е. Е. СОЛОВЬЕВА и Е. Л. ТИХЕЕВЫ.—Русская грамота. Первая после букваря книга для чтения	1 —
В. В. СИПОВСКИЙ, проф.—Поэзия народа. Пролетарск. и крестьянск. лирика наших дней	— 70

Иностранные языки:

Н. Н. ЭРДЕЛЬ.—Новый учебн. немецкого языка. Ч. I	1 —
Е Г О Ж Е	1 75
А. ДОДЕ.—Малыш	1 10

2015147781